

*Войны
не меркнущая
память*

войны немеркнущая память

Сборник поэзии и прозы

Коломна.
2021г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Войны немеркнущая память. Сборник поэзии и прозы —
Коломна, 2021. — 216 с.; ил.

- © Фуад Алиев, 2021
- © Анатолий Гречихин, 2021
- © Виктория Древо, 2021
- © Наталья Евстигнеева, 2021
- © Елена Золотавина, 2021
- © Владислав Игнатов, 2021
- © Сергей Калабухин, 2021
- © Лидия Козлова, 2021
- © Владимир Колабухин, 2021
- © Михаил Корабельников, 2021
- © Марина Красавина, 2021
- © Анатолий Кузовкин, 2021
- © Сергей Кулешов, 2021
- © Евгений Куманяев, 2021
- © Олег Куприянов, 2021
- © Алексей Кусков, 2021
- © Дмитрий Лик, 2021
- © Валентина Майорова, 2021
- © Денис Минаев, 2021
- © Татьяна Рогова, 2021
- © Павел Родькин, 2021
- © Маргарита Савинская, 2021
- © Галина Самусенко, 2021
- © Наталья Самыхина, 2021
- © Сергей Степанцев, 2021
- © Михаил Страхов, 2021
- © Александр Фёдоров, 2021
- © Владимир Холманских, 2021
- © Анастасия Шандрова, 2021
- © Ольга Широкова, 2021
- © Марк Эстеркин, 2021
- © Кристина Юматовас, 2021
- © Наталья Ковалёва, обложка, 2021

СЛОВО СОСТАВИТЕЛЯ

Если бы мысли и силы человечества перестали тратиться на войну, мы за одно поколение смогли бы положить конец нищете во всём мире.

Бертран Рассел

Много лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. За эти годы выросло несколько поколений. Изменилась политическая карта планеты. Нет Советского Союза, который одержал грандиозную, сокрушительную победу над фашизмом, спас весь мир. Да и сами события той войны кажутся далёким прошлым. Но каждый год в России 9 Мая отмечается как самый главный праздник.

В День Победы мы прикасаемся к обжигающей правде войны и понимаем, что на самом деле значит любить свою Родину, любить свою страну, любить свою землю.

Великая отечественная война оставила глубокий след в истории каждой семьи. За этими словами – судьбы миллионов людей, их страдания и боль потерь. Ещё остались люди, которые являются хранителями нашей истории, они были очевидцами тех страшных событий. Тем особая ценность их воспоминаний. В сборнике, который вы держите в руках – живая история, написанная нашими коломенскими авторами. События тех далёких лет собраны по крупицам из рассказов родных, людей старшего поколения. Наряду с очевидцами, участниками войны и детьми, которым суждено было пережить то страшное время, в сборнике приняли участие и совсем юные авторы. И это прекрасно. Получилась эстафета памяти. Почти сорок авторов. Каждый привнёс что-то своё, дорогое именно ему, как память. А всё вместе – это неугасающий вечный огонь памяти.

Для меня и моих сверстников важно, чтобы наши дети, внуки, правнуки понимали, через какие испытания и муки прошли их предки, почему смогли выстоять и победить. Они защищали свой дом, детей, близких, семью. Но всех объединяла любовь к Родине, к Отечеству.

У той войны было много великих битв и героических сражений.

Но и дети войны рыли окопы, работали наравне со взрослыми, смело сражались в истребительных батальонах и партизанских отрядах. У них своя память о ней.

Война – это несчастье в увеличенном масштабе.

Иеремиа Бентам

Важно, чтобы это знали их дети и внуки и смогли передать эту память другим поколениям.

Но и в наше время героизм простых людей не оставляет сомнений в том, что наши современники достойны подвига воинов нашей Родины, которые защитили её в Великую Отечественную войну.

В характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными.

Сейчас у нас появились новые традиции, рождённые народом, такие как «Бессмертный полк». Это – марш нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями. Миллионы людей выходят на шествия с фотографиями своих родных, отстоявших Отечество и разгромивших фашизм. Это значит, что их жизнь, испытания и жертвы, Победа, которую они передали нам, никогда не будут забыты.

Прочитав наш сборник, возможно, кто-то захочет рассказать историю своих близких, кто пережил войну. Из таких историй может получиться интересное продолжение книги. Это тоже будет река памяти, но в рукописном виде, что особенно ценно. Каждый сможет прочесть и дописать эту книгу.

День Победы – это день радости и одновременно день скорби. Именно к этому дню выходит наш сборник. За мирное голубое небо мы благодарны тем, кто отдал жизнь во имя нас, живущих сегодня.

Святой долг каждого российского гражданина – хранить память об этом великом подвиге, чтить его как историю доблести, высокого патриотизма и силы духа. Во имя мира на земле.

Все здравомыслящие люди понимают, что необходимо прекратить все войны на земле. И наша книга это капля в море строительства мира во всём мире. Но из таких капель образуются океаны созидания. И это главная задача человечества.

Наталья Евстигнеева

ФУАД АЛИЕВ

Алиев Гасан-Фуад Исмаилович работает в МУП «Тепло Коломны» начальником смены диспетчерской службы. Является членом Российского авторского общества. Автор семи поэм и нескольких десятков песен.

ЖУРАВЛИ

Был случай один... Вновь 9-го Мая
Слеза прошибала, вставал в горле ком,
Портреты родных высоко поднимая,
По площади шли мы с Бессмертным полком!

Опять Юбилей Весны 45-го
В Мире без «мессершмиттов» и «хейнкелей»,
Звучали стихи Расула Гамзатова
И музыка Яна Френкеля!

Вдруг клин журавлиный, летящий над нами,
Нарушив свой строй, стал снижаться с небес.
Земля уходила у нас под ногами,
А Песню всё пел, пел и пел Марк Бернес!

Проникновенно, призывно курлыча,
Забыли про дали свои журавли,
И люди рыдали, хотелось по-птичьи
Преодолеть притяженье Земли !

Минуту спустя, верх взяла дисциплина,
С Бессмертным полком пообщавшись, они
Летели уже далеко в виде клина,
Красиво летели, Господь их храни!

Гафур Мамедов — морской пехотинец,
Его не страшил неравный бой,
Сумел удержать высоту бакинец,
От пули закрыл командира собой!

Враги перед ним откровенно трусили,
Адиль Кулиев соколом был!
В небе Прибалтики и Беларуссии
Фашистских машин два десятка сбил!

С трепетом книгу о нём мы откроем,
Ведь танки его не знали преград!
Ази Асланов стал дважды героем,
Участвовал в битве за Сталинград!

Легенды разведки, от вас мы в восторге!
Геройски в глубоком тылу
Мехти Гусейн-заде, Рихард Зорге,
Наперекор шли Злу!

«СПАРТАК» НИКОЛАЯ СТАРОСТИНА

/отрывок из поэмы/

Везувий помнит: на застывшей лаве
Стоял Спартак, велик, неповторим,
Готовый к Подвигу, не думая о Славе,
Любя Свободу, ненавидя Рим!

Быть может, силы им черпались свыше,
Чтоб войском стал из Капуи отряд,
Мне кажется, на лаве, на застывшей
В дозоре вновь спартаковцы стоят!

Болельщик, друг мой, у кумира Вашего
«Спартак» легко слетело слово с губ,
Чтоб имя гладиатора восставшего
Носило общество спортивное и клуб!

Из братьев Старостиных самый старший,
Он, Николай, сын егеря Петра,
Легендой на полях футбольных ставший,
Умел решать проблемы «на ура»!..

Да, к власть имущим и к авторитетам,
Лет так, в четырнадцать, подход нашёл,
Чтобы пустырь однажды знойным летом
Стал стадионом, путь открыл в Футбол!

Как удивили этот мир подлунный
На том далёком временном витке!
Навряд ли слаженней квартет сыграл бы струнный,
Чем братья Старостины в «Спартаке»!..

Испанцев зря встречали без опаски,
В 37-ом носили на руках!
«Динамо» Киева, Москвы, Тбилиси баски
Своей игрой разбили в «пух и прах»!

Разгневан вождь и месть его близка,
На Соловки сошлёт и в Магадан!
Но вдруг «6:2» — Победа «Спартака»!
Как не воскликнуть тут: «Но пасаран»!..

.....

Всё ближе-ближе возраст к вековому,
Спортивных травм сложнее рецидив,
Быть может, он при хлопотах по дому
Так думал под спартаковский мотив:

«Давно ли было это всё, давно ли?
Как незаметно годы пролетели!
Футбол на Пресне, книга Джованьоли
И встреча с Лениным в Московском Земотделе!

На «Вилла парке» и на «Леркендале»,
На «Энфилде» победам жить в веках,
Как и урокам тем, что многим дали
На нашем стадионе в «Лужниках»!

Зайти бы с поздравленьем в раздевалку,
Игры победной ощутив полёт,
Или махнуть с Олегом на рыбалку,
Наверняка он знает, где клюёт!

То, как в Москве нам проиграли баски,
Нельзя стереть из памяти годам.
Пусть время лечит и срывает маски,
Всё расставляя по своим местам!»

.....

У Стадиона, словно у Вулкана,
Стоит Спартак, Велик, Неповторим,
Которому Победа лишь желанна,
И в этом мы всегда согласны с ним!!!

АНАТОЛИЙ ГРЕЧИХИН

Поэт Анатолий Гречихин живёт в Коломне. Занимался в ЛИТО «У Грановитой»

ПОБЕДИТЕЛЯМ ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПОТОМКОВ

Пришлось вам нелёгкую долю
В войну выносить на плечах,
о челюсти стиснув от боли,
Вы блеск не гасили в очах.

Вы жизни свои не щадили
В боях с кровожадной чумой.
И выдержав всё, - победили,
И вправе гордиться собой.

Дозвольте же вам поклониться
Спасённой от ига страной.
В историю вписаны лица,
За жизнь уходившие в бой.

Победе не ведать забвенья,
Веками в потомках ей жить.
Великое это мгновение
Для них вы сумели добыть!

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Кусок металла на излёте
Ударил в тело наугад.
И вот душа уже в полёте
Даёт последний свой парад.

Ей в тело вновь не возвратиться,
Застывший взгляд не оживить,
Над миром нашим сизой птицей
Теперь без устали парить.

А где-то мать упала тихо
Перед иконою святой:
«За что, ответь мне, это лихо?
В чём он виновен пред тобой?»

Ему же крестик свой в дорогу
Охранной грамотой дала.
Молилась денно-ношно Богу,
Живым с победою ждала».

Никто с небес ей не ответит.
Господь не любит суеты.
Ведь он не только грешных метит,
Но дарит траура цветы.

ЗА ЧТО?

Земля прекрасная планета
Под ярким солнцем и луной.
За что, скажите, её где-то
Взрывают нелюди войной?

Кому не терпится порою,
Чтоб раскололась тишина,
И взгляды с болью и мольбою,
И мера жизни всей - война?

И кровь - немерено, водицей,
И слёз не видно берегов.
И зло обратно со сторицей,
Из братьев делая врагов.

ЭПИЗОД

Сухарь на троих,
 один автомат.
Дождаться своих –
 все думы солдат.
Надежде не сбыться,
 не дремлет ведь враг.
И вот уж курится
 от взрывов овраг.
Всё ближе и ближе
 к траншее огонь.
Бойцы гнутся ниже,
 земля только бронь.
Металл всё ж сильнее,
 и в клочья земля.
В атаку скорее
 вставайте, друзья!
На склоне овражном
 остался сухарь.
В бою рукопашном
 сошлись, словно встарь.
Друзья, отстоим
 мы Родины честь.
Но что им троим,
 врагов ведь не счесть...
И к трупам боялся
 приблизиться враг,
Ведь так и не сдался
 ему тот овраг.

ВИКТОРИЯ ДРЕВО

Древо Виктория Валерьевна, 18 лет; родилась в Коломне; с золотой медалью окончила МОУ СОШ № 20. Студентка 1 курса МГЮА им. О.Е. Кутафина; выпускница объединения «Пегасик», пишет стихотворения и прозу, победитель и лауреат многих Российских, региональных и муниципальных творческих конкурсов; имеет печатные работы в сборниках «Серебро слов», на страницах газеты «Коломенская правда», в сборнике «Победители»..

ОБЕЛИСКИ ПАМЯТИ

*Для неё не существует время,
И для неё пространства в мире нет.*

А. Ахматова

Что такое обелиск? Задумавшись над значением слова, нашла статью в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Обелиск – «остроконечный памятник или украшение в виде пирамиды». Этим понятием можно назвать тот предмет или сооружение, которое запоминается, проникает в душу.

Немало обелисков памяти на земле нашей.

Это мемориал Хатынь в Белоруссии – мы ездили туда всей семьёй. Сомкнутые гранитные плиты напоминают крышу сарая, в котором фашисты заживо сожгли жителей деревни. Обелиск обращён к нам, чтоб «нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала».

Это памятник «Дорога Жизни» в Ленинграде, пережившем блокаду. У подножия всегда лежит хлеб как напоминание о мужестве жителей.

Это памятник коломенцам, героям Великой Отечественной войны, в Мемориальном парке. Острые языки пламени Вечного огня словно рассекают воздух и не дают остыть памяти.

Это памятник «Журавли» в посёлке Радужный. Белые птицы будто кружат над нами и не могут опуститься на землю. Они оберегают мирное небо.

Во многих городах и школах есть Музеи боевой славы и мемориальные доски. В школе №20, которую я недавно окончила, есть музей 5 Гвардейской Сталинградской Краснознамённой ордена Суворова артиллерийской дивизии РГВК, 320 ГАП. Много лет ученики и учителя собирают материал о бойцах дивизии, и жителях микрорайона – ветеранах войны, о педагогах и учениках школы, ушедших на фронт.

Обелиски памяти – это и книги коломенского писателя Анатолия Ивановича Кузовкина о земляках. Встречи с этим человеком позволяют совершать открытия, находя «обелиски памяти» совсем рядом, потому что в каждой семье есть свои герои и документы истории: «треугольнички» писем, фотографии, вещи тех, кто сражался на фронте или трудился в тылу. То был общий бой

За честь, за свободу советских людей,
За полный разгром всех фашистских зверей,
За братьев, сестёр, за отцов, матерей,
За светлое завтра наших детей!

Эти строки написал мой прадед Саша в 1942 году. Тогда он не знал ещё, что отец его расстрелян в Бабьем Яру...

В нашем семейном архиве бережно хранится толстая книга «Взятие Берлина», подаренная прадеду – участнику войны, его полевая сумка и 5 фронтовых блокнотов. Тетради совсем не похожи на современные: листы аккуратно скреплены проволокой или сшиты,

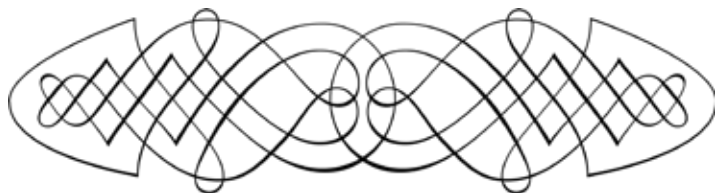
странички разного формата совсем пожелтели, выцвели чернила. В этих старых тетрадах стихотворения военной поры, написанные прадедом Сашей. Красивый чёткий почерк, ровные строки. Он писал о родном Киеве, о любимой маме, о весне, о Красной Армии. А война была совсем рядом... После ранения прадед преподавал в сельскохозяйственном техникуме города Наровчат Пензенской области. В июле 1944 года написал стихотворение «К успехам новым, советский школьник».

Истину школьники найдите одну,
Смысл её каждому ведом:
Чёткой учёбой мы крепим страну
И приближаем Победу!

Быть может, сегодня кажутся наивными эти строки, но в них – вера.

Уже давно нет моего прадеда. Однажды рассматривая одну из тетрадей, не заметила, как из неё выпал листок. Посланием из прошлого лежала на ковре узкая полоска бумаги. На ней был текст песни Фатьянова «На солнечной поляночке»... А на обороте несколько цифр, список купленных продуктов: «60.00 – картошка, 34 – масло». Ещё один обелиск памяти об ушедшем времени.

Они повсюду, свидетели и участники событий. Просто надо внимательно смотреть и слушать, запоминать и хранить. Чтобы не повторилась война. Чтобы жила память, ибо для неё не существуют ни Время, ни Пространство.

НАТАЛЬЯ ЕВСТИГНЕЕВА

Наталья Евстигнеева живёт в Коломне. Она автор тринадцати поэтических сборников: «Сердце на ладони» (1998 г.), «Страницы из дневника» (2000 г.), «Счастливым сон» (2001 г.), «Небесное и земное» (2003 г.), «Вершина» (2004 г.), «Над Россией лебеди летят» (2004 г.), «Ради жизни на земле» (2005 г.), «В лабиринтах чувств» (2008 г.), «На гребне творческой волны» (изданный совместно с Еленой Золотавиной в 2016 г.), «Дорога к дому» в соавторстве с Александром Курагиным (2016г), «Зов совести» (2017 г.), «Жизнь – это чудо» (2018 г.), «Острова в океане добра» (2019г).

Является составителем 15-ти международных сборников о Дobre «Давайте будем бережней друг к другу» и сборника коломенских авторов «Здесь начинается Россия», а также других международных сборников «Уроки жизни», «Акварели любви», «Жизнь прожить – не поле перейти».

Лауреат городских и всесоюзных поэтических конкурсов. При её содействии был создан молодёжный творческий коллектив «Романтики». Руководила клубом молодых поэтов «Золотое перо» при молодёжном центре «Выбор».

Номинирована на премию «Наследие» (2015, 2016, 2017, 2018гг), а также на премию «Поэт года 2015(финалист), 2016, 2017, 2018гг». Номинирована на литературную премию им. Сергея Есенина «Русь моя» (2015 г.). Призёр 3-го Международного конкурса «Восхождение». Награждена медалью Сергея Есенина.

Состоит в Российском союзе писателей.

ВОЙНА

Задумано верно и мудро народом:
Всё самое лучшее – женского рода. -
Вселенная,
Родина,
Радость,
Весна...
Но как в этот список попала война?
Хоть слово – не дело,
Но я бы хотела
Войну из сознания людей исключить,
Изъять навсегда инородное тело,
Чтоб дети могли наизусть заучить:
Вселенная,
Родина,
Радость,
Свобода, -
Слова, лишь достойные
женского рода!

ЗАПОМНИ, ДОЧКА

Запомни, дочка всё до каждой буквы,
В тех строчках, что написаны войной.
Запомни, дочка, чтобы знали внуки,
Победа нам далась какой ценой...
Запомни, как ушёл я в сорок первом,
Чтоб не вернуться больше никогда.
Запомни, как рвались мужские нервы,
Когда, освобождая города,
Мы видели измученных, убитых,
Повешенных, детей и наших жён...
И то, что в бане, наглухо забитой,
Был заживо твой дедушка сожжён...
Как в доме было холодно и сыро...
Как на твоих глазах убили мать...
Как месяц небольшим кусочком сыра
Висел в окошке и мешал вам спать...

Запомни, как сбежала из детдома,
Шла по тайге голодная домой,
И не нашла уже родного дома...
Как много перечёркнуто войной!..

Запомни, дочка, всё до каждой буквы,
Хоть прошлое и больно ворошить,
Запомни это, чтобы нашим внукам,
Не довелось такое пережить...

ПОБЕДА

Победа! Какое же сладкое слово «Победа»!
Когда расцветают повсюду так пышно сады.
И солнце разлилось, и золотом светит в полнеба,
И кажется, что никогда уж не будет беды.

А старые раны как будто болеть перестали.
И хочется жить, будто молодость снова пришла.
Пусть остаются воители на пьедестале.
Война никому не нужна, ни черна, ни бела.

Победа! Какое же гордое слово «Победа»!
Полвека, полжизни прошли за победной чертой.
Уж внучка героя, проказница и непоседа,
Помчится вдогонку за яркой далёкой мечтой.

А вечный огонь, принимающий клятвы влюблённых,
Трепещет, надеясь на искренность, честность невест.
Застывшие слёзы солдата на скулах бетонных
Напомнят о том, как тяжёл победителя крест.

И память вернётся не раз к отшумевшим атакам.
И снова возникнут безусые лица друзей.
Пусть мир поделится по улицам, обществам, паркам.
Он всё-таки мир. И от этого сердцу теплей.

Победа! Какое же светлое слово «Победа»!
Весну принесли, возвращаясь домой, журавли.
Не надо о грустном, о чём сообщает газета,
Ведь мир от фашизма солдаты России спасли.

И пусть навсегда остаётся традицией в школе,
Что сложены будут из букв и наполнят эфир
Те первые и дорогие до слёз и до боли
Простые слова и великие: «мама» и «мир».

СТРАШНЫЙ СОН

Вчера приснилась ночью мне война,
Настолько явно, и настолько зримо,
Что ужас испытала я сполна,
Как будто повторилась Хиросима...

Я помню, нарастал тяжёлый гул,
Летели самолёты чёрной тучей.
И с ног сбивая, сильный ветер дул.
И я уже не знала, что же лучше:

Скорее забежать в ближайший дом,
С ревущей, оголтелою толпою
Или остаться вкопанным столбом
И встретить царство вечного покоя...

Я видела вдали смертельный гриб,
Что к небу поднимался, прорастая.
И слышался во всём предсмертный хрип.
И ликовала всласть воронья стая...

Запомнился мне плачущий старик, –
Его лицо от слёз блестело влажно,
И душу разрывавший детский крик:
«Бежим скорее, мамочка, мне страшно!»

И я, уже очнувшись ото сна,
Лежала ещё долго, будто в шоке,
И сердце колотилось, как блесна,
В стремительно несущемся потоке.

Но осознав, что это только сон,
Ношу в душе я вечную тревогу.
Молюсь, чтоб никогда не сбылся он
И Совести, и Разуму, и Богу...

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Евстигнеев Степан Петрович, мальчишкой ушёл на войну, исправив в метрике год рождения, чтобы не отправили домой из военкомата. Не смотря на свой возраст, он мужественно преодолевал все тяготы и лишения, храбро воевал. За то, что закрыл своим телом командира и спас его от смерти он был награждён орденом «Красная звезда». Не раз отец вытаскивал с поля боя раненых товарищей, участвовал в боевых операциях. Медаль «За отвагу» и другие медали, а также благодарности от И.В. Сталина – подтверждение того, что отец был настоящим воином, мужчиной.

Сейчас мне 17 лет. Когда отец ушёл на войну, ему было столько же, сколько и мне. Но он не делал поблажек своему возрасту. Героически преодолевая трудности, сражаясь с врагами, он дошёл до Берлина. И в победе над фашизмом есть и его немалая заслуга. После войны отец закончил техникум, затем институт, работал инженером на заводе, потом преподавал в техникуме. Студенты с благодарностью вспоминают его лекции. Отец был удивительным рассказчиком. Сохранилось его письмо, в котором он описывает свой первый прыжок с парашютом. Я передаю его в сборник, не исправив ни слова. Для меня оно дорого как память об удивительном человеке – добром, мудром, весёлом, мужественном и трудолюбивом. В его жизни было много прыжков с парашютом, боевых операций, испытаний, но это письмо характеризует его как романтика, каким он и оставался до конца своей жизни. Светлая память об отце я сохраню в своём сердце навсегда.

Евстигнеев Павел

ПИСЬМО

Здравствуй, Павлуша!

Перебирая свой «архив», обнаружил пожелтевший и по краям обгоревший, чудом уцелевший листок, пронесённый в моём солдатском вещмешке по фронтовым дорогам Венгрии, Австрии и Чехословакии в феврале – мае 1945 года. Этот листок – мои впечатления, мои воспоминания о первом моём прыжке с парашютом летом 1943 г. В 14-ю гвардейскую Воздушно-Десантную Бригаду (14ГВДБ)

в миномётную роту я попал из 1-го Тюменского Военно-Пехотного Училища (г. Тюмень) в мае 1943 г. Нас должны были выпустить из училища с присвоением звания лейтенантов в июне 1943 года. Но в первых числах мая нас, неаттестованных офицеров послали в ВДВ (Воздушно-Десантные Войска)

Начало утеряно...

«...поднялись мы в этот день раньше обычного. В низине у речушки Вахчинки, что протекала по границе расположения нашей 14гв. ВАБ, ещё стоял туман, когда мы вышли в город Киржач (Ивановской области) на склад ПДС (Парашютно-Десантной Службы). День предвещал быть лётным. Захватив на складе свои парашюты, направились на площадку приземления, – «Пиковое поле».

Из-за леса уже поднялось солнце, разгоняя остатки тумана. Преодолев 6 км пути, уже брели, согнувшись под тяжестью парашютов. Устали. Всё же 2 парашюта (основной=20 кг «ПД-41» и «ПЗ=13 кг – запасной парашют) кое-что весят, да вдобавок приходилось нести ещё по очереди парашюты ротного и взводного командиров.

Наконец, добрались, доползли до места. В изнеможении плюхнулись на траву рядом с парашютами. Отдышались, вытирая вспотевшие лица...

Все думали о предстоящем прыжке... Ведь это наш первый прыжок – ознакомительный.

Подали команду: «Встать! Одеть парашюты!»

Одели. Построились. Инструктор и начальник ПДС проверили исправность и подгонку парашютов. Подошли к «корзине» – ящику, висящему на аэростате для 3-х парашютистов и «вышибалы» – инструктора ПДС.

Отметились по спискам. Мною овладело волнение, но я держался бодро. Сели в «корзину» на лавочки. Мне предстояло прыгать первому. «Колбаса» – аэростат– (а вместе с нею и мы) начала подниматься... Вниз старался не смотреть (вспомнил советы инструктора), чтоб не закружилась голова. От каждого движения корзину начинало раскачивать.

Сверху открывалась незабываемая картина... Отсюда был виден город, деревни близ города, аэродром бомбардировщиков пикирующих «ПЕ-2», зелёные луга, огороды вырисовывались правильными прямоугольниками... Видны были межи; полевые дороги, словно

серые нитки разрезавшие луга. По опушке леса сверкала, извиваясь в берегах небольшая речка Киржач.

«Вышибала» тихо скомандовал: «Приготовиться.»

Я встал, придерживая на животе «ПЗ». Инструктор открыл дверцу. Я шагнул к дверце и, встав на порожек, ухватив «ПЗ» руками, глянул вниз...

Там внизу как муравьи копошились люди, бегая по полю, собирая парашюты, суетились только что спрыгнувшие гвардейцы... Внизу чередовались полосы картофеля, гречихи, овса... Раздалась тихая команда инструктора: «Пошёл!».

Я качнулся вперёд и невольно затаив дыхание, с закрытыми глазами провалился вниз... Ветер засвистел в ушах... Парашют с шелестом раскрылся.

Посмотрел вниз. Земля медленно плыла и приближалась мне навстречу, хотелось обнять её руками и расцеловать, такой родной и бесконечно любимой показалась она в эти мгновения...

(лето 1943г. 14 гв.ВДБ, 1-й батальон, миномётная рота, 2-й взвод, г. Киржач Ивановской обл.)

Удивительно с этими записями перекликаются строки из песни Владимира Высоцкого:

«Мы не успели, не успели,
не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой»...

ИСПЫТАНИЯ МИРНОЙ ЖИЗНЬЮ

Испытания мирной жизнью
Оказались страшней войны.
Возвратились домой, в Отчизну
Из далёкой чужой страны

Повзрослевшие на столетье
И познавшие боль потерь,
Те, кто выжил в той круговерти,
Перед кем отступила смерть.

А в стране их ждало бесславиe,
Безразличие и позор.
Обезумевший вопль отчаянья
Над страной летит до сих пор:

С жизнью счёты сводили многие,
Кто-то просто сошёл с ума.
С обывательской философии –
Виновата была война.

Мир их встретил жестоко, подленько,
Повернувшись ко всем спиной.
Сколько судеб людских поломано,
Искалечено не войной, –

Беспощадно-суровым временем,
В мирной жизни, родной стране...
Им на плечи тяжёлым бременем
Мир обрушился с болью всей.

Тем, кто выжил и с честью выстоял
В перестройке, средь взрывов цен,
Помогая другим неистово,
Без предательств и без измен,

Им при жизни поставить памятник,
Им Героев России дать
Было б мало... И первый праведник
Их достойней не смог бы стать.

Им Афган предстояло вынести,
В мирной жизни пройти сквозь ад,
Жить по высшим законам – совести
Не для почестей и наград.
Вряд ли кто-то ещё осмелится
Бросить камень в них, очернить.
Может быть, и Земля-то вертится
Ради них, чьё призванье – жить!

ОБРЕЧЁННЫЕ ЖИТЬ

Обречённые жить не погибнут в объятиях смерти,
Ни в жестоких боях и ни в адском клубке катастроф.
Может быть потому, что они за планету в ответе
По решению свыше – на главном совете богов.

Обречённые жить за себя и за тех, кто в Афгане
Свои жизни отдали за мир и за счастье людей,
Прогибаться и ползать под тяжестью века не станут.
Время их обязало быть вдвое и втрое сильней.

Обречённым на жизнь вопреки всем смертям и несчастьям
Не положено плакать, кляня и ругая судьбу,
А ещё у них нет права струсить и права сломаться,
Ведь они перед памятью павших в Афгане в долгу.

ПОСВЯЩЕНИЕ «АФГАНЦАМ»

Нас война научила жить
Может быть, даже очень жадно,
Коль любить – до конца любить, -
Страстно, искренне, безоглядно.

Ненавидеть всех подлецов,
Негодяев, ничтожных трусов.
Если смерть вам глядит в лицо,
Стать несложно двухсотым грузом...

И ошибка ценою в жизнь
Не исправится, не простится.
Боль потерь всех не заглушить.
И Афган до сих пор нам снится.

Нас война научила быть
И за судьбы людей в ответе,
Потому что нельзя забыть,
Как в огне погибали дети,

Потому что нельзя смотреть
Равнодушно на мир убогий.
Человек, победивший смерть,
Сможет то, в чём бессильны боги.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ПОЛЯКОВА

Знаю, мама, тебе не сладко,
Ждёшь меня ты домой с войны,
Слёзы смахивая украдкой.
Но к тебе... не вернётся сын...

Я сегодня погиб в Афгане,
Корректируя бой в горах...
Как сражались отважно парни
Был свидетель тому Аллах.

Бой кипел, словно ад крошечный,
Горы, вздрагивая, рвались.
Вертолёт наш кружил над бездной,
Вырывая у смерти жизнь.

Там, в Тавахской петле, в засаде
Наших били со всех сторон.
Есть приказ, и есть слово «надо»
И военный святой закон –

«Погибай, но спасай другого», –
Наших вырвали из петли...
Мама, милая, дай мне слово
Обо мне горьких слёз не лить.

Пусть погладит седые прядки
Ветерок, прилетев с реки.
Знаю, будет тебе не сладко,
Только ты себя береги...

ПАМЯТЬ ВЕЧНАЯ

Память вечная... Вечный покой...
И застыв в безутешном горе
Ангел крылья сложил за спиной.
Боль и скорбь в потускневшем взоре.

Злым распятием маячит крест...
Сколько ж мальчиков погубили!
И упал он с мольбой небес
На колени к стопам России...

КАМНИ НЕ ПЛАЧУТ

Камни не плачут. Но плакал гранит,
Став на посту в изголовье солдата.
«Смертью героя в Афгане погиб» –
Криком кричит на надгробии дата...

...Был он так молод, удачлив, красив.
Жить бы да жить ему радостно, долго.
Но прогремел оглушительный взрыв...
Козни судьбы то иль промысел Бога?! –

Гибнут мальчишки опять на войне.
Этим смертям не найти оправданья.
Даже у крепких и стойких камней
Катятся горькие слёзы страданья...

Плакал гранит над бедою людей
Всей непомерною силой бессилья,
Горем невыплаканным матерей
Многострадальной великой России...

БЕСЛАНУ

Это боль всех народов и стран...
Незаметный на карте Беслан...
Смерть и кровь беззащитных детей, –
Разве что-то бывает страшней!

Разве горе бывает сильнее
Горя общего всех матерей!
И нельзя эту боль пережить
И когда-то забыть, и простить.

К милосердию взывает Беслан
И к прозренью взывает Беслан
Общей раню множества ран,
Общей болью народов и стран...

ВЗРЫВ

Содрогнулся Моздок от ужасного взрыва
Отвратительным, злым отголоском войны.
Даже думать об этом нельзя без надрыва...
Это – общая боль. Горе нашей страны.

Под руинами зданий – не трупы мальчишек,
Там навеки остались сердца матерей.
Как железом калёным тот взрыв во мне выжиг
Мысль о том, что есть души у тех дикарей.

Если жизни людей для подонков ничтожны,
Горе, слёзы и боль в них рождают восторг,
Для таких лишь суровые меры возможны, –
Выметать эту нечисть с позором, как сор.

Отовсюду: из стран, городов и селений,
Из самой нашей жизни, из памяти, дум...
В этом бесчеловечном клубке преступлений,
Тот последний виток не простится врагу...

ЛЮДИ ГОР

Я заживо была погребена
Под стенами разрушившихся зданий:
Надежд, стремлений, искренних желаний.
Но не виню тебя, моя страна.

Ты – пядь земли, нам данная судьбою,
Где жить да жить бы, да детей растить.
Но та игра, что названа войною,
Нас научила, ненавидя, мстить.

А в этой мести правых не бывает.
Мы – пешки, жертвы тех, кто предал нас.
И брата брат сегодня убивает.
И горько плачет мой седой Кавказ.

Я – дочь земли, где рядом дружно жили
Десятки лет без ругани и ссор
Все нации.
И землю не делили.
И назывались гордо – люди гор.

Но тот, кто перессорил брата с братом,
Оставшись от событий в стороне,
На нашей крови стал уже магнатом.
Да, нынче кровь, увы, в большой цене.

Мы – люди гор, мы гордые как горы.
Сломить наш дух никто ещё не мог.
О, братья! Прекратим пустые споры!
Простим друг друга.
И простит нас Бог.

ТОТ

Тот, кто взрывает невинных детей
Ради своих сумасшедших идей,
Самого лютого зверя страшной.
Он не достоин быть в стане людей!

Прочь от порога гоните его.
Знайте, святого в нём нет ничего.
Детоубийца, презренный абрек!
Не человек это! Не человек!

Пищи и крова он не достоин!
Жизни на этой Земле не достоин!
Смерти и той уже не достоин!
Это – не воин! Это – не воин!

ТЮЛЬПАНЫ

Когда расцветают тюльпаны в горах,
То горы становятся алыми,
Таковыми, как в дивных, далёких мирах,
Где только во снах и бывали мы.

И хочется каждый цветок целовать
За нежность его ненаглядную,
За то, что умеет гореть и сиять,
И за красоту первозданную.

Тюльпаны в горах – это песня весны
О солнце, любви и о вечности.
Средь грома орудий и горя войны
Взывают они к человечности.

НА СИНЕЙ ГОРЕ

Вы стреляете в нас,
Но все пули вернутся обратно.
И сегодня, сейчас
Проявились кровавые пятна,
Те, что вспыхнут на вас,
Ваших детях и правнуках ваших.
Нам твердили не раз,
Что поверженный воин не страшен...

Но есть память веков
И клеймо, что не вырвать и с кожей, –
Убивая врагов,
Губишь тех, кто всей жизни дороже.

Кто в нас видит врагов?
Разве мы не такие же люди?
Иль закон ваш суров, –
Не от Бога, кровавые судьи?

Вы стреляете в нас,
Видя в нас лишь живые мишени.
Но в последний свой час
Не ищите у Бога прощенья.

Здесь, на синей горе
Вы в свои же стреляете души.
И в позорной петле
Ваша совесть сама вас задушит.

Выполняйте приказ,
Озверевшие каины-братья!
Вы стреляете в нас,
Но и вам не уйти от проклятья!

СМЕРТИ...ЕЙ ВСЁ РАВНО...

Смерти...Ей всё равно...
Жизни нужны живые,
Смелые, дерзкие, злые,
Сильные и молодые...
Третьего не дано...

ЭТА УЧАСТЬ СВЯТЫХ И СИЛЬНЫХ

Эта участь святых и сильных –
Принимать на себя огонь.
И в условиях невыносимых,
Где удары со всех сторон

Так и сыплются неустанно,
Где покоя и счастья нет,
И не падает с неба манна
Словно проклятым много лет,

Жить, хоть жизнью назвать непросто
Испытание сроком в жизнь,
До последнего перекрёстка,
Где душа улетает ввысь.

Эта участь святых и сильных, –
Принимать непосильный крест.
Это участь моей России.
Всех страданий её не счесть.

Но всё ярче сверкают грани.
Жизнь шлифует их каждый час.
Бриллиантом однажды станет
Дух России – её алмаз!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Матерям, погибшим в Чечне, посвящается.

*Сыночек, если ты выживешь,
пожалуйста, помни, что я тебя
очень любила...*

Мы шли дорогами войны.
От горя лица почернели.
А вслед проклятия летели,
Но нашей не было вины.

Слезами многих матерей
Здесь омывались километры.
И знали лишь степные ветры,
Где отыскать нам сыновей.

От полных ненависти глаз
Сердца сжимались каждый раз.
И каждый камень там грозил
Отнять у нас остаток сил.

Никто подать нам не желал
Ни корки хлеба, ни воды.
А полусонные сады
Дышали ядом сотен жал.

Питаясь высохшей травой,
Речной водою запивая,
Порой в бессилье завывая,
Я всё же верила: «Живой!»

Мы спали прямо на земле,
Покрывшись инеем и снегом.
Под неродным чеченским небом
Совсем нежарко в феврале...

Вагоны с трупами солдат,
И стоны раненых, и крики...
Зачем кровавые улики,
Чтобы понять, кто виноват?

Но среди мёртвых и живых
Мы не нашли детей пропавших.
И от бессилия упавших
Бандиты взяли нас троих...

Когда есть выбор – смерть от пули
Иль грязь облизывать с сапог...
Прости, сынок, и ты б не смог...
Другие...дольше протянули...

Над матерями всей ордой
Вначале зверски надругались.
Затем отдал приказ Седой,
Чтоб с ними честно рассчитались...

Металл войны не знает проб.
Он глух к страданиям и боли
И к материнской горькой доле...
Расчёт был прост – по пуле в лоб.

Мы шли дорогами войны...
Ещё надеялись на чудо.
Цены не зная соли пуда
И жизни истинной цены...

Нас было трое. Ни одной
Не суждено уже вернуться.
Но как заставить вас очнуться,
Всех, одурманенных войной?!

Устами павших матерей
Я заклинаю вас, живущих:
«Не допустите войн грядущих!
Спасите наших сыновей!
Спасите ваших сыновей!»

В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ

Главное, что ты выжил.
Выжил, пройдя сквозь ад...
Необычайно рыжий
В окна смотрел закат...

Приторно пахло кровью...
Слышался тихий стон...
Вот и поспорь с судьбою
В жарких объятьях войн!

Стены палаты, дрогнув,
Снова плывут назад ...
Молится на икону
Мамка твоя, солдат...

Сколько ж за это время
Пролило горьких слёз!..
Знаю, ты не из кремня,
Душу грызёт вопрос:

«Как дальше жить ...
«обрубком»,
Будто бы ... в полцены?!»
Помни! Ты не был трусом.
Нет в том твоей вины.

Всё впереди, поверь мне.
Боль нужно превозмочь!
Раны залечит время.
Мысли дурные – прочь!

Духом не падай! Выше
Голову.
И...солдат,
Главное, что ты выжил ...
Выжил, пройдя сквозь ад!

АНГЕЛЫ

Ангелы падали с неба.
Падали и умирали...
На раскалённую землю
И на развалины зданий.

Ангелы с неба смотрели,
Как погибали их братья, -
Жизни свои не щадили,
Пламя крылами сбивая.

Люди же не понимали,
То, что войну разжигая,
Братьев небесных губили
В пламени бесчеловечном.

Ангелы падали с неба,
Жизни свои не щадили,
Чтобы спасти нашу Землю,
Только никто их не видел.

Люди не верили в Бога,
И продолжали насилье.
Не опасаясь расплаты,
Думали, всё обойдётся.

Но предсказанье пророков
Стало так явственно близко.
Время молить о пощаде.
Ангелы в нас ещё верят.

УСМЕШКА ФОРТУНЫ

Что мне уготовит мерзкая судьба?
С дрожью ожидаю скорого суда.
Быть – не быть... кто сможет
Мой вопрос решить?
Отвечает эхо: «Жить или не жить!»...
Страшен лик Фортуны. И усмешка зла...
Нет, не развязать мне крепкого узла...
Всё осталось в прошлом, жизнь ушла вперёд.
Что-то мне тревожно. Оторопь берёт...
Страшен лик Фортуны. И усмешка зла.
Что же ты, Матрона, сына не спасла?!

НЕНАВИЖУ ВОЙНУ

Ненавижу войну, но призывно трубят
снова медные трубы.
И приходится штопать не древний наряд,
а разбитые судьбы.
На проклятой войне победителей нет,
потому что победы
Воскресить не смогли женихов и невест
и развеять все беды.
И погибших ребят не вернуть матерям,
почерневшим от горя.
И пролёт по лицу моей родины шрам,
искажая историю.
Ненавижу войну, проклиная войну,
но она словно гидра.
Снова душит в смертельных объятьях страну,
и конца ей не видно.
Ненавижу войну за раздавленный смех,
за жестокую жалость.
И за счастье, что Богом делилось на всех,
а в боях затерялось.

РОССИЯ ЧЁРНОЕ НАДЕЛА

Россия чёрное надела
Легко, торжественно и чинно,
Как будто траур по мужчинам,
Что погибают то и дело...

Стал чёрный цвет сегодня моден.
На встречах и на торжествах
Всегда уместен и угоден,
Не вызывает скорбь и страх.

И чересчур черны, угрюмы
Весною улицы, дворы.
От чёрных платьев и костюмов
Мрачнеют свадьбы и пиры.

Но все вокруг как будто рады
Принять правленье черноты.
Все чаще мрачные наряды
Пятном зияют из толпы.

Уже не скорбь, а счастье, радость
В союзе с мрачностью и тьмой.
А, может, правда не осталось
В стране и краски-то иной?

Не просто дань сегодня моде,
А отраженье душ людских...
Цвет чёрный при любой погоде
Заметен более других...

ЗАЧЕМ ВОЙНА ИДЁТ НА БЕЛОМ СВЕТЕ

Зачем война идёт на белом свете,
Когда земля ждёт пахаря, зерна,
И солнце нежно – ласковое светит,
И царствует красавица весна?..

Зачем война, когда весь мир ликует? –
Любовь коснулась птиц, деревьев, трав.
И лютый зверь теперь уж не лютует, –
Он ждёт любви, и он, конечно, прав...

Зачем война, когда сама природа,
Как будто просыпаясь ото сна,
Все существа разбила на два рода –
Мужской и женский, где любовь одна...

Зачем война? И что, безумцы, делим?
Нет ничего дороже жизни! Нет!
И для какой такой великой цели
Воюют люди уже много лет?

Зачем война, когда любви так мало,
И без неё. Куда ни посмотри,
Как будто доброты совсем не стало,
Грубим друг другу, ссоримся, сорим...

Уж коль болеть – любовью, не войною,
Чтоб создавать, творить, не разрушать!
Как пахнет воздух раннею весною! –
Пора любить и грудью всей дышать.

Зачем война? Ужели невозможно
Оставить эту страшную игру?
Уж коли делать что-либо серьёзно, –
Всего лишь быть на жизненном пиру!

Я ИХ УВИДЕЛА В ЧЕЧНЕ

Я их увидела в Чечне.
Забуть, как сон, их невозможно.
Они, как боль, живут во мне.
И на душе всегда тревожно.

В них страха не было и скорби,
Ни лютой ненависти, нет,
Ни ожиданья, ни тревоги,
Ни отраженья трудных лет...

И даже лучика надежды
Не промелькнуло в них тогда,
Как будто, облачась в одежды,
Смотрела на меня беда.

Без тени горести и гнева,
Без сожаления потерь,
Держа в руках буханку хлеба,
Ни человек уже, ни зверь...

Глазами страшными, пустыми, –
Так смотрит бездна или смерть...
И кровь от взгляда в жилах стынет.
И можно вмиг окаменеть...

Я их увидела однажды,
И не дай Бог увидеть вновь
Глаза невинно пострадавших
Российских матерей и вдов...

НА ПОСТУ

У тебя седина на висках,
А тебе ещё нет тридцати.
Видно, службу в ракетных войсках
Нелегко тебе, друг мой, нести.

А когда заступаешь на пост,
И глаза устремляешь на пульт,
Понимаешь, насколько непросто
Твой единственно избранный путь.

И не кнопок пластмассовых лёд
Ощущаешь ладонью своей. –
Это аиста плавный полёт,
Это липовый запах аллея,

И наш маленький садик в цвету,
Ширь полей и Оки нашей ширь.
И я знаю, что ты на посту
Охраняешь наш дом и весь мир.

КАССАНДРА

Молчит Кассандра,
 дав зарок молчания.
Зачем, кому пророчества нести? -
Все крики боли, скорби и отчаянья
Разбились. Этот город не спасти.
И пала Троя. И погибла Троя.
Хотя сменилась вывеска у строя...

ОТЦЫ У НАС ВОЕННЫЕ

Отцы у нас военные,
Всю жизнь свою служили.
И потому, наверное,
Не очень долго жили.

Мы дома их не видели
Ни днями, ни ночами.
А мамы, глядя кители
Отцовские, скучали.

Все тридцать с лишним
Долгих лет –
Тревоги и наряды...
Отцов давно в живых уж нет.
Остались лишь награды.

Но жизни всё-таки не зря
Отцы свои отдали.
Глядится мирная заря
В отцовские медали.

ОФИЦЕРСКАЯ ФОРМА

Каждый раз, провожая тебя, мой родной,
Я молюсь, чтоб с тобой ничего не случилось.
Это трудное счастье – быть верной женой,
Бесконечная боль и великая милость.

Ждать и верить, что пуля тебя не возьмёт,
А удача в пути никогда не оставит.
Но бессонные ночи сегодня не в счёт.
Я счастливее всех, всем подругам на зависть

Офицерская форма
К лицу настоящим мужчинам,
Тем, кто смел и отважен,
и не бросит в беде никого.
Буду ждать тебя дома,
Воспитывать нашего сына,
Чтобы стал он таким же, как папа его.

Быть всегда там, где трудно,
где помощи ждут, –
Это так благородно, хотя и опасно.
Только близкие люди простят и поймут,
Ведь ругают военных, порою, напрасно...

А когда я стою у ночного окна,
Ожидая тебя, мой любимый, с работы,
Незаметно тебя охраняет луна.
В это время, быть может,
спасён будет кто-то.

Офицерская форма
К лицу настоящим мужчинам,
Тем, кто смел и отважен,
и не бросит в беде никого.
Буду ждать тебя дома,
Воспитывать нашего сына,
Чтобы стал он таким же, как папа его.

Каждый раз, провожая тебя,
мой родной,
Я молюсь, чтоб с тобой
ничего не случилось...

НЕ ПЛАЧЬ, РОССИЯ, ТЫ ЕЩЁ ЖИВА!

Не плачь, Россия, ты ещё жива!
И пусть твоё израненное тело
Ещё набраться силы не успело,
Ты есть и будешь. В этом ты права!

Тебя пытались выпачкать смолою
И пригвоздить к позорному столбу.
Но никогда тебе не быть рабою.
Я верю в твою светлую судьбу.

Не плачь, Россия, ты ещё жива!
Ты есть и будешь. В этом ты права!

Я ПРИШЁЛ ИЗ ДОЛИНЫ СМЕРТИ

Я пришёл из долины смерти,
Возвратился, чтоб снова жить.
Скажут: «Было легко». Не верьте,
Слишком тонкая это нить.

Оборвётся, уже не свяжешь,
Потеряешь и не вернёшь.
Даже если испачкан в саже,
И ударила в сердце ложь,

Задыхаясь, борись, не кисни.
За чертою нет ни черта.
Прочь гони безнадёги мысли,
Жизнь такая, брат, красота!

Не постигнув её высоты,
Уходить не спеши, не смей!
Жизнь одна. И сводить с ней счёты,
Это – худшая из идей.

Я вернулся. И значит, снова
Ощущаю себя, живу!
И от счастья плясать готов я,
И, упав, целовать траву.

ВДОВИЙ ОСТРОВ

Где-то посредине океана,
Не доступный он для кораблей,
Окружённый стенами тумана
И печальней крика журавлей

Остров есть. Хотя нигде на карте
Не найдёте признаков его.
Ни одна из поисковых партий
Вам о нём не скажет ничего.

Но он есть, невыдуманный остров,
Только бесконечно далеко.
Отыскать его не так уж просто.
А попасть туда, увы, легко.

В час, когда луны овал печальный
Серебром украсит гребни волн,
Устремится к берегу хрустальный,
Залитый сияньем, дивный чёлн.

Если зачарованно коснёшься
Звонкого, как песня, хрусталя,
То уже не вскрикнешь, не проснёшься,
Вдаль среди волн распахнутых скользя.

И сопротивленье бесполезно.
Никакая сила не спасёт.
Словно зов Сирены манит бездна.
И в неё несчастного несёт...

Но растает ночь и утром ранним
Розовый рассеется туман,
И предстанет взору остров странный,
Сказочно-зелёный от лиан.

А на нём – лишь женщины и дети.
Стон и плач стоит там день и ночь.
Даже солнце тусклой лампой светит,
Потому, что им нельзя помочь.

Раньше этот остров был солдатским.
Жили там когда-то вдовы тех,
Кто давно уж спит в могилах братских.
Там давно не слышен детский смех.

А потом
Обманутых судьбою
Сколько женщин побывало там! –
Брошенных, подкошенных бедою,
Грустных и седых не по годам...

С горькой долей их соприкоснулась
Я однажды, на какой-то миг.
И тогда от ужаса проснулась,
Вдруг во сне услышав свой же крик.

Вы не верьте женщине весёлой,
В то, что ей спокойнее одной,
От тоски ль, от ноши ли тяжёлой
Так непросто не упасть на дно...

Кто хоть раз увидел Вдовый остров,
Боль чужую без труда поймёт.
Это остро. Это очень остро.
Пусть вас эта участь обойдёт...

НИ СЛОВА БОЛЬШЕ О ВОЙНЕ!

Ни слова больше о войне.
Она вниманья не достойна.
Я говорю о ней спокойно,
Пусть всё внутри кипит во мне.

Ни слова о смертях и горе,
И о трагедиях людских.
Над миром полыхают зори
Всем потрясениям вопреки...

За три серебряных монеты
Когда-то продали Христа.
И на распятие неспроста
Сегодня Русь и вся планета...

И если мир не содрогнётся
От всей продажности своей,
То завтра станет чёрным солнце
Для всех отцов и матерей.

Ни слова больше о войне.
Она, как всё, имеет цену.
Не нужно быть на самом дне,
Чтобы почувствовать измену.

Она не та, она не то,
Что всем на блюдце преподносят.
И хочется презренье бросить
В её звериное лицо.

Она ни слова не достойна.
О ней я лучше промолчу.
Пусть будут прокляты все войны!
Я миру лиру посвящу!

ВЫБОР

Мне до пропасти только шаг,
А до вечности лишь мгновение.
И в душе моей – вечный мрак
И прекрасные озарения.

Я и гений, и белый маг,
И ничтожество, и преступница,
Верный друг и жестокий враг,
Богомолица и заступница...

Так уж вышло.
Одним я – мать.
Для других – просто неудачница.
Я могу среди миров летать,
Но порой мне так горько плачется...

Я – небесного света дочь
И земного греха невольница.
В моей жизни то день, то ночь,
Лишь мой ангел всё время молится.

И с молитвой святой его
В мире, где потерялись ценности,
Я живу, зная, что всего
Шаг от пропасти, миг до вечности.

КОГДА Б ОТЧИЗНУ СНОВА ВЫБИРАЛИ

Когда б отчизну снова выбирали,
Я выбрала б Россию вновь и вновь.
И хоть страну мы нынче проиграли,
И льётся по земле сыновья кровь,

У нас украли всё, но не отняли
Последнее – безмерную любовь.
Мы с этим чувством рождены в России.
И с ним живём, работаем, творим.

И как бы нашу Русь не поносили,
В ней то, что почитается святым.
О, Русь, страна величественных далей,
Где можно долго слушать тишину.

Виновники бессмысленных баталий
Обрушили на этот мир войну.
Им не понять, что кровью и слезами
Нельзя сломить великий русский дух, -
Алмаз, что создан мудрыми веками,
Сияет даже в пропасти разрух.

Я верю, что Отчизна возродится
Как птица Феникс изо всех невзгод.
В России удивительные лица,
На них смотрю и вижу свой народ.

Единство духа, мудрости и силы,
Вот новый путь, единственный, прямой.
За воскрешенье светлое России
Молись, народ многострадальный мой.
Борись, народ непокорённый мой!

ЕВСТИГНЕЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ

Письмо мечте

Я ждал тебя. В далёком Васюганьи
Пригрезилась мне светлая мечта.
Искал тебя в сибирской глухомани,
Исследуя всё новые места.

В лесах дремучих и песках сыпучих,
В глухих болотах я тебя искал.
Вдоль рек глубоких, на высоких кручах,
И продираясь среди голых скал...

Я ждал тебя. В суровые морозы,
Когда луна висела в сизой мгле,
Когда от стужи лопались берёзы,
Увидел милый образ на стекле...

Я ждал тебя. Учась уже в Тюмени,
Я слышал, как шептала мне Тура,
Что годы пронесутся, как олени,
Но встретиться с тобою не пора...

Потом уже в степях у Балатона,
В Австрийских Альпах я тебя искал.
Под звуки старомодного чарльстона
О встрече той единственной мечтал.

Была война. Вокруг рвались снаряды,
Но смерть меня застигнуть не могла.
Я чувствовал, что ты со мною рядом,
И, может быть, мне выжить помогла...

Но я тебя не встретил в Будапеште,
Ни в Дрездене, ни в Праге не нашёл.
Но верен был мечте своей, как прежде,
И в поисках тебя все шёл и шёл...

Когда в послевоенную годину
И в ясный день, и ночью при луне
Искал тебя, задеть рискуя мину,
Бродя в лесах, – не встретила ты мне...

В Азовских плавнях и урманах диких,
В степях кубанских и на Иртыше
Людей встречал я много разноликих,
Но ты одна жила в моей душе.

Я очень долго ждал тебя и верил –
Не встретиться с тобой мы не могли.
Уже полвека мне Господь отмерил...
А ты росла в неведомой дали...

И вот, когда уже, казалось,
Пора пристать к причалу кораблю...
Тебя увидел!
Что же мне осталось? –
Сказать, что я тебя всю жизнь люблю...

Это единственное стихотворение мужа, которое сохранилось, оно посвящено мне. Он очень любил жизнь, за которую воевал, детей, Родину.

«ТЕТРАДКА ТЁТИ ТАМАРЫ»

Отрывок из документальной повести

Я родилась в Сибири, там, где протекает река Бирюса. В этот чудный мир я пришла в семь часов 15 минут утра восьмого ноября 1938 года...

Своих родных родителей я не знаю и не помню. В нашей семье я была пятым ребёнком. Как выяснилось впоследствии, меня опередили два братика Коля и Толик и две сестрёнки Шура и Нина. Главной семьи нашей, как и принято было в те далёкие времена, был наш отец, Ткаченко Илья Никифорович. Он работал машинистом паровоза в городе Тайшете Иркутской области.

Родную маму звали Анной. Более мне ничего до сих пор не известно. Бабушка, мамина мама, была из Белоруссии, очень красивой женщиной, а дед был цыган, который её часто избивал.

А я родилась русской...

Когда мне было пять месяцев от роду, мама наша умерла, её свалил тиф. Да, мне было всего пять месяцев, но это событие отразилось в моей памяти навсегда. Я до сих пор вижу (третьим глазом) день похорон. В доме было очень много народу. В гробу лежала мама. Старшая сестра Шура держала меня на руках.

Кто-то из людей сказал:

– Томочка, попрощайся с мамой.

Шура положила меня в гроб рядом с мамой. Я обняла маму, а больше ничего не помню... Не было, видно, событий, заслуживающих особого внимания.

Спустя некоторое время в нашем доме появилась женщина с двумя дочерьми. Отец привёл её в надежде, что она заменит нам умершую мать и станет отцу женой. Практически я её увидела и хорошо запомнила, когда с братом Толиком, который был старше меня на два года, грелись на лежанке русской печи, с жадностью смотрели, как «волшебствовала» мачеха возле стола. Стол был длинный, сделанный из досок, на крестообразных ножках. По обе стороны от него стояли длинные скамейки. Мачеха сварила гречневую кашу. Её одурманивающий аромат распространялся по всему дому и забирался в каждую щель. Мы с Толиком лежали на печи, свесив головки вниз. Очень хотелось есть.

Мачеха разложила кашу в глиняные горшки разного объёма. Отцу – большой горшок, мачехе – поменьше и детям по убывающей, в зависимости от возраста.

От резкого окрика «Идите жрать!» мы с Толиком слетали с печки и в одно мгновение съедали кашу. Следующий окрик «Марш на печку» заставлял нас так же стремительно оказываться на печи.

Помню, что наши головёнки опять свисали вниз, мы глотали слюнки, голова кружилась от аромата каши, а есть хотелось в тысячу раз сильнее, чем до еды. Я не понимала в те годы, что такое бедность, но жили мы очень бедно. Кроватей не было. Был настил из досок вдоль стен. Голодали мы все, ведь семья теперь состояла из девяти человек. Мачеха хотела решить проблему с голодом по-своему.

Однажды утром она повела нас с Толиком в лес. Мне в то время уже было полтора годика. Я ходила сама и уже чисто разговаривала. Настроение было у нас замечательное. Вокруг пели птицы, ласково светило солнце. Деревья, травы, бабочки, букашечки... Всё это доставляло нам с братиком такое детское счастье, огромную радость. Я что-то ему рассказывала, смеялась. А он крепко держал меня за ручку, чтобы я никуда не убежала и молчал. Вообще все мои братья и сёстры меня очень любили и оберегали как могли. Шли мы долго и наконец пришли к речке Бирюсе. Вода была чистой, прозрачной, слегка голубоватой.

Бирюса – горная и очень бурная река. Мачеха подобрала на берегу тяжёлые камни, достала из сумки верёвки и уже стала привязывать нам на шею эти камни, чтобы сбросить нас в водоворот. Но тут вдруг раздались крики. От деревни, расположенной недалеко от реки, бежали люди, вооружённые палками, вилами, лопатами, и громко кричали. Видимо, деревенские дети проследили за мачехой и успели сообщить родителям о задумках злой мачехи. Так, благодаря детям и их родителям, мы с Толиком остались живы. Мачеха, конечно, сильно испугалась и убежала. А люди, освободив нас от камней, отвели нас к отцу. Узнав о случившемся, отец был в страшном гневе. Такого я не видела его никогда. С тех пор, конечно, ни мачехи, ни её детей в нашем доме не было.

1941 год. Война. Отец добровольцем ушёл на фронт, хотя у него была бронь... Он был железнодорожником. Сёстры рассказывали, что раньше они жили очень хорошо. Хозяйство было крепким. Во

дворе было несколько коров, лошадь, гуси, утки, куры. Отца за его честность и справедливость выбрали председателем колхоза. Но его справедливость не всем была по душе. Затаило злобу местное ворьё. Не раз пытались с ним расправиться, врываются в дом, всё переворачивали вверх дном, ища отца.

А дети прятали его в погребке. Может быть, это и стало основной причиной, почему отец ушёл на войну, всё равно рано или поздно его убили бы местные бандиты. Ведь в Сибири всегда так жили: «Закон – тайга, медведь в ней хозяин». Тайга всё спишет...

Так и повезли нас на телеге в Тайшетский детский дом. Дом родителей, в котором жила наша семья, вместе со всем скарбом забрала местная власть.

Бабушку и дедушку я видела лишь однажды перед тем, как попасть в детдом. Почему-то в памяти отпечатался ковёр, висевший на стене за кроватью. Сейчас такие ковры очень дорого стоят. Это народное творчество. К сожалению, многие их просто повыбрасывали. Он расписывался масляными красками на клеёнке. На том ковре была изображена очень красивая дама под пальмой. Рядом с ней лежала большая собака с длинными обвислыми ушами. А возле них музыкант вдохновенно играл на скрипке. Так я приобщилась к миру искусства, восхищённо разглядывая единственную картину – ковёр на стене в доме бабушки и дедушки.

Начало моего пребывания в детском доме ознаменовалось тем, что одному мальчику устроили «тёмную». Он был очень начитанным, знал несколько языков. Но, может быть, именно это не понравилось воспитательнице. Она посоветовала мальчикам проучить зазнайку. И те, когда все легли спать, накрыли его с головой одеялом и били долго и беспощадно. Так у меня на глазах произошло страшное убийство. Я, тогда ещё совсем маленькая девочка, боялась не то что пикнуть, даже пошевелиться. Это был неопикуемый ужас.

Кормили нас очень плохо. В тарелке вместо супа была вода, в которой плавали 2-3 кусочка капусты и пара кусочков картошки. Хлеб вообще не помню. Сёстры рассказывали мне, когда они меня уже взрослые нашли, что меня постоянно ставили в угол и лишали еды. Не знаю, что мог натворить полутора-двухлетний ребёнок, за что его нужно было постоянно наказывать. Помню, старшие дети,

которые раньше нас попали в детдом, науськивали меня сказать воспитательнице что-то. Я говорила. Оказывается, это были плохие слова...

А однажды ночью – наверное, это было в сентябре – все дети повскакивали с постелей, открыли окна и, выскочив на улицу, накинулись на детдомовский огород, собирать невыкопанную картошку. Толик подхватил меня на руки, посадил на подоконник (я уже от голода не вставала с постели), потом, спрыгнув на улицу, забрал меня с подоконника. Он принёс меня на огород и велел: «Ищи картошку!» Мы руками разгребали землю и попавшуюся в руки картошку тут же немытую, вместе с землёй, съедали. Возможно, что эта картошка тогда спасла мне жизнь.

Всю зиму я болела. От высокой температуры бредила и впадала в беспамятство. А весной нас приодели. Мне сшили чёрное платье из «чёртовой кожи», которая сейчас называется джинсовая ткань. Как я радовалась обновке! Ходила, поглаживая свой животик, так как от голода страдала рахитом. Когда потеплело, нас выводили на улицу. Воспитательница ходила по двору с переброшенным через руку вафельным белым полотенцем, которым она вытирала нам носы. В это же время в отделении появилась какая-то молодая женщина, которая наблюдала за детьми. И вот однажды она подошла ко мне и спросила: «Девочка, ты хочешь пирожок?» Я не знала, что это такое, но на всякий случай ответила: «Хочу!» Тогда я впервые в жизни попробовала пирожок. А потом эта женщина, которую я про себя называла добрая тётя, забрала меня к себе домой.

Первое, что сделала «добрая тётя», – посадила меня за стол, налила большую тарелку супа, ласково произнеся: «Кушай, детка». Суп мне показался очень вкусным. Как сейчас помню, хоть прошло очень много лет, что суп был пшённый, а на его поверхности плавали звёздочки – масляные пятнышки. Съев тарелку супа, я протянула тарелку маме (так она велела её называть) и попросила добавку. Съела вторую тарелку и опять попросила добавку. Можете себе представить, как нас кормили в детском доме во время войны... Сёстры вспоминали, что повара сумками таскали продукты тайком от всех. А мы голодали... И вот, когда я наконец насытилась после третьей тарелки супа (а мне тогда было всего два с половиной годика), то, схватив оставшиеся на столе два кусочка хлеба, спрятала их

за спиной и бочком пошла вдоль стены. Моя приёмная мама Нюра спросила меня: «И что ты там прячешь за спиной?»

Я поспешно показала ей руку с хлебом и сказала: «Хлеб». И, приложив палец к губам, прошептала: «Тише, а то дети услышат и украдут!» Тогда «мама» сказала мне: «Не бойся, положи хлеб на стол на тарелочку, его никто не возьмёт. Мы с тобой вдвоём в доме». Я успокоилась и начала обследовать территорию дома. Меня так поразила «мамина» кровать! Она была высокая, металлическая, с шпешечками на спинках. Такую красивую я ещё никогда не видела. На ней лежало очень красивое тёплое покрывало.

Мне мама отвела место на хорошеньком зелёном диванчике. Вымыв меня, приодев, она вечером вывела меня на улицу «в люди». Её дом стоял на бугре, а место было чистое с большой поляной, на которой детвора со всей улицы собиралась играть – доить корову. Брали обломки кирпичей и тёрли их друг о друга, со стороны действительно было похоже на то, что происходит процесс дойки. А ещё мы играли в лапту, в чижики, в прятки, догонялки, прыгалки и т.д. Наверяд ли современная молодёжь имеет хоть какое-то представление об этих играх. Сейчас все играют в компьютерные игры, не сходя со своих стульев, а раньше игры были массовые, весёлые и подвижные. Но это было потом. А в тот день мама повела меня знакомить с соседями. Перед выходом она мне сказала, чтобы я запомнила, что зовут меня – Абдалова Тамара Ивановна. Я, конечно, запомнила и всем детям, которые выстроились в очередь и подходили, подавая руку, я сообщала: «Абдалова Тамара Ивановна». А они опять вставали в конец очереди и снова подходили ко мне, чтобы подать руку и услышать моё представление. Всё было очень серьёзно. Хоть и ростиком была я невеличка, но разговаривала чисто, была очень весёлой и отъевшейся за день.

Через дом от нас жила семья, в которой было трое детей – две сестры и брат. Так брату я так сильно приглянулась, что он постоянно сажал меня на колени и просил, чтобы я ему рассказывала разные истории о своей жизни. Но однажды он мне сказал, что мама мне не родная, поэтому я не должна её слушаться.

Было бы сказано. А сделать недолго. В очередной раз, выпуская меня на улицу погулять, мама строго-настрого наказала: «Гуляй возле дома, никуда не убегай!» Но, оказавшись на улице, я сразу рванула обследовать неизвестные мне края. Мама проследила за

мной, догнала, привела домой, закрыла ставни на окнах со стороны улицы, привязала меня к кровати и давай ремнём охаживать. Меня никогда не били, тем более ремнём. От боли и обиды я орала, как резанный поросёнок. Под окном собрались соседи. Стали стучать в ставни, кричать: «Ты что творишь! Не своя, так и бить можно? Не обижай сироту, злодейка!» В итоге я опять попадаю в детдом. Моя новая мама оставила меня там, заявив, что я ей не нужна, потому что оказалась непослушным ребёнком. Узнав об этом, моя старшая сестра Шура, которой в то время было уже четырнадцать лет, схватила меня на руки, всю дорогу бежала за несостоявшейся мамой, умоляя не бросать меня. Потом забежала вперёд, упала перед ней на колени и сквозь слёзы продолжала: «Она же здесь умрёт! Ради всего святого, спасите сестрёнку, возьмите её к себе. Она будет вас слушаться. Не бросайте её!» И тогда эта женщина, которую я буду всю свою оставшуюся жизнь называть мамой, заставила сестру поклясться, что никто из братьев и сестёр меня больше не увидит. И Шура поклялась, отдав меня этой чужой, суровой женщине, только чтобы спасти мою жизнь. И началась у нас с мамой долгая и очень тяжёлая жизнь.

Но сначала, войдя в дом, я сказала этой женщине: «Если ты меня будешь звать Томочкой, то я буду тебя называть мамочкой и всегда слушаться, ладно?» Так мы пришли к обоюдному соглашению.

Конечно, я считаю, что моя приёмная мама совершила подвиг, взяв меня на воспитание из детского дома. К тому времени я была уже очень больна. Рахит, истощение, хронические простуды, энурез. Ей было со мной не просто. Поэтому она часто ходила советоваться по всем жизненным вопросам к своей тётке, бабушке Зине. Та приняла на постой одного деда. Звали его Филиппыч. Он был участником Первой мировой войны. На войне с Германией он попал в плен к немцам. Там научился шить. К бабушке Зине он перебрался со своей зингеровской швейной машинкой. Шил прекрасно, принимал заказы от соседей, от военных – перешить обмундирование: шинели, кители. И мне шил пальтишки, платица. Вот «мама» и пожаловалась Филиппычу на то, что я уж больно много ем.

– Корми дитя досыта. Организм наестся после голодухи, потом всё войдёт в норму.

И он был прав. Через какое-то время «мама» жаловалась ему на то, что я очень плохо ем.

Филиппыч любил меня, жалел, разрешал у бабы Зины лазить в сад по деревьям, есть фрукты до отвала. Однажды я объелась черёмухи. А когда возвращалась домой, то у меня потемнело в глазах, и я потеряла сознание. Когда пришла в себя, скорее помчалась домой. Никому ничего не сказав, сразу легла спать. Проспала весь вечер и ночь...

А война продолжалась. Как мне потом через много лет рассказали мои старшие сёстры, отец наш, Ткаченко Илья Никифорович, подорвался на mine, участвуя в боях на Курской дуге. Так мы остались круглыми сиротами. Эту весть я узнала, когда мне было 33 года. Сёстры и братья воспитывались в детском доме, а у меня была новая мама...

Однажды я услышала её разговор с соседкой. Так как у неё не было своих детей, то её, как одинокую, отправляли местные Советы на заготовку леса в тайгу. Она с юности знала, какая это тяжёлая работа. Снова надрываться на лесозаготовке страшно не хотелось. И кто-то посоветовал ей взять ребёнка из детдома. Этим ребёнком оказалась я.

Моя приёмная мама, Абдалова Анна Корниловна, работала по распоряжению горисполкома на дому. Ей выдавали овечью шерсть, и она превращала её сначала в пряжу, а потом – в носки, рукавицы, шарфы. Она и другие женщины вязали, а готовые изделия отправлялись на фронт. Кто-то валял валенки из шерсти овец, чтобы ноги солдат не мёрзли на холоде, кто-то шил шинели, как дедушка Филиппыч, кто-то выращивал лён, пшеницу, рожь, пшено, гречиху, кто-то ремонтировал паровозы и вагоны, прибывавшие с фронтов, которые потом вновь отправлялись на запад, на фронт.

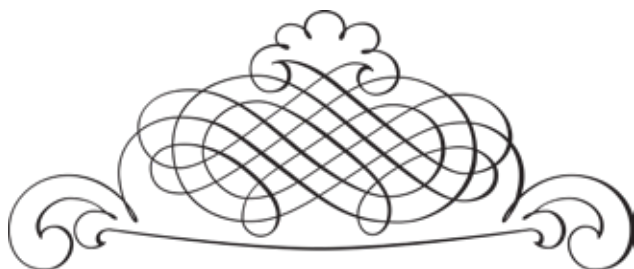
На огородах выращивали картошку, разные овощи. Держали скот. И мы, дети, помогали взрослым как могли. Моя приёмная мама заставляла меня раскладывать картошку посадочную в лунки. У неё было 15 соток земли. А мне не было ещё трёх лет.

Болела спина, поясница. Да и одной было неинтересно. У соседей было восемь детей разного возраста, начиная с двухлетнего. Они так дружно работали, что я всегда с завистью смотрела на их большую компанию и мечтала работать вместе с ними, а не в гордом одиночестве с моей суровой мачехой. Зимой я теребила овечью шерсть. Порой я так на этой шерсти и засыпала за столом. Работали

при керосиновой лампе. Керосин давали по талонам. Работали из последних сил. В то время по-другому было нельзя. Можно было оказаться в числе врагов народа. И не было поблажек ни на возраст, ни на какие-либо недуги. Сибирь осталась без мужчин. Они, за редким исключением, все ушли на фронт. Их заменили женщины и подрастающие дети.

Кроме работы для фронта, у всех была одна задача – выжить. Совхозы в те годы выделяли под спил деревьев на дрова делянки, под покосы для травы на сено – на корм скоту. Женщины объединялись по четыре человека, из каждого дома по одному взрослому человеку. Такой группой они шли на выделенные делянки под покос травы. Сначала все четверо косили для одной семьи, потом для второй, третьей и четвёртой. Гужевой транспорт для вывоза сена давал совхоз.

Точно так же заготавливали дрова. Спиливали в основном берёзу. Транспорт давал совхоз. А мы, дети, забирались на привезённые брёвна и ножками счищали кору с деревьев и добывали берёзовый сок. Он был подсохший и легко срезался ножом ленточками. Взрослые пилили дрова, а мы относили и укладывали чурки в поленницы. Участие в этом принимал и соседский двухлетний малыш. Дружба побеждала во всём. Потом мама награждала нас за помощь морковкой или огурцами...

ЕЛЕНА ЗОЛОТАВИНА

Елена Золотавина родилась и выросла в городе Коломна. Там же окончила первое областное музыкальное училище. Много лет работала преподавателем фортепиано. Сначала в музыкальной школе №3 г. Воскресенска, а затем в музыкальной школе им. А.П. Бородина г.Москвы.

Стихи пишет с юности. В настоящий момент Елена является автором четырёх поэтических сборников: «Души и сердца не жалея», «Пусть будет миру хорошо», «Жизни хрупкие страницы», «Уходят облака за горизонт».

В соавторстве с коломенской поэтессой Натальей Евстигнеевой печаталась в сборнике «На гребне творческой волны».

Публиковалась в ряде сборников проекта «Библиотека современной поэзии», в сборнике «Золотое перо Московии» Союза писателей России, в шестнадцати сборниках издательства «Серебро слов», в альманахах конкурса «Восхождение», в журнале Благотворительного Фонда «Дельфис».

Член Московской областной организации Союза писателей России.

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Я родилась, когда отгрохотало,
Когда уже настала тишина.
В глаза я похоронок не видала...
Давно прошла проклятая война.

Но есть в моей семье альбом заветный,
Где смотрят с фотографий на меня
Портреты тех, кто в грозный час рассветный
Свой начал бой на линии огня.

Альбом теперь, как памяти ворота:
На снимках вся война передо мной,
Весь славный путь советского народа,
В борьбе с фашизмом вставшего стеной.

Год сорок первый... Родина с плакатов
Зовёт героев становиться в строй.
Прижав к груди покрепче автоматы,
Идут войска с парада в смертный бой.

Сорок второй... Руины Сталинграда....
Сражениям кровавым нет конца.
И страшная блокада Ленинграда...
Дорога Жизни... Скольких ты спасла!

Чтоб вырвать землю из фашистских лапиц,
В тылу трудились всей большой страной.
Для фронта, и для мужа, и для папы...
Он где-то там воюет, наш родной.

Немых листов-страниц мелькают пары,
И вот уже во весь свой рост встаёт
В зловещем алом зареве пожаров
Весны победной сорок пятый год.

Мечты сбылись, и знамя над Рейхстагом!
Солдаты возвращаются домой.
Кругом цветы, улыбки, смех, а рядом,
Там, где-то в сердце, притаилась боль

За тех, кто не вернулся из сраженья,
За тех, кто мог ещё бы долго жить,
За всех, чью память светлую прошу я
Минутою молчания почтить...

Я родилась, когда отгрохотало,
Когда уже окончилась война.
И из руин ещё прекрасней встала
Великая, могучая страна.

Но мы продолжим с вами эту битву:
Покуда хватит наших скромных сил,
Твердить мы будем свято, как молитву,
Нам не нужна война, нам нужен мир!

БЫЛ ТЁПЛЫЙ ТИХИЙ ВЕЧЕР...

Был тёплый тихий вечер, в старом парке
Стрекочущий повсюду плавал звук.
Выпускники, вчера оставив парты,
Ходили, взявшись за руки, вокруг.

Мелькали ситцы средь ветвей пушистых,
И первой светлой нежности слова
Слетали с уст доверчивых и чистых,
От них слегка кружилась голова.

Струился аромат ночных фиалок,
Хотелось звонко петь в семнадцать лет.
Та ночь мечтами души наполняла,
Рассыпав звёзд сверкающий букет.

Глаза блестели искрами надежды,
Стелился пред каждым долгий путь.
Красив он был, как океан безбрежен,
Как воздух гор тревожил сладко грудь.

Их жизнь звала, в свои манила дали,
И, словно от душистого вина,
Они всю ночь, счастливые, смеялись...
А рано утром началась война.

РУБИНОВЫЕ ЗВЁЗДЫ

Куда ни глянешь, далеко ли, близко, -
По всем просторам родины большой,
Стоят, как часовые, обелиски
Под яркою рубиновой звездой.

На многих надпись с именами павших,
Но есть другие где-то там, в тиши,
Среди лесов, полей, среди нив молчащих...
В них прах безвестных воинов лежит.

Они не знали матери рыданий,
Ничто не нарушало их покой.
Лишь по весне цветов охапки ранних
К подножьям клались бережной рукой.

И кто-то, может думая о сыне,
С заботою их красил иногда, -
Чтоб память чью-то сохранить донине,
Огнём горела красная звезда.

Ведь с той звездой шагал на подвиг высший
Солдат войны, шагал к звезде иной,
Где души всех безвременно погибших
Вставали вновь в бойцов незримый строй.

В заветный час, таинственный и поздний,
Они на землю смотрят с высоты.
Вот только их рубиновые звёзды
Зачем-то заменяют на кресты.

Идут года, всё меньше в наше время
Тех ярких остается маяков,
И мужества великая эмблема
Не всюду светит для своих сынов.

ВЛАДИСЛАВ ИГНАТОВ

Игнатов Владислав Васильевич, 11 лет. Учится в 4 классе; воспитанник объединения «Пегасик», пишет стихотворения и эскизы о природе с 8 лет; родители активно поддерживают интерес сына к русскому слову. Дипломант открытого фестиваля-конкурса «Коломенский соловей» - 2021. Любит читать, увлекается конструированием «Лего», изучает историю родного города.

К НАМ В ШКОЛУ ВЕТЕРАН ПРИШЁЛ...

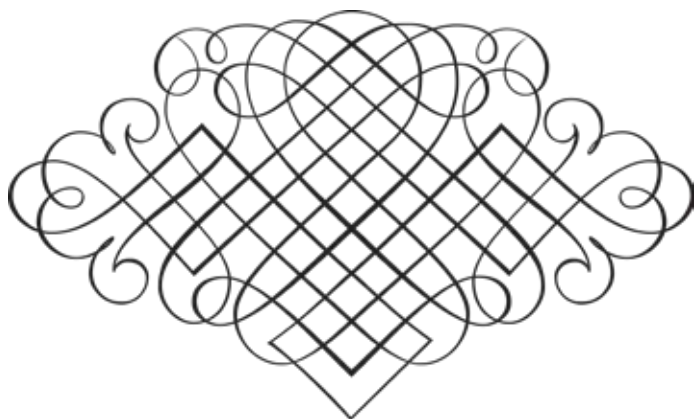
К нам в школу ветеран пришёл
И о войне рассказ повёл:
Про то, как воевал народ,
Про страшный сорок первый год,..
Срывался голос - и не раз,
Но затаил дыханье класс.
Звенели тихо ордена...
К нам шла История сама.

А ветеран нам рассказал,
Как на войне друзей терял,
Как на фронтах бои велись
За мир, за Родину, за жизнь.

Как голодал, но шёл вперёд:
В солдата верил весь народ.
И громко плакала земля,
О мире война моля.

Чтоб в школу мы могли ходить,
Уроки важные хранить,

Чтоб на планете голубой
не знали битв, не знали войн...
Как пламя Вечного огня,
Горят медали, ордена.

СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в городе Коломна Московской области, где и проживает до сих пор. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В.Куйбышева (МИСИ). Инженер-электромеханик по автоматизации производства. Работал инженером-электриком, инженером-электроником, инженером-конструктором, генеральным директором малого предприятия. Был внештатным сотрудником газеты «Коломенская правда», членом редакции ежегодника «Коломенский альманах».

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, Украины, США, Англии, Канады, Австралии и Финляндии. Автор двенадцати книг: «Лабиринт чувств», (2008г.); «Спорные мысли», (2011г.); «Тайные хроники», (2011г.); «Спасти Герострата», (2013г.); «Взрослые сказки», (2014г.); «Мой Лермонтов», (2015г.); «Мысли по поводу...», (2015г.); «Необыкновенные приключения обыкновенных людей», (2017г.); «Исповедь царя Бориса», (2018г.); «Эпизоды жизни», (2019г.); «Лермонтов от и до», (2019г.), «Критические мысли», (2020г.).

Член Союза писателей России.

Награждён Почётным дипломом СП России имени Александра Трифоновича Твардовского, Дипломом СП России «За сохранение литературных традиций и активную работу по пропаганде исторического и культурного наследия древнего города Коломны», медалью СП России «Иван Бунин», медалью «И. И. Лажечников» и другими наградами.

Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2012г.), дипломант Пятого всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2015г.), лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017г.), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018г.).

ИВАН ДА АННА

Мой дед никогда не рассказывал о войне. В начале шестидесятых годов прошлого века, когда я был ребёнком, он часто брал меня с собой в баню, и там я с ужасом видел страшные шрамы на его правом боку и ноге. Рядом с нами в то время мылось много покалеченных мужчин, встречались и инвалиды без руки или ноги, но их-то я не мог ни о чём спрашивать, а вот дед на все мои вопросы только грустно улыбался и отвечал, что хватит с меня книг, кинофильмов и игр в войну с ребятами во дворе. «Я надеюсь, – говорил он, – тебе никогда не придётся воевать по-настоящему».

Меня такие ответы злили и обижали, ведь другие мальчишки вовсю хвастались боевыми подвигами своих дедов. Не у всех они вернулись с войны, но каждому из ребят было что рассказать. Кроме меня! Ещё меня расстраивало то, что чужие деды, надев награды, приходили к нам в школу и рассказывали о своих фронтовых буднях, сражениях и подвигах, а вот мой всегда почему-то отказывался от участия в таких мероприятиях. Только майские демонстрации были исключением: в этот день дед утром тщательно брился трюфлейной немецкой бритвой и надевал свой единственный костюм, на пиджаке которого сверкали начищенные накануне бабушкой до блеска медали. Я гордо провожал его во двор, где собирались и другие ветераны, жившие в нашем доме, перед тем как вместе идти на демонстрацию. Девятого мая мне не надо было ничего рассказывать ребятам, награды деда сами говорили обо всём.

И вот теперь, в год семидесятилетия победы над гитлеровской Германией, я, к сожалению, с огромным опозданием сделал ещё одну попытку побольше узнать о своём деде. Спрашивать уже некого, однако у меня остались смутные детские воспоминания, а также награды и солдатские книжки деда. Как оказалось, и они могут поведать немало.

Иван Иванович Юлинов, русский, родился 12 мая 1915 года в деревне Козено Коломенского района Московской области. Жить в деревне после гражданской войны было голодно, а тут ещё и всеобщие коллективизация и индустриализация начались. Юлиновы вынуждены были покинуть родной дом. Мать устроилась работать на Коломенский машиностроительный завод, а Ваня пошёл в школу.

Жили они, как и многие другие рабочие, в стандартном для того времени деревянном бараке без удобств. Вход в барак был по центру фасада, через тамбур, далее, напротив входа, располагалась общая кухня, в которой по бокам находились плиты для приготовления пищи, а прямо – многоместные раковины для умывания, мытья посуды и стирки. Плиты топили дровами или углём. Налево и направо от кухни шли два коридора с двадцатью дверями (по десять с каждой стороны) в одинаковые комнаты, площадью двенадцать квадратных метров. То есть, всего в бараке было сорок комнат. В каждой из них стояла печь для обогрева жилища, которая топилась из общего коридора для контроля за безопасностью, и было прорублено окно наружу. Зимой стены барака в комнате Юлиновых часто покрывались льдом. Несколько таких барачков, построенных на окраине Коломны, по официальным документам значились как отдельное поселение – посёлок ФЗУ Коломенского района.

Как только позволил возраст, Ваня перешёл в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) при заводе. В 1930 году, закончив фабзавуч и получив свидетельство о семилетнем образовании, он пошёл работать на Коломенский машиностроительный завод. Но автомобили интересовали Ивана гораздо больше, чем станки, и, он в 1932 году устроился работать шофёром на Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод (ГАРОЗ). В документации это предприятие, находившееся совсем рядом с посёлком ФЗУ, обычно называлось «Завод № 4», а в открытых источниках его именовали «Завод сельскохозяйственных машин имени К. Е. Ворошилова». Здесь занимались в основном ремонтом артиллерийского вооружения Красной Армии и опытными работами по новым образцам.

Анна Алексеевна Анастаскина родилась в 1912 году в старинном русском селе Федякино Рязанской области. В семье было шестеро детей, поэтому школу Аннушка смогла посещать всего три года, а потом ей пришлось присматривать за младшими братьями и сёстрами. Работать она тоже начала рано, но это мало помогало её родителям, семья голодала, и чтобы избавить её от «лишнего рта», Анна решила завербоваться на одну из тогдашних строек пятилетки.

В конце 1931 года при Главном управлении Главвоздухфлота была создана специализированная организация «Дирижаблестрой», которая должна была проектировать, производить и эксплуатировать дирижабли, а также совершенствовать методы их эксплуатации. В апреле 1932 года в Подмосковье, в районе станции Долгопрудная, началось строительство деревянного эллинга, завода по производству водорода и других зданий предприятия. Вот сюда и приехала работать юная Анна Анастаскина. Работала она хорошо, о чём свидетельствует грамота о награждении её почётным званием ударника второго года второй пятилетки (1933-37г.г.).

Начальство предложило имеющей всего три класса образования молодой ударнице повысить квалификацию на производственно-технических курсах по специальности «слесарь-монтажник по отоплению и вентиляции». Анна согласилась. Обучение происходило с отрывом от производства с 27 сентября 1934 года по 1 февраля 1935 года. Производственная практика во время учёбы проходила здесь же, в цехах «Дирижаблестроя». По окончании учёбы Анна сдала испытания по теории и практике на «хорошо» и получила квалификацию слесаря-монтажника по отоплению и вентиляции третьего разряда. По условиям договора с курсами она обязалась отработать на строительстве «Дирижаблестроя» по полученной

специальности один год: с 1 марта 1935 года по 1 февраля 1936 года. Но жизнь внесла свои коррективы.

Иван Юлинов, как и другие шофёры, был прикомандирован к «Дирижаблестрою». Здесь он увидел Анну Анастасьину и тут же влюбился в неё. Роста Иван был невысокого, внешность – самая обыкновенная, но, по рассказам бабушки, в её деревне шофёр в ту пору был столь же почитаем, как сейчас космонавт. Однако, когда Ваня Юлинов, не испугавшись армии местных ухажёров, бросился покорять Анечку Анастасьину, та долго сопротивлялась. Иван несколько раз звал девушку замуж, но строптивая красавица никак не хотела давать определённого ответа. В конце концов, Иван подговорил нескольких своих друзей, и однажды, во время прогулки по посёлку, парни схватили Анну и затащили в ЗАГС, поставив перед необходимостью немедленного выбора. Нет, это не был с её стороны брак по расчёту, что подтвердила вся их последующая совместная жизнь. Бабушка до последнего дня ревновала деда ко всем знакомым и незнакомым женщинам, чему я сам не раз был свидетелем.

Словом, вскоре после свадьбы Анна забеременела, и ей пришлось уволиться из «Дирижаблестроя», не отработав до конца условие контракта. Поселились молодожёны во всё том же бараке посёлка ФЗУ под Коломной, что никак не могло испугать Анну, так как рабочие «Дирижаблестроя» жили в точно таких же бараках. А где же ещё? Анне не очень-то нравилось жить вместе со свекровью: она уже привыкла к свободе и отсутствию родительского надзора.

4 февраля 1936 года у Юлиновых родилась дочь Валентина, моя будущая мама. А в октябре 1936 года Ивана призвали на службу в РККА. Думаю, нелегко пришлось Анне в одиночку, без помощи мужа, жить и растить ребёнка. Вот когда ей очень пригодилась помощь свекрови. Отслужив год шофёром в 144 Авиаполку, Иван приехал домой в краткосрочный отпуск, и, в результате, 7 июля 1938 года Анна родила ещё одну дочь – Евгению. И опять мужа в это время не было рядом. Только в октябре 1938 года, закончив службу в армии, Иван окончательно вернулся домой, и у них с Анной и детьми было целых два с половиной года мирной семейной жизни, пока Германия не напала на СССР.

Уже в июне 1941 года Ивана Юлинова призывают на службу автомехаником в 36-ю инженерно-техническую бригаду, а Анна вновь остаётся одна с двумя маленькими детьми на руках. На все долгие

годы войны и даже дольше. В мае 1942 года Иван Юлинов стал командиром отделения в 137-м Отдельном моторизованном понтонно-мостовом батальоне мостовой роты, где и прослужил до октября 1945 года. Демобилизован по возрасту.

Что ещё рассказала мне о деду его солдатская книжка? Иван Иванович Юлинов дослужился до звания «старший сержант». Был тяжело ранен в правую ногу 10 августа 1943 года и легко – в правый бок 5 февраля 1944 года. Хотя мне в детстве огромная «гусеница», пересекавшая бок и живот деду, всегда казалась более страшной, чем шрам на ноге.

Иван Иванович Юлинов был награждён орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» и многими другими. В 1980 году я принёс награды деду в коломенский музей боевой славы, но директор отказался их принять, так как я ничего не мог рассказать о военных подвигах, за которые они были вручены. Так что в музее боевой славы для ордена и медалей Ивана Юлинова места не нашлось. Я, конечно, тогда очень обиделся и с тех пор в этом музее ни разу больше не был. А награды деду висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

Вернувшись в октябре 1945 года домой, Иван продолжил работать шофёром на том же месте, с которого ушёл на войну. С началом Великой отечественной войны Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод начал массовое производство зенитных орудий и другого артиллерийского вооружения. После окончания войны ГАРОЗ был преобразован в завод тяжёлого станкостроения (ЗТС).

Из холодного барака в маленькую комнатушку в коммуналке двухэтажного шлакоблочного дома Иван Иванович и Анна Алексеевна Юлиновы переехали, когда обе их дочери уже выросли и вышли замуж. И в этом не было ничего особенного: коммунальные квартиры, общежития и бараки были одним из основных типов жилья до начала массового строительства в шестидесятых годах двадцатого века многоэтажек с отдельными квартирами.

Дед до последнего дня работал шофёром в том же самом цеху, куда поступил ещё в 1932 году. К боевым наградам добавились медаль «Ветеран труда. За долголетний добросовестный труд» и звание ударника коммунистического труда. В последние годы его с грузовика перевели на огромный цементовоз. Деду было тяжело работать на этой машине, болела раненая нога, он очень уставал. Но никогда и никому ни на что не жаловался!

В сентябре 1979 года я был в Москве: начался новый учебный год. Я перешёл на последний курс института, начал готовиться к защите диплома. И вдруг в общежитие пришла телеграмма, заставившая меня бросить всё и немедленно выехать домой, в Коломну. Накануне вечером дед пришёл с работы, как обычно прилёг на диван отдохнуть и... не проснулся. Бабушка сильно тосковала по нему и ненадолго пережила мужа. Через полтора года не стало и её.

То, что я и миллионы советских людей выросли, не зная на личном опыте всех ужасов войны, разрухи, холода и голода – заслуга моего деда и всех солдат и офицеров, разгромивших врага в той страшной войне. Это также и заслуга моей бабушки и всех труженников тыла, отдавших силы, а порой и жизни, в непосильном труде на благо страны. Слава им!

РУССКИЙ ИВАН

У моей бабушки, Анастасьиной Анны Алексеевны, было три брата: Николай, Иван и Пётр. Николай был офицером, командиром роты и погиб в самом начале войны – 26 июля 1941 года. Была похоронка:

«162-й отдельный сапёрный батальон. 4 августа 1941г.

№1/408

Извещение.

Ваш сын, лейтенант Анастасийн Николай Алексеевич, уроженец села Федякина Рязанской области в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяги, проявил героизм и мужество был убит при исполнении служебных заданий. Похоронен г.Васильково Киевской области УССР.

Командир Вр.Военкомата капитан Гончаров
Мл. политрук Хвостиков»

Узнав о гибели старшего брата, Иван Алексеевич прислал сестре с фронта такое письмо:

«8-5-42 года

Из Вержной в Коломну.

Здравствуй Нюра привет от брата. Нюра, пока жив здоров того и Вам желаю. И в честь, как подходит годовщина, как нет нашего любимого брата я хочу посетить это письмо его воспоминанию. Мамаи эту письмо не показывай. Дай только почитать Пети, Тоси если она уже стала самостоятельная и Шури и старайся её сохранить до моего приезда если буду жив вот и всё!

Проходит год, его уж нету
Он с застывшим сердцем спит
Но никто про то не знает
Как о нём сердце болить

В семье братьев было трое
Годами старше был – он
Сейчас осталось только двое
А он пулею скошон.

Любимого брата не забуду
И как забыть – забыть его!
Ни когда ведь я не слышал
Плахова слова от него.

Не разу Папу не обидил
Маму тоже не огорчил
Есть из армии отзывы
Не в плохих рядах он был.

Себе звание лейтенанта
Он почётно заслужил
За Родину – храбрый воин
Свою голову сложил.

Вероломных гитлеровских бандитов
Пало много от его руки
Домой им больше не вертаться
Да и в Киев не зайти.

«Украинская земляца
Принимай ка этих псов!»
Но а червь на них сердится
И быстро точит мертвецов.

«Раз пришёл сюда Гадюка
Так по заслугам получай
И меня червя земного
Ни когда не забывай».

Ну, Алексев! Я мстить продолжу
Хорош ты был для меня
Частенько сонными ночами
В живых вижу тебя я.

Ну, Петро! Теперь нас двое
Даю тебе такой наказ
Учись пока тебе не поздно
Псов по снайперски стрелять.

Но а вам родные сёстры
Не надо брата забывать
Все силы какие есть в вас
Стране нужно отдавать.

Укрепленье тыла
Лучший помин для него
Город Киев не забывают
Особенно Васильково село.

И.А.Анастасьин

Васельково от Киева 36 км
Хвостово 24 км был немец
Жуляны 20 км наши части

Нюра пиши письма чаще. Вот и всё с приветом ваш брат Ваня».

Родившись в многодетной семье, Иван Анастасьин не смог получить хорошего образования, и я не стал «приглаживать» его стихотворение и исправлять ошибки. Иван с блеском сдал главный экзамен в жизни, став настоящим патриотом и отважным защитником Родины. На учёт в коломенском военкомате он встал только в конце марта 1948 года. Вряд ли после окончания войны плохого бойца удерживали бы в рядах армии так долго. И я горжусь, что одной с ним крови, одной крови со всеми Анастасьиными.

МЫ

Восемьсот тридцать пять
Моей родине малой,
Её стенам и храмам
В скрещенье трёх рек.
Вместе мы пережили
И паденья, и взлёты:
Поселенье Коломна
И Я – Человек!

Мы росли, развивались,
Взрослели, сражались,
Безоглядно любили
И впадали в тоску...
Но однажды зимою
Войска Бату-хана
Мимо нас пожелали
Пройти на Москву.

Твои стены из брёвен,
Моё тело в кольчуге,
Наши стойкость и храбрость
Преградили им путь.
Силы были не равны,
Сколь могли, мы сражались.
Ты сгорела дотла,
Мне стрела вошла в грудь...

Годы шли, Русь мужала.
Мы с тобой возродились,
Вновь отстроили кремль.
Породнились с Москвой.
В твоих каменных стенах
Вёл к венцу Евдокию
Знаменитый князь Дмитрий
По прозванию Донской.

Годы мира недолги,
И на Девичьем поле
Собирает князь Дмитрий
Свои рати на бой.
Я стоял в том строю.
Трепетали знамёна.
Каждый думал с тоскою:
«Ворочусь ли домой?»

Долго шёл бой кровавый...
Мы разбили Мамаю!
И Орда развалилась,
Иго сбросила Русь!
Ещё долгие годы
Мы стояли на страже,
Отражая с востока
Идущую гнусь.

Возвышалась Москва,
Мы росли вместе с нею.
Взята с боем Казань
Нашим первым царём.
Усмирились татары,
Нет угрозы с востока.
Мы с тобою, Коломна,

Теперь не умрём!

А потом были Смута,
Поляки, французы,
Революции, немцы
И застоя года,
Перестройка, разруха,
Бандитская мерзость...
Много, что ещё было,
Счастья лишь – никогда!

Коммунизм отменили,
Прошное оболгали...
И куда же теперь
Поведут нас с тобой?
Много мы пережили,
Многое повидали.
Если враг вновь нагрянет,
Смело примем мы бой.

Расцветай же, Коломна!
Укрепляй свои силы.
Никому не удастся
Повернуть время вспять.
Восемьсот тридцать пять
Мы уже пережили.
Проживём и ещё
Восемьсот тридцать пять!

2012г.

ЛИДИЯ КОЗЛОВА

Козлова Лидия Александровна родилась в Коломне в 1916 году 23 марта. Последние годы жила и работала в Москве
Скончалась 12 мая 2001 года.

РЯДОМ С ВОЙНОЙ

Моей сестре Зое

Воспоминание из далёкого прошлого о тяжкой дороге из Сибири в Коломну

Вот уже и третья глубокая осень вошла в свои права, а война с фашистами продолжается, гибнут люди, много слёз и горя. Уносит война из жизни лучших людей. У нас в Коломне тоже хмуро, но заводы работают день и ночь. Люди трудятся много, помогая фронту победить врага. Несколько дней назад приехал Сергей, Зоин муж, с Дальнего Востока. Он тяжело болен, получил направление в московский госпиталь.

Сергей очень переживает за свою семью, которая сейчас живёт в Сибири, куда семью с детьми эвакуировали на время войны. Сергей

хлопочет о получении разрешения на переезд его семьи в Московскую область. Сегодня он вернулся из Москвы довольный успехом. Наконец-то ему удалось добиться разрешения от высшего военного начальства. Но он опять в заботе – отправлять такие документы по почте опасно, да и Зое с двумя детьми и вещами в дороге будет очень тяжело. Танечке только третий год, а Аркаше пятый. Выбора нет, Сергей просит меня поехать, и я соглашаюсь.

На следующий день, зная, что в Томске есть инструментальный завод, упрасиваю своё начальство на заводе направить меня в командировку в Сибирь для срочной пересылки нужного нашему заводу инструмента. Меня поняли и пошли навстречу.

Мысли мои сразу получили другое направление – Сибирь холодная, дело идёт к зиме, что надеть на себя? На голову? На ноги?.. Выбор мал, а времени на размышление ещё меньше. Но дома родители решили сами во что мне одеться, и я согласилась.

Наташа, ей шёл седьмой год, молча смотрела как я складываю необходимые вещи в маленький чемоданчик, а в сумку (через плечо) гостинцы для детей от всех родственников. В общем молчании посидели на дорожку, а в испуганных глазах один вопрос – какая холодная даль и как всё будет?

На Казанском вокзале у поезда Москва – Новосибирск мы с Серёжей попрощались, пожелав друг-другу удачи. Он отправился в госпиталь, а я в Сибирь.

В Новосибирск поезд прибыл 4 ноября. Трудно было разглядеть огромное здание вокзала с платформой вечером, но ещё в поезде попутчики говорили, что этот вокзал построили перед самой войной и он считается самым большим и лучшим вокзалом в нашей стране. Когда вместе с массой людей я вошла в зал ожидания, мне стало страшно. Огромный зал был переполнен народом. Трудно было понять сразу, что происходит, почему человек так хлопотливо и беспокорно ищет и устраивает себе место на полу, будто он собирается здесь долго жить. Разглядев внимательнее людей и обстановку, которая царилa в зале, стало ясно, что люди не готовы были к такой беде. Вынужденная пересадка в Новосибирске собрала на вокзале огромную массу людей, и теперь транзитные пассажиры с детьми семьями неделями живут на грязном полу вокзала, ожидая посадки (порой не дождавшись, умирали от голода и болезней).

Пробегая глазами по стенам здания мне попала на глаза вывеска «Гостиница». Пробиралась с трудом между спящими, сидящими с грустными страдающими лицами разных возрастов. Добравшись до очереди, узнала, что первый у двери стоит уже неделю – мест нет. Мужчина, за которым я стояла, взглянув на меня спросил есть ли у меня родители (мне было тогда 27 лет) и кто они, если позволили мне такое путешествие. Ночь я простояла в очереди, довольная тем, что лежащих рядом не было и можно было походить туда-сюда. Утром я отправилась искать контору, указанную в командировке, где я должна была отметить день приезда и другие формальности для отъезда в Томск. Контору я нашла, но отметить и оформить документы не удалось, зато посчастливилось там пообедать, чему я была очень рада. Начальство прибыло после обеда, документы я оформила и поспешила обратно на вокзал. Вечерело быстро. Беспokoилась за дальнейшую дорогу, спешила к пригородным поездам. Мороз крепчал, на улицах людей было мало, ноги замёрзли, а автобуса всё не было. Но вдруг прекрасное зрелище заставило меня вскрикнуть от восторга. Я подняла глаза и увидела на фоне ярко-синего неба красивые изогнутые ветви. Это было высоченное дерево, которое раскинуло свою красивую крону, казалось у самого неба. Ветви были покрыты пышным снегом и инеем и всё было озарено розовыми лучами заходящего солнца, сверкало и переливалось.

Люди, стоявшие на остановке, смотрели в мою сторону молча, наверное, я выглядела глуповато. Вскоре подошёл автобус, прибыли на вокзал. Ног своих я не чувствовала, а когда стали отходить, слёзы пришлось и вытирать, и глотать. Но плакать долго не пришлось. По радио объявили, что на местные поезда пассажирам нужно проходить через тоннель. До отправления поездов оставался один час, а у меня нет билета на Тогучин и касса закрыта. Народ двинулся, и я решила пойти за ним. Это был широкий тоннель, освещённый редкими фонарями, у стен которого стояли, сидели на вещах и даже лежали люди. Смотреть на них было грустно, да и у меня состояние было очень тревожное – смогу ли я сесть в поезд?

Вот тут случилось первое чудо. Я шла ближе к правой стене тоннеля, там было светлее. Вдруг, своим глазам не веря, я увидела знакомое лицо в группе молодых парней. Я обрадовалась, улыбнулась ему и пошла в его сторону. Он понял, что я улыбаюсь именно ему и отошёл от ребят. Он конечно думал, что я ошиблась, приняла его за

своего знакомого. Я сказала о причине моей радости, что брат мой Саша сейчас на фронте, и он очень на него похож. Мы разговорились, и я поведала ему о своей беде, что нет билета, а ехать нужно обязательно и именно сегодня. Я не уложусь в командировочные сроки, а главное мне надо найти деревню Мокрушено. Он тоже был удивлён моему рискованному путешествию и успокаивая сказал, что он и его товарищи помогут мне доехать до Тогучина. Их поезд там останавливается, а они едут дальше. Он отдаст мне свой билет, а друзья при посадке ему передадут.

Посадка началась, я прошла в вагон. Товарищ сумел передать ему билет. Пока мы ехали, ночью опять была проверка билетов, в вагоне было темно и тесно поэтому передать билет было ещё проще. Около четырёх часов утра мы приехали в Тогучин. С большой благодарностью я попрощалась с хорошими ребятами, а мой спаситель, крикнул мне: «Прощай сестра! Дай Бог тебе найти деревню Мокрушено. Рад был встрече с тобой!» Мне было грустно оставаться одной, но оказалось, что с поезда сошли ещё три женщины и один мужчина. На мой вопрос как мне добраться до деревни Мокрушено, никто не мог ответить, даже начальник вокзала не знал о ней. Где-то она была внутри тайги.

Накануне в степи была сильная пурга и теперь степь сияла близкой. Женщины пошли в свои деревни и посоветовали мне идти вместе с ними, уверяя, что в других направлениях деревень вообще нет. Я пошла вместе с ними. Пройдя около пятнадцати километров вместе, женщины стали прощаться и разошлись в разные стороны, а мне показали узенькую полосочку тайги на горизонте. В этом крае очень мало деревень, и они слишком далеко друг от друга.

Утро было удивительно тихое, небо чистое и солнышко собиралось показаться на горизонте. Степь была совершенно гладкая и моим глазам не удалось увидеть ни единого дерева и приметного бугорка кроме тракта сбоку от меня в семидесяти метрах от меня. В царское время, а может быть и сейчас по таким трактам перегоняли каторжников. Вдоль всего тракта, нечасто стояли столбы, как ориентиры, чтобы не сбиться с пути во время пурги. Дорога вела в тайгу. Прощаясь женщины предупредили меня, что тайга суровая, а сейчас ещё много дезертиров и голодного зверя.

Осталась я одна в этом белом безмолвии. То иду, то бегу на восток по целине, укорачивая путь навстречу восходящему солнцу.

Оно взошло яркое, доброе и сразу я обратилась к нему с мольбой, как к единственному другу: «Не оставляй меня в степи!» Просила не уходить с неба, пока я не дойду до тайги. Наступил полдень, полоса тайги стала казаться шире и стала видна впадина, куда опускалась тайга с двух сторон. Я подумала, что возможно там река, а где река, там и люди. Дай Бог! Увлечённая целью, я смотрела только вперёд на тайгу, как на тайну, лелея надежду найти людей. Я не заметила, как ко мне с левой стороны приблизился большой зверь. Я испугалась, но не закричала, а замерла на месте. Молча сняла с плеча свой груз и поставила перед собой, искоса наблюдая за зверем. Он был в пяти-шести метрах от меня и пристально смотрел. Мелькнула мысль, что никто и никогда не узнает где я погибла. Зоя не знает, что я к ней еду, а родные не знают, каким путём я добираюсь к ней. Так мы молча стояли, смотря друг на друга. Зверь повернулся ко мне боком и направился в тайгу тут я и увидела, что это была лиса с пушистым хвостом. Как же я обрадовалась и одновременно подумала, что в тайге звери могут быть и пострашнее. Потом опять стала умолять солнышко, что бы оно не покидало меня, пока я не добреду до тайги.

Вечерело, Солнце посылало последние угасающие лучи, а тайга своим грозным шумом известила, что она рядом. Для себя я решила – в тайгу не входить до утра, ношу не снимать с плеча, с ней будет теплее. Было очень страшно. Но тут случилось второе чудо. В нескольких шагах от меня из тайги выскочила девочка лет десяти. Увидев меня, она испугалась и кинулась обратно в тайгу. Позже я узнала, что она приняла меня за старика из снега. Сначала я оторопела, но потом стала звать её: «Девочка, не бойся я просто тётя!» – кричала я. Она, остерегаясь, вернулась. Я спросила про деревню Мокрушено и вдруг услышала, что она живёт здесь, за этой рекой, что это деревня Мокрушено и она уже замёрзла. Я стояла и плакала от счастья. А когда крикнула ей, что ищу свою сестру Зою и её детей Аркашу и Таню. На бегу она крикнула, что она их няня, а Зоя сейчас пошла к сапожнику, ботинки подбивать ведь завтра праздник 7 ноября и в сельсовете будет праздничный вечер.

Я сняла с плеча ношу, поставила на снег и стала двигать её ногами, как могла по следам девочки вниз к реке. Река была неширокая, замёрзшая, а у проруби брали воду три женщины. Когда мои вещи поползли вниз к реке, женщины помогли мне спуститься и подняться на другой берег. Они решили отвести меня в сельсовет. Дом был

не так давно построен, имел вид служебной конторы городского типа, а вот лестница с широким крыльцом выглядела как-то особенно весело. Всё было чисто вымыто, как и широкие скамейки на крыльце, на которых сидели весёлые девушки и щёлкали орехи. Я никак не могла подняться на крыльцо, ноги как деревянные, это увидели девушки и помогли мне. Удивлённые моим видом они приоткрыли и открыли дверь.

Светлая большая комната где проводят колхозные собрания, тоже была чисто вымыта и по-праздничному убрана. Высокая печь, встроенная в стену, топилась из другой комнаты, а в эту большую выходила задняя её стена, тёплая, покрашенная белой известью. К этой стене меня и усадили. Сильно болели ноги. Хотелось закрыть глаза, а потом открыть и убедиться, что всё это не сон. В это время я услышала голос Зои. Она видимо бежала и кричала: «Этого не может быть! Моя сестра не может приехать!» Открылась дверь. Вбежала Зоя посмотрела на меня и горько заплакала. Это не моя сестра, зачем меня обманули? – Она меня не узнала, и я поспешила её успокоить, говорила: «Зоя, Зоя это я, Лида, твоя сестра». Тогда мы обнялись и разрыдались уже от радости.

Конечно, меня трудно было узнать с таким тёмным лицом, сильно похудевшую и измученную. Зоя поспешила скорее отвести меня домой, мне тоже не терпелось увидеть Аркашу и Танечку, но встать на ноги я не могла. Мои бедные ноги распухли так, что пришлось разрезать шубенки, чтобы их освободить, но даже из разрезанных мы их вытащили с большим трудом. Стопы ног были стёрты в кровь. Мы думали, как добраться до Зоино дома, а помог нам старенький бухгалтер. Он отыскал где-то старые валенки со срезанным верхом. И мы с грехом пополам, держась за заборы, добрались до дома.

Хозяйка дома, где жила Зоя с детьми, была молодой доброй женщиной. Ожидая нас, она уже затопила баню. Сибиряки молодцы – хорошо знают, чем нужно восстанавливать силы и здоровье сильно уставшему. Сил у меня совсем не осталось, так что Зое пришлось меня мыть, да и хозяйке досталось. Мыли меня каким-то щёлоком, который никак не смывался, уж очень мылкий. Было удивительное явление – баня с моим приходом наполнилась плотным белым туманом, и он оставался там до нашего ухода, мы решили, что исходит он от меня. Сибиряки из таких дворовых бань обычно бегут босыми – так сказала хозяйка, а я, как могла повисла на плечах двух добрых

женщин, которым пришлось нести меня через двор и положить на Зоину кровать. Для меня наступило счастливое блаженство, о чём я даже и мечтать не могла в этот день ранним утром.

Наконец-то мы собрались все вместе. Аркаша и Танечка рассматривали меня, такую ещё не совсем сухую после мытья, худую, страшноватую – тётю Лиду. Я же с большим интересом рассматривала детей. Аркаша хорошо подрос, я его видела раньше совсем маленького, а теперь на меня смотрел очень симпатичный мальчик с серьёзным, ожидающим чего-то очень важного, взглядом. Танечка, такая тоненькая, худенькая, маленькая, ротик маленький – маленький, носик кнопочкой, а глазки как у японочки – всё как у куколки.

Вопросам и рассказам не было конца. Зоя кормила нас, а чай пили с коломенскими гостинцами. Обсуждали главную задачу, как вернуться домой. Аркаша не отходил от меня и всё повторял – хочу к папе и когда поедем. В то время Аркаше было четыре года, а Тане шёл третий годик. Эта ночь была для всех очень беспокойной. Спали валетиком, было тепло и уютно.

Утром встали с праздничным настроением – 7 ноября. Зоя сказала, что я должна обязательно пойти с ней на праздник в Сельсовет, как московский гость. Когда мы добрались до Сельсовета, открыли дверь, стало ясно, что мы задержали немножко начало. На чисто вымытых столах уже лежала закуска, да и на самом деле, такую закуску в виде телячьей ножки или огромного куса грудинки не положишь на тарелки. В разных больших чарках налита ароматная медовуха, и лежали прямо на столе свежие испечённые хлебушки, булочки.

После короткого поздравительного выступления председателя колхоза и тоста, все повеселели от медовухи и принялись за закуску. Я видела, как один дядечка взял телячью ножку двумя руками и ловко разломил её на две части о свою коленку. Пили конечно все и закусывали тоже. Мне удалось избежать большой чарки медовухи – наверное пожалели гостя. Но, как правило, праздники эти у них всегда заканчиваются серьёзными драками на улице, чтобы было что вспомнить, так они считают. Поэтому мы постарались уйти пораньше с праздника. Хотелось ещё о многом поговорить и отдохнуть дома. Зое я уже сказала, что нахожусь в командировке и должна, как можно скорее поехать на завод в Томск. Что поделатъ, иначе я вовсе не смогла бы приехать за ними. В военное время дисциплина для всех работающих очень строгая.

Зоя начала собирать меня в дорогу. Главной проблемой была обувь. Разрезанные шебунки стали совсем негодны, и я одела Зоины сапоги. Они были на размер меньше, но другого ничего не было. Зоя договорилась, что из деревни меня захватит попутный транспорт до Новосибирска, а когда я буду возвращаться после Томска в деревню, он же меня захватит обратно, и дала мне адрес, где я могу его найти.

На четвёртый день моей жизни в деревне я уже садилась в телегу до Новосибирска. До Томска билет я купила быстро и уже вечером садилась в поезд. Моей соседкой оказалась молодая интересная женщина. Она ехала тоже в Томск. Мы разговорились, она стала расспрашивать, что за нужда заставила меня ехать в Сибирь. Когда выслушала примолкла, не решаясь мне что-то сказать. Утром сказала, и это было страшное известие – из Томска обратно в Новосибирск поездов нет. Я страшно расстроилась, она старалась меня успокоить. Предложила мне вместе с ней зайти к начальнику вокзала. Они знакомы, и может быть что-то получится, но говорила она это совсем неуверенно. Дверь кабинета была закрыта, и громкий голос доносил до нас брань в адрес начальника и власти. Скоро дверь открылась, и оттуда выбежал мужчина, лет сорока, проклиная всех на свете. Моя знакомая, вошла в кабинет и довольно долго там пробыла. Затем она пригласила меня зайти.

Начальником вокзала была женщина в военной форме со строгим лицом. Она очень внимательно, молча посмотрела на меня и быстро с нами попрощалась. Я была в большой тревоге, спутница старалась меня успокоить, но не очень твёрдо, а может быть что-то и получится. Условие было таково. Как только я сделаю все свои дела на заводе, каждую ночь я должна приходить на платформу вокзала после двенадцати часов и ходить по ней не менее двух часов. В такие часы иногда проходят санитарные поезда за тяжелоранеными для отправки их в Новосибирск. Она питала надежду посадить в такой поезд меня.

Моя добрая попутчица предложила приютить меня на ночлег к одной бабушке, домик которой был недалеко от вокзала. Жила бабушка с маленькой сироткой. Я должна была, если она позволит у неё ночевать, поделиться своей рабочей хлебной карточкой. Я очень обрадовалась, а моя благодетельница заторопилась по своим делам. От всего сердца я благодарила её за доброе участие и помощь в моих бедах и ещё раз убедилась, что в мире много добрых людей. Теперь

мне нужно было торопиться в город и искать завод, приступать к командировочным делам и как можно скорее выполнить задание.

Дорогу в сторону города мне показали, и скоро я очутилась в небольшой кедровой роще. Сама роща не очень большая, а вот кедровые деревья были огромные. Хотя в детстве орехи мы грызли часто, но деревья я видела впервые. Роща закончилась, и я вдруг оказалась на большой высоте, а город сам внизу и будто в тумане. Только потом я узнала, что город стоит на нескольких холмах. На завод я шла пешком. Смотреть на достопримечательности было некогда. Я торопилась покончить с делами на заводе, а мысли об обратной дороге не давали покоя. Люди встречались очень редко, город казался скучным, хотя не так далеко от дороги я увидела университет и гостиницу. В первый день на заводе я проработала долго, устала, да и ноги меня очень беспокоили.

Мороз крепчал, и я решила устроиться в гостинице. Мне не повезло, мест не было. Уставшая, голодная и огорчённая, я свалилась в кресло в вестибюле, идти было некуда и ноги меня не слушались. В это время открылась дверь, и вошёл ещё один гость – мужчина лет пятидесяти. Он тоже был озадачен отказом. Видимо заметив моё состояние, он подошёл и тихо сказал: «Не переживайте, я здесь был уже, и найду место и себе и вам» и совсем тихо добавил: «Следите, как только дежурная куда-нибудь уйдёт, вставайте и идите за мной, в служебном помещении есть артистическая уборная, где стоит чёрный диван, и вы прекрасно на нём устроитесь, а за декорацией найдёте умывальник».

Я действительно хорошо выспалась. Утром в буфете выпила чашку горячего, сладкого чая и пошла на завод. По дороге я думала о добрых людях, которые помогали мне в трудные моменты, и немного потеплело на душе. За два дня на заводе мне удалось подобрать нужный инструмент, а на третий день он был упакован и отправлен на железную дорогу. Это была большая удача. К бабушке я попала к вечеру на второй день. Она меня уже ждала. Видно моя добрая знакомая уже здесь побывала. Теперь я имела ночлег, чашку чая и маленький кусочек хлеба.

С неделю я ходила по платформе безрезультатно. И вот настала ночь, когда поезд под парами подходил к вокзалу. Я шла по платформе и вдруг за спиной услышала женский голос: «Подойдите ко второму вагону, постучите и скажите: «Откройте дверь по приказу

начальника вокзала». Поезд встал, я сделала всё как велел голос, но дверь не открылась, а послышалась брань мужика. Но тут же я услышала тот же голос, но он уже звучал грозно. Дверь открылась, и я вошла в вагон. Проводника в вагоне не было и раненых тоже не было. Вагон был оборудован специально для тяжелораненых, сильно пахло лекарствами и теплом. На глаза мне попала маленькая багажная полочка над последним окном вагона, почти у выхода. Долго не раздумывая, я забралась на эту полочку, под голову положила свой маленький чемоданчик, подобрала под себя подол пальто и сразу же уснула, свернувшись в калачик. Не знаю, сколько времени я проспала, но проснулась в ужасе от стонов раненых и жуткого запаха. И сразу же накатил страх – если кто меня увидит, что мне тогда делать?

Осторожно я спустилась и сразу же услышала стоны с просьбой – дайте пить. Я поспешила подать воды тому, кто просил, не зная правильно ли я делаю. Медсестёр в вагоне не было, и я очень боялась их появления. Меня трясло от страха от запаха крови и лекарств тошнило. Страшно изуродованные, но живые тела людей просящие помощи, а медиков не было. Становилось жутко. Слава Богу, за окнами стало светлеть. Приближалось утро. Чистейший белый снег помогал рассвету. Скоро стало видно постройки. Судя по ним город приближался. Каждую минуту могли войти санитары готовить раненых к пересадке. Поезд замедлил ход и встал. Это был Новосибирск. Поезд остановился далеко от вокзала, видимо так было нужно. Я быстро открыла дверь и опустилась на землю. Почти бегом заспешила по тоннелю. На этот раз он показался ещё страшнее. Когда я открыла тяжёлую дверь, и зал ожидания остался за ней, я почувствовала себя на свободе, сама себе не веря...

Теперь нужно было по данному мне адресу найти человека, с которым поеду в деревню Мокрушено, где давно меня ждут. Дом я нашла, но человека в этот день не было. А на следующий день мы с ним уже ехали в деревню. По дороге он мне рассказал, как переживает сестра такую долгую задержку, и другие женщины в деревне предполагают разные догадки. Хорошо, что всё закончилось благополучно. И опять надо сказать спасибо добрым людям, что помогли.

Увидев меня, Зоя сильно обрадовалась. Собрались мы быстро, вещей было не очень много. Дали нам лошадёнку и малолетнего извозчика. Они стояли друг друга – обессиленные, явно не ели дня два, а тут ещё дорога, такая длинная и с грузом, да ещё зима. На

возу было двое детей, два чемодана и тюк с постелью. Нам с Зоей пришлось работать своими ногами. Всю дорогу мы опасались, что лошадь вдруг встанет или, хуже того, ляжет прямо на дорогу.

Когда мы отъехали от деревни совсем немного, Зоя мне сказала, чтобы я не удивлялась, на то что увижу. От дороги справа стоял земляной холмик, совсем небольшой. На холмике с правой стороны небольшое отверстие, в которое вставлено стёклышко, через него тарасились два детских глаза на нас. Зоя пояснила, что этот ребёнок обречён смотреть только на эту дорогу. Так решили его родители, так жили и его предки. Менять они жизнь свою не собирались, дети в школах не учились, жили в землянках, так проще. Ленивая, тёмная, безрадостная жизнь их устраивала, а о детях не думали. Слава Богу, подумала я, что бывает лето, и тогда дети уже наверняка выползают на солнышко. Очень неприятный осадок остался в душе от увиденного кусочка прошлого. Долго мы плелись со своим возом, но наконец добрались до Тогучина. На станции мы смогли оформить билеты до Москвы с пересадкой в Новосибирске только на завтрашний день, на сегодня купированных билетов уже не было.

У меня заканчивалась командировка, и мне нужно её немедленно продлить в Новосибирской конторе. Для этого я должна выехать туда сегодня, но Зое завтра будет очень трудно при посадке с детьми и вещами. По закону военного времени я уже считалась дезертиром трудового фронта. Меня могут снять с поезда и отправить на работу куда угодно. Зоя расстроена, но я не могу поступить иначе и уезжаю. На другой день я встречаю их поезд в Новосибирске. У меня теперь есть законный документ, и хлебная карточка сохранилась. В зале ожидания, с которым уже дважды была знакома, мы должны были найти себе место, где расположиться, а потом быстрее искать нужную кассу и прокомпостировать билеты. Мы думали, что нас долго не могут задерживать с пересадкой, если есть разрешение Высшего военного командования у Зои. Но на самом деле было всё иначе, не это было главным... Там работали настоящие дельцы, имея связи с кассами, с выгодой обеспечивая состоятельных пассажиров билетами. Были и другие дельцы, которые овладели обстановкой и обманывали доверчивых людей. Многие готовы были отдать последнее, лишь бы спасти детей и выбраться из этого безнадёжного людского загона. Зоя отдавала всё, что могла, потом мы сильно жалели. Большие страдания приблизились к нам вплотную.

Новосибирский вокзал был пересадочным центром, его нельзя было миновать пассажирским поездам разных направлений. Люди на вокзале представляли собой многонациональное сборище несчастных. Нам удалось найти и устроить детям место для сна, и дежурили днём и ночью по очереди, оберегая их от грязи, воров и заразы. Страшно было уснуть, воры так и сновали, а вещи могли вырвать прямо из рук. Люди умирали от голода, грязи и болезней. У задней стены запасного выхода вокзала мёртвых складывали, как дрова. На морозе они быстро замерзали, а ночью их сжигали. Каждое утро мы с Зоей по очереди ходили с детьми умываться, причёсываться и всё остальное. Иногда утром я выходила в город, чтобы полученный по карточке хлеб поменять на горячую кашу для детей у какой-нибудь хозяйки из ближайших домов. Также каждое утро нужно было ходить в кассовый огромный зал с множеством окошек, где в каждой кассе стояла огромная очередь. Но как правило, больше двух-трёх окошек не открывалось, и работали они по два-три часа. Народ возмущался, силы и здоровье у голодных людей уходило, а мысль о безнадёжности приводили всех в отчаяние.

В одно такое утро я пошла в кассовый зал, как всегда. Увидев опять спины людей, ожидающих открытия касс, мне вдруг показалось, как людская стена раздвинулась, и оттуда мне навстречу вышел и идёт мой дорогой, мой добрый папа. Я вскрикнула – папа, папа! Протянула к нему руки и упала, потеряв сознание. Не знаю, как долго продолжалось это моё состояние, но когда я очнулась, слышала разговор людей. Люди предлагали проводить меня до нашего места в зале. Качаясь, я нашла своих сама. Зоя сразу поняла, что что-то случилось. Я ей сказала, что видела папу и рассказала, как это было. Она сильно за меня перепугалась и предложила мне отдохнуть. Но это было только начало наших бед.

Вот уже неделю, другую, сидим на этом вокзале. Мы почти ничего не едим, привыкли к голоду, и казалось, уже не хотим есть. В одно такое утро, когда нужно было идти с детьми умываться, я хотела встать, но ноги не слушались меня, они распухли и не двигались. Мы обе с Зоей заболели в это утро одной болезнью – дистрофией. Затем заболели Таня и Аркаша.

Терпению пришёл конец. Зоя решила на отчаянный шаг. Она взяла все документы, билеты, собрала последние силы, взяла больных детей на руки и пошла к начальнику вокзала. Потом

рассказывала – вошла в кабинет, положила на стол больных детей и грозно сказала, что если он сейчас не даст разрешение на срочное компостирование билетов, а дети её сегодня ночью умрут, то она вот этими руками его задушит, ей все равно. Начальник, видимо испугался её вида, и дал разрешение на срочное компостирование билетов. Зоя заспешила в указанную кассу, кассир поставила компост на все билеты, но когда увидела, что прокомпостировала мой билет, стала возражать, но было поздно. Зоя зажала их в кулаке и поспешно ушла. Так она совершила героический поступок, и мы были спасены от гибели.

Той же ночью мы садились в поезд Новосибирск – Свердловск, где должна была быть последняя пересадка на поезд до Москвы. Мы наняли носильщика, так как нести чемоданы не могли. Он обещал посадить нас в вагон ещё до объявления о посадке. Провёл нас другой дорогой и, действительно, посадил в вагон и быстро ушёл. Наше купе было последним от входа. В вагоне было тепло и темно и всем захотелось спать, но нужно было поудобнее разложить вещи. Зоя взглянула на верхнюю полку и вскрикнула с отчаянием. Чемодана в полосатом чехле не было, носильщик оказался вором. В нём были все документы и самое необходимое. Зоя заплакала, а в это время на платформе зажгли огни и объявили о посадке. В вагоне тоже стало светло. Я кинулась к выходу и увидела вдалеке мелькнул полосатый чехол чемодана. Я побежала, крича: «Вор, вор, держите его, он украл чемодан!». Первым пассажиром, входившим в вагон, был офицер. Он схватил носильщика и выбросил его из вагона. Я же схватила чемодан и теперь уже еле-еле поволокла его вдоль прохода к нашему купе. Зоя горько плакала, а когда увидела чемодан, не поверила своим глазам. Радость наша была так велика, что мы обе заплакали. Можно было считать себя счастливыми и теперь спокойно уснуть.

Свердловск замело снегом так, что мы решили с детьми из вокзала в город не выходить. Билеты закомпостировали сразу до Москвы, а поезд только вечером. Около вокзала был магазинчик. Я пошла получить по карточке хлеб. К моему удивлению и радости там продавали белый хлеб. Я его купила для детей, как гостинец. Но этот гостинец всех огорчил. Танечка и Аркаша не захотели его есть. Они никогда не видели белого хлеба, а поменять его уже было нельзя. Когда вечером сели в поезд, настроение у всех сразу поднялось. Трудно было поверить, что наши беды уже позади, и скоро мы

увидим родной дом. И наконец наступил день, когда мы приехали в Москву. Вечерело, когда мы выгрузились из вагона на платформу. Вдруг небо озарил яркий световой огромный шар и рассыпался на множество огней в виде ярких цветных звёздочек, потом ещё и ещё, много-много раз. Аркаша и Танечка радовались чудесному зрелищу. Я им сказала, что это салют, и это значит, что наши войска освободили ещё один город от фашистов. А мы с Зоей подумали, что это салют и нам с приездом, что мы выдержали такие жуткие испытания и остались живы. Какое было чудесное совпадение – именно в те минуты, когда мы вышли на платформу. Теперь нам осталось доехать только до Коломны и от вокзала до дома пройти по снежным дорожкам до Колёсной улицы до родного дома, где, наверное, потеряли всякую надежду нас увидеть.

В Голутвине мы решили, что Зоя возьмёт детей и пойдёт потихонечку к дому, а я останусь с вещами у вокзала и буду ждать папу с санками. Зоя ушла, стало слышно, как стучит от волнения моё сердце. Не верилось, что мы уже дома, душили слезы. Ночь была тихая, морозец градусов десять. Свет не зажигали, но от свежего белого снега было светло. Сквозь ночную тишину я услышала лёгкий скрип санок о снег и очень быстрые шаги. Папа спешит, подумала я.

Это был он и слезы радости вырвались наружу. Я увидела, наконец, моего заботливого папу. Он действительно бежал и на глазах у него были слёзы. Мы крепко обнялись с ним, плача от радости. Уложив вещи и привязав их к санкам, поспешили домой. Всю дорогу молчали, глотая слёзы. Дома все были на ногах и радости не было конца. Дочка Наташа проснулась, встала, подошла ко мне и спросила: «Мама, ты больше никуда не уедешь?». «Нет, нет дочка, теперь никуда никогда не поеду!» – ответила я, радуясь, что дома, и Наташа рядом.

Зоя потом мне рассказала... Когда они подошли к дому, она постучала в дверь, скоро папа открыл её и замер от радости увидев нас, потом стал всматриваться дальше с тревогой в глазах, боясь спросить где же я, Лидушка – всё было ясно. Я поспешила его успокоить, сказала, что Лидушка осталась с вещами у вокзала и ждёт его с санками, он успокоился, проводил нас в комнаты а сам во двор за санками и на вокзал.

Волнения всех закончились.

ВЛАДИМИР КОЛАБУХИН

Колабухин Владимир Гаврилович родился 5 июля 1937 года в городе Коломна. По образованию - юрист, по профессии – журналист. Автор нескольких книг прозы и стихов. Дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов. Золотой лауреат Германского Международного конкурса «Лучшая книга года» (2015, 2017 г.г.). Член Союза российских писателей. Живёт в городе Ярославле.

Всё снился хлеб,
Такой душистый –
Глаза бы мне не открывать...
«Вставай, сынок!
Опять фашисты!
Опять летят!» –
Металась мать.

Мне было жаль
Расстаться с хлебом.
Но пушки грохали в ночи
И, словно ножницами, небо
Кромсали белые лучи.

И в погребушку, оглушённый,
Я лез за мамою, бочком.
И вслед крестам на крыльях чёрных
Грозил бескровным кулачком.

В СОРОК ПЕРВОМ

То было время грозное:
Земля и небо – всё в огне.
И город наш, что под Москвою,
Был с фронтовыми наравне.

И там, и тут рвались снаряды,
Дома валялись и сады.
Не то что хлебу – были рады
Мы горьким щам из лебеды.

Но что они для карапузов,
Те щи пустые – лишь вода...
И, подтянув к груди рейтузы,
Мы к свалке двинулись тогда.

Был слух такой: туда порою
Из кухонь всех госпиталей
С картофельною шелухой
Бросали клубни погнилей.

Лишь бурый гипс да бинт кровавый
На свалке этой мы нашли.
И хуже не было отравы
Для впечатлительной души.

Домой летели – как поближе,
Зажав сырой ладонью рот...
Мне о войне не надо книжек.
Забуть ли сорок первый год?

В Европе – званые обеды,
Истаяла
Войны минувшей тень...

А мне всё помнится
Тот майский день:
Вдруг заневестилась в саду сирень,
И над Москва-рекой –
В салюте небо,
И мама обнялась
С воскресшим дедом...

Вот, наконец, настал он –
День Победы,
Такой наш долгожданный
Мирный день!

Напавший враг был уничтожен
В священном нашем,
В праведном бою.
И никогда никто-никто не сможет
Сломить Россию – Родину мою!

ГОЛУБИ

Пролетают голуби
В вышине.
Опадают жёлуди
В тишине.
Помню:
Лес, как скошенный,
За крыльцом.
«Мессер» падал коршуном,
Бил свинцом...

А сегодня – голуби
В синеве,
Тихо скачут жёлуди
По траве.
Тянется за горлицей
До небес
Вставший за околицей
Новый лес...

Набирают голуби
Вышину.
Охраняют голуби
Тишину.

МИХАИЛ КОРАБЕЛЬНИКОВ

Корабельников Михаил Ошерович. Год рождения 1938 Место рождения – город Короп Черниговской обл., Украина. Место постоянного жительства – город Коломна Московской обл. После окончания ВУЗа, с 1961 года работал в конструкторском отделе Коломенского завода на испытаниях дизелей. В 2008 году с завода уволился и далее – «вольный пенсионер».

В 2015 году в малотиражном издании была опубликована его первая книга–исследование: «Лев Троцкий и другие. Вчера, сегодня. Исторический процесс». Её тираж полностью разошёлся, и книга была переиздана в 2017 году к 100-летию русской революции. Есть электронная версия этой книги.

В 2016 году в том же издании была опубликована автобиографическая повесть Михаила Корабельникова «Три имени одного героя» – о детстве, юности и студенческих годах автора. В настоящий сборник включена одна из глав этой книги: «Война».

И, наконец, в 2017 году вышла очередная книга Михаила Корабельникова: «Коломенский якорь». Эта книга охватывает период жизни автора в городе Коломна. По содержанию она гораздо шире

жанра автобиографической повести. По отдельным вопросам проводятся экскурсии в историю; много внимания уделено современным тенденциям развития российского общества, отражены профессиональные моменты.

Каждая наша личная судьба входит в копилку общей истории человечества – не писанной, а реальной. Но беда в том, что в подавляющем большинстве случаев история каждого индивидуума уходит вместе с ним в могилу, оставаясь неведомой для других. Человек прожил жизнь, и она, никем не замеченная, вылетела в трубу. Кому-то повезёт оставить потомков; особо выдающиеся оставляют следы своей земной деятельности в науке и технике, в искусстве, архитектуре, литературе и прочее, прочее. Но это – выдающиеся, а как быть простым смертным? Вот я и решил оставить свой след на бумаге, которая, как известно, всё стерпит.

ВОЙНА

Родиной моих родителей был мало кому известный городок Короп на Черниговщине. Тогда это была Украинская ССР. Благодаря советской власти оба получили высшее образование. Отец окончил Московский энергетический институт и был направлен на работу на Коломенский паровозостроительный завод (ныне это ОАО «Коломенский завод»). Мать окончила второй Московский медицинский. За два года до войны, в связи с переводом отца, наша семья из четырёх человек (включая меня и мою сестру Риту трёх и четырёх лет соответственно) переезжает в подмосковный Подольск.

Незадолго до начала войны матери снится сон. Будто бы она – ещё студентка мединститута – после очередной экзаменационной сессии возвращается домой в Короп. Но родного города не узнаёт. Всюду запустение, на улицах хлам и нет людей. Она спешит в родительский дом и не узнаёт его: калитка сорвана, вместо окон чёрные дыры, с правой стороны от калитки, где росла яблоня-малиновка, вместо яблони зияет глубокая яма. Кругом жуть. С бьющимся сердцем она взбегает на крыльцо и через распахнутую дверь входит в горницу. Зовёт: «Мама, мама!» И откуда-то с печи доносится слабый голос её матери: «Женя!» И она просыпается.

Война разметала всех моих родственников по разным местам. Как и положено, первыми её жертвами стали мужчины. Раньше других погибли мужья моих старших тёток по матери: Сони и Бэллы. У тёти Бэллы остался сын Иосиф (Юзик) – на год старше меня. Соня так и осталась бездетной.

Но первым удар наступавших немецких войск испытал на себе дядя Миша, младший брат отца. Он воевал всего неделю, с первого дня войны. И остался жив. Капитаном в составе батальона он командовал группой тяжёлых танков КВ. Эти танки имели непробиваемую лобовую броню и отступали в арьергарде наших войск на Западном направлении: как он мне рассказывал, в среднем по 40 км в день. Такими темпами здесь шло немецкое наступление. Была поставлена задача: задерживать наступление противника по главным магистралям, чтобы уберечь наши отступавшие части от полного разгрома. Не знаю, насколько это им удалось, но в итоге через шесть дней непрерывных боёв остатки танкового батальона отступили к Минску, который был сдан на следующий день.

Дядя Миша рассказывал: когда они переехали мост через реку и оказались в восточной части города, командование вернуло их назад: на покинутой территории остались 3000 наших грузовиков, которые не удалось эвакуировать. Грузовики следовало сжечь, чтобы не достались противнику, что и было исполнено. Наверняка то была самая «эффектная» операция за всю неделю боёв дяди Миши. Но так сложилась обстановка. После этого его сняли с фронта и назначили преподавателем в военное училище, где он оставался до конца войны. В ходе разгрома в начале войны Красная армия потеряла не только технику, но и людей, которые ею владели. Нужно было срочно готовить новые кадры. Это и предопределило дальнейшую военную судьбу моего дяди Миши и спасло ему жизнь.

Единственный брат матери – мой дядя Саша – тоже воевал недолго. Во время нашего неудачного наступления весной 1943 года под Харьковом осколок мины раздробил ему ступню левой ноги, и он был вывезен в госпиталь. По существу, это обстоятельство также спасло ему жизнь, так как по ранению оказался в тылу, тогда как многие его товарищи попали в окружение и погибли. Когда я последний раз был в Коропе, то приставал к дяде Саше с вопросом: много ли он побил фашистов. Он ответил: не считал, так как в общей наступающей цепи стрелял из автомата и не видел цели. Это меня сильно разочаровало.

Мой отец перед войной работал в Подольске на крекинг-электровозостроительном заводе (КЭС). Во время немецкого наступления на Москву некоторое время находился в составе Московского ополчения, но не воевал. В сентябре – октябре 1941 года большинство подольских предприятий, в том числе КЭС, были эвакуированы. Отец как специалист завода имел бронь. Но после знаменитого Харьковского «котла» в мае 1942 года, положившего начало неудержимому немецкому наступлению на Южном фронте, отказался от продления брони и был призван. После непродолжительного обучения попал в действующую армию рядовым, несмотря на высшее образование. Тогда с этим не считались, немцев надо было остановить любой ценой. Однако несколько позже замещал выбывшего из строя политрука – должность, надо сказать, незавидная: она не давала никаких преимуществ перед бойцами, но возлагала на «счастливчика» большую ответственность за себя и других. Не говоря уже о том, что в случае немецкого пленения это была расстрельная должность. Впрочем, расстрельной была и сама его национальность.

Письма от отца мать получала довольно регулярно и по большей части – полные оптимизма. Он ободрял надеждой на неминуемую нашу победу, уверенностью, что всё будет хорошо, просил о нём не беспокоиться и главное – беречь детей. Правда, в одном из сохранившихся писем отец просил прислать по возможности сухарей. Отсюда можно сделать вывод, что с питанием у них было не очень, Впрочем, как и везде. И только последнее письмо отца, полученное где-то в середине февраля 1943 года, было тяжёлым, и мать проплакала над ним всю ночь. Он писал, что теперь они наконец наступают, проходя – иногда по пояс в снегу – до сорока километров в день. И единственное, что их держит на ногах, – это мысль о том, что они гонят уходящего врага. Он ещё писал: наверное, вы скоро о нас услышите.

Кем был на войне мой отец: пехотинцем, артиллеристом? Название его части звучало приблизительно так: «Особый отряд истребителей танков». Они наступали на Ростовском направлении. О том, как воевали истребители танков в то время и том месте, можно судить хотя бы по фильму «Горячий снег». 5 марта 1943 года матери пришло извещение: отец выбыл из части по ранению и... пропал без вести. Что было на самом деле, нам неизвестно, и никаких версий я не строю. Но несомненно, что он погиб, – в любом ином случае дал

бы о себе знать. На довоенной фотографии, которую я запомнил, это был, как мне показалось, высокий мужчина с чёрными кудрявыми волосами и грустными серыми глазами. Он был сфотографирован в полувоенной форме рабфаковца. В одной из песен Окуджавы есть такие слова: «пять грустных солдат не вернулись из схватки военной». Вот и он тоже не вернулся.

Наша семья, то есть моя мать, я и сестра Рита, эвакуировалась из Подольска уже в сентябре 1941 года; при этом в пути следования на мать возложили обязанности начальника медицинской службы эшелона. В её функции входили контроль санитарного состояния поезда и забота о здоровье пассажиров – в большинстве своём рабочих и служащих КЭС, выявление заболевших и оказание помощи, предотвращение распространения эпидемий. Но так случилось, что одним из первых заболевших, причём заразной и опасной болезнью – дифтерией, оказался её собственный сын. Вследствие чего в Свердловске нам пришлось сойти с поезда, и меня положили в больницу, где немедленно заразили ещё и корью. Если корь ослабляет детский организм, но сама по себе обычно не очень опасна, то дифтерия, её токсическая форма, способна убить наповал. Существовало лишь одно радикальное средство от дифтерии – специфическая сыворотка, которую применяли повсеместно. Но мать знала, что у меня тяжёлая аллергия на чужеродный белок и сыворотка мне категорически противопоказана. Об этом она известила персонал больницы.

Однако сыворотку мне ввели, что немедленно вызвало шок: падение сердечной деятельности и общий отёк организма. И это накладывалось на дифтерию и корь в придачу. Неминуемо я должен был отдать концы. В больнице в подобном состоянии находилось ещё одиннадцать детей – все умерли. Но Всевышний промедлил с моим оформлением в Рай. Скопилась большая очередь, и у Него в эти дни было слишком много забот. Этим воспользовалась моя мать, которая забрала меня из больницы, попросив какого-то красноармейца помочь ей отнести на квартиру: у неё не было сил тащить налившегося водой битюга, на которого, трёхлетнего, лезли валенки только взрослого человека. Короче, мать меня выходила, но это моё приключение не осталось без последствий.

В начале войны в Коропе оставались дед и бабушка Гуревичи и две их младшие дочери Маруся и Валя – дивчины 17 и 16 лет. Сначала все надеялись на то, что наши остануют немцев, потом – на

организованную эвакуацию населения. Ни того, ни другого не произошло. Радио каждый день приносило тревожные вести, но действительность оказалась ещё страшнее. Они готовились к эвакуации. Нужно было бросить дом со всем добром и хозяйство, а это не так просто. Но когда пошёл слух о том, что немцы высадили десант в Сумах – а это уже восточнее Коропа, – началась паника. Вместе с другими беженцами под немецкими бомбами они прошли, голодные и оборванные, всю Восточную Украину, и только в Курске была организована эвакуация населения. Им ещё повезло, что после захвата Киева немцы притормозили своё наступление на Южном фронте, переключившись на московское направление. В эвакуации семья обитала в районе Ташкента, а дед устроился работать сторожем в большом яблоневом саду. Это всё, что я знаю.

Но на Украине оставалась ещё одна моя тётка по материнской линии – Фаина. Она была замужем за украинцем Митей, и у них было уже четверо детей. Последний родился незадолго до войны. Родители очень не одобряли этот брак по национальным соображениям, хотя лично против Мити ничего не имели. Но любовь победила. Эта тётя Фаня была учительницей и пользовалась большим авторитетом у детей и их родителей. Митя работал каким-то начальником по почтовому ведомству, и у него были все возможности вовремя эвакуировать свою семью. Но когда возник сей вопрос, этому воспротивилась многочисленная Митина родня: «Куда вы поедете, да ещё с малыми детьми? Приезжайте к нам в деревню, здесь все свои, никто ничего не узнает». Надо сказать, что Фаня, как и моя мать, была русоволоса, сероглаза, на еврейку совсем не похожа. И они остались.

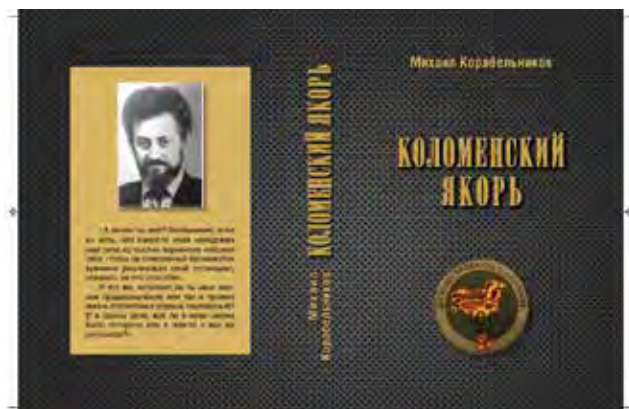
Однако, когда пришли немцы, тут же нашлись доброхоты и всё про тётку рассказали. Надо отдать должное местному старосте: он не единожды ходил в комендатуру и просил не трогать тётю Фаню и её детей. И немцы не трогали. Правда, вместе с другими, ещё не добытыми евреями, её гоняли на каторжные работы, вследствие чего грудничок вскоре умер.

А что же Митя, её законный супруг? Те же самые родственники, которые убеждали их остаться, стали уговаривать Митю бросить семью: «И что ты связался с этой жидовкой, чем она тебя околдовала? Бросай их, а мы здесь подберём тебе таку гарну дивчину, всё будет замечательно». И Митя их бросил. Я ему не судья. Я понимаю, что он это сделал не по злему умыслу: так сложились обстоятельства.

Останься он с женой и детьми, его бы постигла общая участь. А человек слаб: для огромного большинства из нас инстинкт самосохранения подавляет все иные побуждения и душевные порывы. И надо обладать очень сильным характером, чтобы совесть могла одолеть естественные для живого организма инстинкты. Где-то зимой 1943 года по тем местам прошла партизанская дивизия Ковпака, а потом пришли каратели. Они добились оставшихся евреев. Однако тётю Фаню и её троих детей (старшей девочке было 11 лет) не расстреляли: эсэсовцы закопали их в землю живыми. Надо сказать, что Митя не остался безучастен: он, конечно, переживал эту страшную гибель своей брошенной семьи и, как говорили, даже слегка тронулся рассудком: несколько дней подряд ходил на их могилу и приносил еду. Немцев прогнали, и в 1944 году из эвакуации вернулись наши родственники.

Мите грозил штрафбат. Он приходил в дом деда, но дед отказался с ним общаться. Тогда он обратился к уже возмужавшей в эвакуации 20-летней Марусе, просил замолвить за него слово. Маруся ему сказала, что мужья её старших сестёр Сони и Бэллы погибли. Ошер, мой отец, тоже погиб. «А почему ты должен жить?» Митю забрали в штрафбат, и вскоре он был убит.

Эту историю, если помнит читатель, я начал со сна, приснившегося моей матери перед войной. Так вот, сон оказался вещим. Какую картину застала семья Гуревичей, вернувшись из эвакуации? Они увидели почерневшие от копоти проёмы окон дома, без стёкол, сорванную с петель калитку, а в том месте, где до войны росла яблоня-малиновка, зияла глубокая воронка от бомбы.

МАРИНА КРАСАВИНА

Красавина Марина Александровна родилась в Коломне. Окончила Коломенский педагогический институт. Учитель русского языка и литературы с 40-летним стажем. Победитель Национального приоритетного проекта «Образование» - 2009. Создатель (1988 год) и руководитель творческого объединения «Пегасик». Участники объединения – лауреаты и дипломанты многих конкурсов муниципального, регионального, российского и международного уровня.

Статьи М.А. Красавиной по вопросам эстетического, духовно-нравственного и патриотического воспитания публикуются в газете «Коломенская правда», в журналах «Туризм в школе», «1 сентября. Портфолио», в областных сборниках «Рождественские чтения», церковно-общественном издании «Апостол», сборниках «Серебро слов».

М.А. Красавина – член городской инициативной группы по проведению поэтических марафонов, постоянный участник Рождественских духовно-исторических чтений, фестиваля «Ахматовская тропа», «Королёвских чтений», открытого конкурса-фестиваля «Берега»; член жюри ряда муниципальных конкурсов чтецов.

Награждена Грамотами Министерства образования и науки, Коломенского благочиния, медалями «И.И. Лажечников», «За успехи в образовании юношества». Член МОО СП России; Ветеран труда.

Интересы и увлечения: чтение, театр, путешествия; пишет стихи и прозу, автор пяти поэтических сборников.

РЕЛЬСЫ В ОДИН КОНЕЦ...

Оттуда дороги нет.

Шмерке Качергинский

*«Им дам Я в доме моём и в стенах моих
память и имя... которые не изгладятся»*

Ис 56:5

Рельсы в один конец...
Пропасти зев широкий...
Жирного дыма венец...
Туфельки вдоль дороги.
Детская жизнь – свеча:
Теплится – дай разгореться...
В крике заходится сердце...
Слышишь ли их голоса?
Тонкие голоса
Будто из крепости ада:
- Мамочка, йама, тата...
Terribly ... Лё ... Не надо...
Рельсы в один конец...
Вздрагнет вагон на стыках...
Тысячи юных сердец
Больше не будут биться.
Время сжимается в боль,
Время похоже на пропасть.
Пепел на каменный пол
Ляжет растрёпан...
Тысячи мотыльков,
Крыльев не распрямивших...
Пепел – и никого...
Только труба над крышей.
Вечная, вечная ночь.
Бледные всполохи света.
Сон, наваждение – прочь...
Тонкие руки воздеты...
Лица – глаза одни.
Каждое имя – печатью.
Сарочка... Женя... Софи...
Кем суждено было стать вам?..
Где этой пропасти дно?..
Только лучи – как руки.

Помните Холокост,
Чувствуйте детские муки.
Треблинка...
Бухенвальд...
Аушвиц...
Биркенау...
В пропасть составы летят.
Лаёт охрана пьяно.
Гром – ко – сту – чат – по – ез – да...
Ветры – в щели вагонов.
Стала седою трава...
Пепел кружит похоронно...
Детская тень легла
Рядом, едва заметна...
Жёлтые звёздочки к нам -
Сквозь времени километры.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Ещё плыла под небом тишина,
Ещё зарило солнце, улыбаясь.
И одуванчики, беспечно дыша,
Его лучами чистыми казались.

Всего лишь миг меж миром и войной...
Земля отцов внезапно постарела,
И стала тишина вдовой
В платке тумана, словно пепел, сером.

Поля, продавленные сапогом,
Лесов сгоревшие лохмотья...
И машет огненным крылом
Беда на каждом повороте.

Но теплятся огарочки-лучи,
А солнца свет проникнет даже в бункер.
И тишина набатом зазвучит
Сквозь долгий чёрный день июня...

ЗОЛОТЫЕ СТОГА НА КРАЮ ПОЧЕРНЕВШЕГО ПОЛЯ...

Благовещенье 7 апреля 2018 г.

Золотые стога на краю почерневшего поля,
Точно русичей шлемы, что остались лежать.
Осушили до дна чашу воинской доли,
Чтобы ворогам Русь не отдать.

Колокольные скорбные звоны плывут над привольем,
Блики солнечных копий стынут в торсах кольчуг.
И уже не согреть даже память, омытую болью...
И домой никогда не придут...

Терракотовых армий не строило Русское поле.
Не числом, а умением брали предки в бою.
И масштабный захват, захлебнувшийся кровью,
Вновь и вновь шёл на корм воронью.

По-над полем кудрявым, весёлым - гроза щедрой данью.
Уносили потоки, терзая и дни, и тела.
Но вставала над горем, над ночью, над бранью
Золотая, как шлемы, заря.

Богородица плат расстилала над мертвенным полем
И плыла, как голубка, распахнувши крыла.
И звенела молитва, разрывавшая воздух тяжёлый,
Отгоняя беду от родного угла.

Куполами церквей становились высокие шлемы.
Принимали традицию форм колокола.
И несло от границ вездесуще-летучее Время
И цветы, и поэмы... чтобы жили поля.

АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН

Анатолий Иванович Кузовкин родился 18 августа 1939 года в Москве. Осенью того же года семья переехала в город Коломну. Здесь учился в школе. После трёх лет службы в армии на Южном Урале окончил Коломенский педагогический институт. Более полувека отдал служению газете «Коломенская правда». Работал литературным сотрудником, ответственным секретарём, старшим корреспондентом общественно-политического отдела. Член Союза журналистов СССР/России с 1969 года, член Союза писателей России с 2000 года. Краевед. Автор более 80 книг и брошюр, посвящённых Коломне и коломенцам. Основная тема публикаций – военно-патриотическая.

А.И. Кузовкин – заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Московской областной премии имени А.П. Чехова «Служение общему благу», почётный гражданин города Коломны.

ТРИЖДЫ СЛАВНЫЕ

1943 год. Уже два года Советские Вооружённые Силы ведут напряжённую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Заря победы, засиявшая после тяжелейшей битвы у стен столицы, ярче разгорелась после разгрома вражеских полчищ в Сталинградском сражении и победоносного Курского танкового побоища.

Руководство страны приняло решение об учреждении двух новых наград – полководческого ордена Победы и солдатского ордена Славы. Указы Президиума Верховного Совета СССР об этом были подписаны 8 ноября 1943 года.

Победы не бывает без славы

В тот же день, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении высокой солдатской награды, были утверждены Статут и описание ордена Славы.

Впервые разговор об учреждении солдатского ордена зашёл на заседании Наркомата обороны 20 июня 1943 года, когда обсуждался проект ордена «Победа». И группа сотрудников Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии принялась за работу.

Художники создали 26 проектов солдатского ордена. 2 октября 1943 года четыре проекта показали Верховному Главнокомандующему. По замыслу создателей орден должен иметь четыре степени, как орден Святого Георгия и Знак отличия Военного ордена – Георгиевский крест. И носиться на чёрно-жёлтой ленте – цветов дыма и пламени. Это была Георгиевская лента – отличие высшей доблести российского солдата. К такому выводу пришёл разработчик проекта ордена художник Н.И. Москалёв.

Название предложили дать «Орден Багратиона», в честь героя Отечественной войны 1812 года П.И. Багратиона.

И.В. Сталин остановился на эскизе художника Н.И. Москалёва, но сделал несколько замечаний. Предложил изменить название. Именовать его не орденом Багратиона, а орденом Славы, заметив, что «победы без славы не бывает». Сказал, что логично было бы уменьшить число степеней до трёх, аналогично «полководческим орденам» Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. Орденская лента Верховному Главнокомандующему понравилась.

11 октября 1943 года доработанные рисунки были представлены в Наркомат обороны и 23 октября утверждены.

Орден Славы стал последним из «сухопутных» орденов, созданных в годы Великой Отечественной войны.

В Статуте ордена Славы записано:

«1. Орденом Славы награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

2. Орден Славы состоит из трёх степеней: орден Славы I степени, орден Славы II степени, орден Славы III степени.

Высшей степенью является I степень, награждение же производится последовательно: III степенью, II степенью и I степенью».

Статут ордена Славы содержал описание 32 подвигов, за которые могло последовать награждение.

Статут ордена Славы предусматривал повышение кавалеров всех трёх степеней в звании: рядовым, ефрейторам и сержантам присваивалось звание старшины; старшинам – младшего лейтенанта, младшим лейтенантам в авиации – лейтенанта.

Право награждения орденом Славы III степени от имени Президиума Верховного Совета СССР было предоставлено командирам корпусов и дивизий; II степени – командующим фронтами и армиями. Орден Славы I степени вручался только по соответствующему Указу Президиума Верховного Совета СССР.

Всего за годы Великой Отечественной войны кавалерами ордена Славы трёх степеней стали около двух с половиной тысяч человек. Среди них воины всех родов войск и служб, представители многих национальностей. Орденом Славы II степени было награждено более 46 тысяч человек, а орденом Славы III степени – около 980 тысяч человек.

В числе полных кавалеров ордена Славы четыре женщины. Четверым фронтовикам, награждённым тремя орденами Славы, было присвоено звание Героя Советского Союза

Осенью 1944 года было официально разрешено военнослужащим носить заслуженные в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты наряду с орденами и медалями СССР. Право на ношение Георгиевских крестов было предоставлено рядовому и сержантскому составу, а также генералам и офицерам Красной Армии и Военно-Морского Флота, которые получили эти награды, будучи в чине рядовых, матросов или унтер-офицеров.

Среди награждённых орденом Славы было немало коломенцев. А семеро стали полными кавалерами высшей солдатской награды. Это гвардии старшина Алексей Яковлевич ВИЛКОВ (20.09.1920 – 12.04.1978), гвардии старшина Сергей Алексеевич ГОЛОВЛЁВ (26.09.1925 – 9.07.1997), гвардии старшина Николай Иванович Лепёхов (25.12.1918 – 24.09.1986), старшина Владимир Иванович ЛЫСИКОВ (3.07.1922 – 9.05.1982), младший лейтенант Николай Фёдорович ПИМЕНОВ (26.11.1923 – 12.12.2012), старшина Николай

Сергеевич ПОТАПОВ (25.12.1925 – 8.02.1985), сержант Михаил Семёнович СОКОЛОВ (28.12.1912 -10.07.1980).

Полный кавалер ордена солдатской доблести

Николай Фёдорович Пименов – коренной коломенец. Он родился 26 ноября 1923 года в деревне Паньшино, в то время Коломенского уезда, а ныне – городского округа Коломна. А жил несколько десятков лет в посёлке Пески. Его дом на улице Зелёной, 91 знал каждый житель. Фасадная стена была отмечена мраморной мемориальной доской. На ней написано: «В этом доме живёт участник Великой Отечественной войны полный кавалер ордена Славы Пименов Николай Фёдорович». К сожалению, на доске необходимо сделать исправление, написать, что «жил». Николай Фёдорович Пименов умер 12 декабря 2012 года. Его похоронили на Песковском кладбище.

Мемориальная доска на доме героя была установлена при его жизни. Это единственный случай подобного рода в истории Коломенского района, да и города тоже.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Пименов работал в Коломне на Бочмановском заводе сельскохозяйственных машин имени К.Е. Ворошилова – так тогда засекречено называли оборонное предприятие, на котором выпускали 37-миллиметровые зенитные автоматические пушки. В армию парня не брали – возраст не вышел, а на строительство оборонительных сооружений вокруг Коломны направили. В декабре 1941 года под Коломной, в Семибратском и Протопопове, началось формирование инженерно-сапёрной бригады, туда и определил военкомат восемнадцатилетнего Николая Пименова.

По многим фронтовым дорогам пришлось пройти Н.Ф. Пименову. С боями прошагал от Тулы до Орла. На Смоленщине вместе с товарищами разминировал поля, на которых только что шли кровопролитные бои. Землю нужно было пахать, растить на ней хлеб и овощи. А потом участвовал в сражении под Новгородом, в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Пушкинских Гор. Первое, что увидели там советские солдаты – это пробитый пулями портрет великого поэта у входа в село Михайловское. Фашисты уничтожили,

осквернили все священные для русских людей места, связанные с А.С. Пушкиным, даже потревожили его прах.

29 февраля 1944 года Н.Ф. Пименова наградили орденом Славы III степени. Награды он был удостоен за разминирование проходов в заграждениях противника, за успешную проводку танков через минные поля, за то, что вынес с поля боя раненого командира роты капитана Алексея Пармёнова.

Фронтовые пути-дороги привели командира отделения инженерно-разведывательной роты Н.Ф. Пименова летом 1944 года в Прибалтику. Не раз ему приходилось разведывать силы противника далеко в его тылу. За успешные действия Н.Ф. Пименов 9 августа 1944 года был награждён орденом Славы II степени.

27 августа командир отделения Н.Ф. Пименов со своими бойцами отправился на разведку в верховья рек Гауи и Палсы. За день прошагали около 35 километров и собрали ценные сведения о фашистских укреплениях и переправах на реках. А затем ещё одно сложное задание. За три дня солдаты отделения Пименова прошли по тылам врага около 60 километров и доставили командованию данные об обороне противника.

Советские войска наступали на Ригу. Командованию требовались сведения о коммуникациях противника. Фашисты спешно укрепляли естественные препятствия. Где и что ими сделано – это надо было выяснить. И вновь отправилось за линию фронта отделение Н.Ф. Пименова. Разведчики прошли в тыл врага на 45 километров и обнаружили, какие укрепления фашисты построили на реке Палса, установили, где были мосты, какие к ним подходы.

Командир инженерно-сапёрной бригады инженер-полковник С.А. Половнев, представляя Пименова к награде, написал: «При выполнении боевых заданий во время освобождения Латвии в августе – сентябре 1944 года тов. Пименов проявил исключительную храбрость, мужество и умение. Ценные данные о противнике он своевременно доставлял командованию, чем помог выяснить намерения гитлеровцев в полосе своей армии и помог в форсировании Гауи и последующему преследованию гитлеровцев в сторону Риги».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года о награждении Н.Ф. Пименова орденом Славы I степени был напечатан в газетах. Из них и узнали коломенцы о своём земляке-герое. А он в это время воевал на территории Польши.

А потом были бои в Германии. И так до Дня Победы.

Радостное известие об окончании войны Н.Ф. Пименов услышал по радио. Находился он в то время на военно-морской базе Свиномюнде. А затем было торжественное построение бригады – прославленной в боях 12-й Рижской Краснознамённой ордена Кутузова II степени инженерно-сапёрной бригады, поздравления по окончании войны. Бойцы ликовали. Однако 10 мая Пименов чуть не погиб. К базе подошли с моря фашистские корабли, не пожелавшие капитулировать, и открыли огонь из орудий. Обстрел продолжался недолго. Под натиском советских моряков на гитлеровских кораблях подняли белые флаги.

В июле 1945 года бригада передислоцировалась на Дальний Восток. Старшина Н.Ф. Пименов в составе своей воинской части в ночь с 8 на 9 августа перешёл границу: Советская Армия начала освобождать от японских милитаристов территорию Маньчжурии. Здесь и встретил Н.Ф. Пименов 3 сентября 1945 года День Победы над Японией.

Сапёрам дел хватало. Они приводили в негодность укрепрайоны японских войск (подрывали их), строили памятники советским воинам, погибшим при освобождении Маньчжурии.

Домой полный кавалер ордена Славы младший лейтенант Николай Фёдорович Пименов вернулся осенью 1946 года. Устроился работать в родной деревне Паньшино в колхозе имени Ворошилова. А с 1948 по 1984 год трудился в электроцехе Песковского комбината стройматериалов.

Выйдя на пенсию, без дела не сидел. Много лет проводил большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. А кавалеру трёх орденов Славы, двух орденов Отечественной войны, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и многих других наград было что поведать молодёжи.

Комдив решил: достоин золотого ордена Славы

Долог и тяжёл был боевой путь по фронтовым дорогам разведчика старшины Владимира Ивановича Лысикова. В армии он служил с 1941 года. Участвовал в боях под Москвой, был ранен. В 1943 году его назначили в 181-ю стрелковую дивизию. Рослого, физически крепкого ефрейтора Лысикова определили в разведроту.

Советские войска всё ближе и ближе подходили к Государственной границе СССР.

Группа разведчиков бесшумно продвигалась по занятой врагом территории. Головным дозором командовал сержант В.И. Лыиков.

Солдаты осторожно шли по болотистому лесу. Из-за деревьев показался небольшой хутор. Лыиков дал команду залечь, и стал наблюдать за хутором. Кажется, никого там нет. Только хотел сержант скомандовать подняться и продолжить движение, как заметил цепочку вооружённых людей. С автоматами наперевес они осторожно подбирались к домам.

Дозорный вовремя предупредил командира группы о появившихся немцах. Офицер принял решение выслать две группы бойцов в обход противника, а Лыикова во главе восьмерых разведчиков направил в центр.

– За мной! – скомандовал Лыиков, и солдаты устремились к хутору.

До домов оставалось всего несколько метров, когда гитлеровцы заметили разведчиков. И весь огонь сосредоточили по Лыикову, у которого из-под маскировочного халата виднелась фуражка с лакированным козырьком. Видимо поэтому они решили, что он – командир группы.

Владимир упал. Голову нельзя было поднять из-за сильного огня.

Так прошло несколько томительных минут. Автоматный огонь стал стихать. Лишь, захлёбываясь, строчил пулемёт. Сержант приподнял голову, осмотрелся. Пулемёт стрелял из-за большой навозной кучи.

Лыиков тщательно прицелился и выпустил по гитлеровцам длинную автоматную очередь. Пулемёт умолк. И в этот момент наступившую тишину разорвало раскатистое «ур-ра!». Это с флангов на врага кинулись разведчики, высланные в обход противника.

Бой был скоротечным. На поле остались лежать вражеские трупы, а нескольких фашистских вояк разведчики доставили в расположение своей части.

За тот бой сержант В.И. Лыиков был представлен к ордену Славы III степени.

Высшей солдатской награды второй степени В.И. Лыиков был удостоен за мужество и храбрость, проявленные в боях на территории Польши.

Глубокая ночь. Спят разведчики, лишь посты бодрствуют. Неожиданно на дороге, что проходила невдалеке, послышалось шуршание колёс.

Старший группы В.И. Лысиков послал солдата узнать, какие части идут по шоссе. Вскоре тот вернулся и доложил, что, похоже, это наши части.

– Наши? Но откуда они могли здесь появиться? Придётся самому проверить. – И Лысиков бесшумно направился к шоссе. Ничего не видно. Кромешная тьма окутала и невысокие кусты, и дорогу, по которой шли войска.

«Что же делать? А, была не была, рискну», – подумал Владимир и вышел из кустов к дороге. Неожиданно услышал немецкую речь. На долю секунды Лысиков опешил, но, мгновенно овладев собой, юркнул в лес.

– Немцы, ребята, – доложил товарищам, – и их много. Разбить фашистов своими силами не сможем.

Немного помолчав, добавил:

– Да, разбить не можем, а вот панику сейчас у них, пожалуй, устроим. Пусть фашисты страху наберутся.

Лысиков отобрал несколько человек и повёл к дороге. По его команде разведчики забросали фашистов гранатами и сразу же отошли.

Взрывы наделали много шума. Уже отойдя довольно далеко от дороги, разведчики слышали беспорядочную пальбу из всех видов ручного оружия, крики раненых, пронзительные слова команды, гудки автомобилей.

Несколько суток шли по тылам врага разведчики Лысикова. Уставшие, остановились на ночлег в селе, население которого было угнано фашистами на запад. Но долго отдыхать не пришлось. Часовые доложили о приближении немцев.

Разведчики заняли круговую оборону. И целые сутки удерживали населённый пункт, пока не подспела подмога. С её помощью враг был разбит. На поле боя осталось несколько сот трупов немецких солдат и офицеров и даже убитый генерал.

Вскоре на груди В.И. Лысикова появился орден Славы II степени.

Заканчивался январь 1945 года. По всему чувствовалось, что этот год станет последним годом войны. Но немецко-фашистские войска ожесточённо сопротивлялись. Продвижение советских войск было сопряжено со многими трудностями.

Хватало боевой работы разведчикам 73-й отдельной разведроты 181-й стрелковой дивизии (войну она закончила с почётным именем Сталинградская, награждённая орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова второй степени). Напряжённо трудился и старший сержант В.И. Лысиков. За мужественные умелые действия он был представлен к очередной награде. Командир разведроты лейтенант Рыбалко заполнил наградной лист на В.И. Лысикова, кратко изложив подвиги разведчика:

«21.1.45 г., действовал командиром разведпоисковой группы в районе Топелище с задачей захватить пленного с целью установить группировку и намерения окружённого противника. Группа под командой тов. Лысикова взяла 7 чел. пленных и уничтожила до 20 солдат противника. Тов. Лысиков сам лично захватил 2-х пленных и уничтожил до 6 чел. и ручной пулемёт. Пленные дали все необходимые данные командованию.

24.1.45 г., действовал командиром разведпоисковой группы в районе Жар с задачей установить наличие противника в лесу южн. Жар и захватить пленного. Группа встретилась с численно превосходящим противником, завязала бой. Благодаря умелому руководству командира разведгруппы и его решительным и смелым действиям, группа уничтожила до 15 солдат и захватила 5 чел. пленных, в т.ч. одного офицера – командира роты, который возглавлял эту группу.

Тов. Лысиков во всех ранее проведённых операциях показал себя смелым и инициативным разведчиком, является примером для своих бойцов».

Написав это, командир отдельной разведроты лейтенант Рыбалко сделал заключение:

«Тов. Лысиков достоин правительственной награды ордена Красной Звезды».

Когда с текстом наградного листа познакомился командир дивизии полковник Морозов, он решил, что отважный разведчик В.И. Лысиков заслуживает более высокого поощрения, и написал:

«Достоин правительственной награды ордена Славы I ст.».

С такой оценкой согласился командир 74-го стрелкового корпуса генерал-майор Ворожищев. А спустя несколько дней, 6 марта 1945 года, командующий войсками 6-й армии генерал-лейтенант В. Глазуновский написал:

«Достоин награждения орденом Славы I степени».

Указом Президиума Верховного Совета СССР старшина Владимир Иванович Лысиков был награждён орденом Славы I степени и стал полным кавалером этой престижной солдатской награды.

На следующий год после завершения Великой Отечественной войны старшину В.И. Лысикова уволили в запас. Приехал он в Коломну и поступил работать на Бочмановский завод, на базе которого в 1948 году был создан Коломенский завод тяжёлого станкостроения. Работал расточником, старшим планировщиком, мастером. Участвовал в общественной жизни коллектива, и в военно-патриотическом воспитании молодёжи. Когда его приглашали выступить перед школьниками, не отказывался, ветерану войны и труда было что поведать ребятам. Особенно часто бывал в заводском профессионально-техническом училище № 30.

А «Слава» тебя найдёт

Жил в Коломне человек, чей солдатский подвиг был отмечен тремя орденами Славы. Так получилось, что полным кавалером ордена Славы он стал лишь спустя 35 лет после окончания Великой Отечественной войны.

Солдатскую службу Сергей Алексеевич Головлёв начал в семнадцать лет: коломенский военкомат призвал его в армию 2 января 1943 года.

Что было за плечами у парня? Родился в Коломне 26 сентября 1925 года. Окончил семилетнюю школу № 3, ремесленное училище № 2 Коломзавода и работал модельщиком на этом предприятии. Так что, несмотря на юные годы, в армейские ряды вступил, пройдя рабочую обкатку.

Поезд привёз Головлёва вместе с другими новобранцами в чувашский город Цивильск. В двадцати пяти километрах от него в деревне Красноармейское в первом запасном полку окончил школу младших командиров. Присвоили Головлёву воинское звание «сержант» и выдали документ, удостоверяющий, что он может быть использован на должности командира отделения, вооружённого 82-миллиметровыми миномётами, и отправили на фронт, в 6-ю гвардейскую армию. Она вела наступление в районе Харькова, понесла потери в Курском сражении. Особенно поредели ряды пехоты. И направили

Головлёва командовать отделением пехотинцев в 151-й стрелковый полк.

В октябре того же года армию перебросили на несколько сот километров севернее. Она вошла в состав II Прибалтийского фронта. Почти три месяца вела оборонительные бои в районе Невеля, а затем участвовала в разгроме невелинской группировки противника. В атаке ходил, не прячась за спины товарищей. Его мужество было отмечено медалью «За отвагу».

Назначили Головлёва помощником командира взвода, а некоторое время исполнял обязанности командира взвода. В одном из боёв был ранен. Из госпиталя попал в другую часть. Она к этому времени наступала в сторону Витебска. На небольшом плоту вместе с тремя солдатами Головлёв переправился через Северную Двину. А там голое место с километр, которое фашисты поливали огнём пулемётов с высоты. Где ползком, где короткими перебежками вместе с товарищами Головлёв приблизился к этой высотке. С криком «Ур-ра!» выбили с неё врага. И пошли дальше, туда, где были новые высотки, изрыгающие смерть.

Командир 46-й гвардейской стрелковой дивизии 18 июля 1944 года наградил сержанта С.А. Головлёва орденом Славы III степени. Когда часть находилась во втором эшелоне, на лесной поляне выстроили весь личный состав и самым отважным командир полка вручил награды. Не достигшему ещё и девятнадцати лет Сергею Головлёву «батьа» прикрепил к гимнастёрке рядом с медалью «За отвагу» солдатский орден на Георгиевской ленте.

– Молодчина, сержант! Надеюсь, эта «Слава» будет не последней.

И как в воду глядел командир полка. В новых боях ещё не раз отличился Сергей Головлёв.

Однажды потребовалось провести разведку боем и захватить «языка». После пятиминутного артналёта разведчики направились к позициям немцев. Во главе группы захвата шёл Головлёв. Задание было выполнено. «Язык» дал ценные сведения.

Назначенный вместо выбывшего командира роты офицер представил С.А. Головлёва к награде – и вновь к ордену Славы и опять к третьей степени. Он не знал, что его предшественник уже представлял Головлёва точно к такой же награде. Так что нарушение статута ордена Славы произошло не умышленно. Во фронтовой обстановке

порую просто не было возможности за этим уследить. Приказ о награждении комдив подписал 6 октября 1944 года. И вскоре ещё один орден Славы засиял на груди Головлёва. Так что оказалось у него два солдатских ордена третьей степени.

Головлёв не придал этому значения. Награда есть награда. В конечном счёте не за награды же он воевал. Главное для него, как и для большинства солдат, было как можно быстрее освободить родную землю от гитлеровских захватчиков, приблизить долгожданный день Победы. И шёл Сергей Головлёв вперёд по русской земле, по белорусской и вступил на территорию Восточной Пруссии. Сколько вёрст прошагал по трудным фронтовым путям-дорогам, а чаще всего без дорог, не сосчитать. Многие сотни, а может быть, и тысячи. Где прошагал, где пробежал, то во весь рост, то пригибаясь, а то и ползком по матушке-земле, стараясь как можно плотнее прижаться к её израненному телу. А сколько рек и речушек форсировал!

Много раз Головлёв находился рядом со смертью, но обходилось как-то. Однажды пошёл он на кухню, которая остановилась в полукилометре, получить на взвод хлеб и сахар. Возвратился, а его ячейки нет. На её месте огромная воронка. Мурашки побежали по телу: останься здесь и снаряд разнёс бы его на кусочки.

Как-то в лесу сидели, отдыхали. Шальной снаряд в дерево ударил. Несколько человек убило. Сергея осколок чиркнул по голове. Пришлось две недели в медсанбате проторчать.

Был случай ещё в начале фронтовой одиссеи Головлёва. Сибиряк Селезнёв, храбрый солдат, снайпер, показал Сергею, как обращаться с оптическим прицелом. И Головлёв выходил на «охоту». Трёх гитлеровцев убил. Но вот незадача: в оптический прицел угодил осколок. Винтовка вышла из строя, а Сергей даже царапины не получил.

Запомнился Головлёву серый февральский день. Полк шёл в наступление. Немцы вели яростный огонь. Упав в очередной раз на землю, чтобы, улучив момент, сделать ещё один бросок вперёд, Сергей увидел, что перед ним упала 50-миллиметровая мина, зарылась в снег. Один стабилизатор торчит. Мгновенно сработал инстинкт самосохранения. Вскочил и что есть мочи бежать. Секундами позже за спиной раздался взрыв.

Осенью 1944 года 6-я гвардейская армия вела наступление в районе Пиллау. Не хватало миномётчиков, и Головлёва поставили командиром расчёта.

В один из ноябрьских дней расчёт занял позицию на небольшой высотке. Нужно было очистить сектор обстрела. Головлёв с солдатами стал валить деревья, и в это время немцы начали артобстрел. Снаряд разорвался рядом. Большие осколки впились в обе ноги.

Головлёва отправили в госпиталь, в Двинск. Там врачи дважды ему делали операции. Вышел Сергей из госпиталя лишь 2 мая 1945 года. Тут уже вскоре и войне конец. Но до демобилизации было ещё далеко. Довелось почти пять лет служить в Москве, во 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Лишь в марте 1950 года вернулся в родной город и вновь пришёл на Коломзавод в свой модельный цех. Отработал здесь более сорока лет. Сколько тысяч различных моделей сделал – трудно подсчитать!

Года через полтора после демобилизации пригласили С.А. Головлёва в Коломенский военкомат, сказали, что старшину запаса дожидается награда. И вручил военком Сергею Алексеевичу орден Славы II степени. Им он был награждён приказом командующего 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова 3 декабря 1944 года. Естественно, награду вручить не могли, так как в это время отважный солдат находился в госпитале. И стал С.А. Головлёв обладателем трёх орденов Славы, но не полным кавалером этой высшей солдатской награды.

Лишь только спустя много лет Коломенский военкомат вошёл с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о приведении в соответствие со статутом награждение С.А. Головлёва орденами Славы. И 12 марта 1980 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Сергея Алексеевича Головлёва орденом Славы I степени. Тем же Указом награждение от 6 октября 1944 года орденом Славы III степени было отменено.

XXX

Долг памяти. Именно это обстоятельство не одно десятилетие влечёт меня, человека, относящегося к поколению «Дети войны», к исследовательско-поисковой работе, посвящённой ветеранам, одержавшим победу над грозным врагом – немецким фашизмом. И этот священный долг памяти заставляет меня писать земляках-героях, об их подвигах, открывать всё ещё доселе неизвестные страницы Великой Отечественной войны.

СЕРГЕЙ КУЛЕШОВ

Сергей Кулешов – член Московской областной организации Союза Писателей России. Организатор и участник благотворительных поездок и концертов на территории ДНР. Автор-исполнитель.

«РАСПОЛАГИ»

Застонал, захрипел старый дом,
Вспоминая ушедшие годы.
Сколько жизни тогда было в нём.
Сколько радости. Сколько свободы.

Детский смех, отражаясь от стен,
Щекотал, до «конька» пробирая.
Ток струился по кабелям вен,
Мир жильцов в тёмный час освещая.

Нынче стены трясутся от пуль,
Ноет взрывом задетая лага.
Вот уже как четвёртый июль
Называют его «располага».

Он узнал, что такое война,
«Передок», ополченцы, окопы.
Видел, как люди сходят с ума
От бессилия, страха и злобы.

А ведь мог бы ещё послужить.
А ведь мог бы...
Опять вой сирены.
Скоро снова возьмутся бомбить.
Лишь бы сдюжили старые стены.

Все проходит и эта война
Отгремит. Помельчают причины.
Лишь, как шрамы на все времена-
«Располаг» боевые руины.

ЛИДИИ (ЛИЛИИ) ЛИТВЯК

(Из цикла «Чтобы помнили!»)

Загудела в ночи эскадрилья.
Заревел устрашающе ЯК.
На капот ярко-белая лилия
Возлегла, как воинственный знак.

Поднебесье – мужская ли вотчина...
В женских ручках податлив штурвал.
Что кому та Война напорочила,
В сорок первом никто не гадал.

Землю русскую было завещано
Им сберечь от фашиста Судьбой
И бросалась бесстрашная женщина
В беспощадный, заоблачный бой...

Муж погиб, а недавно подбили их
И подруга спастись не смогла.
Оттого лишь, вокруг белой лилии,
Стала гуще небесная мгла.

Над Миусом-рекой всё закончится.
Возле хутора рухнет твой ЯК,
Но твой Подвиг запомнится, лётчица,
Белой лилией Лиды Литвяк!

МЕДСЕСТРИЧКА

Мне не выбелить в памяти лица
Тех, кому не вернуться домой,
Не забыть слов: «Родная. Сестрица.
Посиди напоследок со мной».
Не отмыть кровь безусых мальчишек,
Что крестом на плече запеклась.

Фрицы вновь не дают передышек.
Страх и боль перемешаны в грязь.
Кто-то вычислил, будто на фронте
Медсестрички не больше живут
Трёх минут...
Что ж...
Пушай... Но не троньте
Мне отпущенных этих минут!
Обливаясь слезами и потом,
Раздираю коленями твердь
И назло всевозможным подсчётам
Отгоняю свинцовую смерть...
Ну же, родненький, верь, мы дотянем!
Это был не последний наш бой!
Я прошу, лишь одно обещай мне:
Возвращайся с Победой домой!

Мне нечем оплатить кредит,
Работы нет, финансы на исходе,
В машине по-предательски скрипит
Какая-то деталь при повороте.
Во власти этих грустных дум,
Сажусь к компьютеру, с желанием забыться,
И кликаю бездумно, наобум.
Мелькают сайты, тексты, блоги, лица...
На видео девчужка лет шести,
Но что-то не обычное во взоре.
Жму «play», и всё сжимается в груди.
Донецк. Война. Людское горе...
А детский голос, лезвием ножа,
По сердцу режет горькими словами:
«Мы с братом спрятались в подвале гаража,
Я так хочу домой, обратно, к маме!»
С тех пор я не могу спокойно спать,
Всё вижу мрачный образ пред собою
Девчонки, потерявшей мать,
Со взглядом, переполненным войною.

Мне нечем оплатить кредит,
Работы нет, финансы на исходе,
Но не от этого под рёбрами саднит
И сны дурные снятся на восходе...

НЕ ЗА ЭТУ МЫ ЖИЗНЬ ВОЕВАЛИ

«Не за эту мы жизнь воевали», -
Дед сказал, утирая слезу.
А в ответ задрожали медали,
Как листва на холодном ветру.

Нищетой одаряя седины,
Этот мир учит вновь выживать
Нас, свободных и непобедимых,
Шедших с криком «Ура!» погибать,

Нас – сынов независимой расы, –
Гордым взглядом взирающих вдаль,
Не просивших пощады ни разу,
Сталью звонкой встречающих сталь.

Общипали двуглавую птицу,
Побледнел вековой триколор,
Лишь обида на сердце таится,
Да во взгляде усталом укор.

Растрепалась великая сила,
Разметалась, уже не собрать.
Что ты делаешь с нами, Россия?
Ты ж становишься мачехой, Мать...

Дед ушёл, больше мы не встречались,
И лица не припомнить уже,
Лишь слова те навеки остались
Тяжким грузом лежать на душе.

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ...»

«Никто не забыт! Ничто не забыто!».
Девятое мая. Закат. Старый сквер.
Из радио голос торжественный – диктор
Басит в микрофон на военный манер.
На лавке старик неестественно бледный,
Взирающий вдаль на тускнеющий свет.

Фуражка у ног и еле заметно,
Блестящая в ней россыпь мелких монет.
Побольше обычного...
Хватит на ужин...
Ведь праздник...
Прохожий был щедр и пьян.
И, в общем-то, даже был вовсе не нужен,
Лежащий под лавкой потёртый баян.
Лишь сил больше нет для того чтоб подняться,
Как нет и желанья на помощь позвать.
«Никто не забыт...»
Что же стоило драться!
«Ничто не забыто...»
Не жаль умирать...

ПЕСНЯ «ГИМНАСТЁРКА»

Гимнастёрка прошита навылет, насквозь,
А на небе ни тучки не видно.
Не помог, не сберёг старорусский авось,
От того же по-русски обидно.

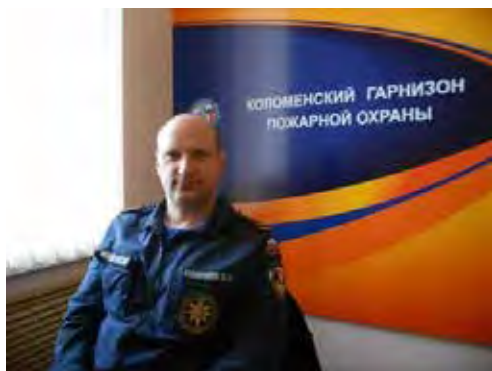
Перед матушкой стыдно, зря тогда обещал,
Что вернусь в отчий дом на рассвете.
Что свинцовая пуля – холодный металл...
Лишь гонец преждевременной смерти.

Ей, увы, не понять своим серым нутром,
Как не хочется с жизнью прощаться,
Где-то слышится грозно клокочущий гром...
Или взрыв – не могу разобраться.

Гимнастёрку испортили, жаль, мы же с ней
Столько пыли впитали дорожной,
То ли где – то устало свистит соловей,
То ли воют снаряды тревожно.

Не сложилось так много, увы, не сбылось,
И не вскрикнуть – солдату постыдно.
Не помог, не сберёг старорусский авось,
Даже как-то по -детски обидно...

ЕВГЕНИЙ КУМАНЯЕВ

Евгений Куманяев в настоящее время работает в порту «Коломна», ранее – начальник Водно-спасательной станции № 3 седьмого поисково-спасательного отряда в городе Коломна Московской области. Подводный охотник.

Член Российского союза писателей

ЗА ВДВ

День ВДВ потрясает своим размахом. Улицы, дворы, парки заполняют люди в голубых беретах, над машинами развиваются флаги с эмблемами десанта. Купание в фонтанах и уничтожение стеклотары ударом об череп – высокие достижения серьёзных мужчин.

Среди моих друзей много кто служил в Воздушно-десантных войсках, но отдав годы службы, более чем скромно ведут они себя в свой профессиональный праздник. Стоят поодаль совершенно незаметные, среди обычных людей. И выдают они себя лишь лёгкой улыбкой, поглядывая искоса на возбуждённых крепышей в тельняшках и беретах!

Олег Александрович Фомин – более тридцати лет отдал десанту. Мастер спорта Международного класса. Замечательный человек, крепкий, сильный, выносливый. Армейский Устав до сих пор легко наизусть цитирует. Прыжков с парашютом больше десяти тысяч, опыт огромный. После службы, в одном из ВУЗов на кафедре спортивной подготовки студентов к соревнованиям по пожарно-прикладному спорту готовил. И как готовил! Никто их победить не мог. Да и сейчас не в силах! Трудно сказать, чего не умеет Олег. Машину

водить – любую, что машину – вертолёт! Промышленный альпинизм – легко, со мной на погружение – запросто! Под водой охотится, в походы на сотни километров уходит! Настоящий мужик! На таких равняться надо. И дома всё в порядке. Жена, сын, дочка и внук уже есть.

И вот в свой праздник, помог сыну с ремонтом квартиры, до вечера помогал, как солнце к закату пошло, заторопился домой к жене и дочке. Зашёл по дороге в магазин молока и хлеба купить. Дело на безделье не меняют! Взял, значит, продукты и на выход.

А у самых дверей магазина машина припаркована, да так что и не обойдёшь её никак, и в ней четверо крепышей: Вова, Павлик, Саша и Серёга, а Юрка в магазин за бутылкой побежал. Все в тельняшках и беретах, флаг над машиной с эмблемой десанта. Ну, такие они крутые военные – аж жуть берёт! Ну и что, если из пятерых только Вова в десанниках год служил, водителем при складе, остальные так за компанию нарядились! Кто их спросит? Праздник! Бутылкой себе в «репу» – всё десантник! За ВДВ!

Вот выходит из магазина Олег Александрович, кое-как перелез через машину, аккуратно чтоб не помять, не оцарапать, и не удержался от замечания! Спрятав улыбку в усы просто попросил:

- Ребят! Откатитесь от двери, мешает машина.
- Кому мешает?
- Людям!
- Да мы с парашютами прыгали! Сегодня праздник! За ВДВ!
- С какими парашютами?
- Тебе что, дядя, парашюты показать?
- Покажите, а то не видел ни разу.
- Сейчас покажем! А ну, иди сюда!

Крепыши в тельняшках вылезают из машины! Юра с бутылкой вышел из магазина, и все впятером на Олега наезжают:

- Ты знаешь, кто мы?
- Спецназ!
- ДШБ!
- Кричи, дядя, «За ВДВ»! Или в больничку пойдёшь!

Никто из пятерых и не понял, как вдруг все они оказались на карчках, упёршись коленями и ладонями в асфальт. Лёгкое головокружение и потемнение в глазах было у каждого. И как этот седой дядя так молниеносно провёл приёмы, непонятно. Но больно и обидно.

А Олег Александрович, не долго уговаривая, построил всех пятерых в две шеренги, объяснил им, что такое строй, и что каждый в этом строю должен знать своё место. И после того как отработывая шаг на месте, крепыши гнусаво исполнили гимн России, пошёл домой, неся в руке пакет с молоком и хлебушком. Никто кроме нас!

МНЕ БАБУШКА ВЧЕРА СКАЗАЛА...

Я знал, что дед мой всю войну прошёл,
Что лётчик был и что хлебнул немало.
Вчера в альбоме фотокарточку нашёл,
И бабушка мне вот что рассказала:

Как близко подошёл жестокий враг,
Все женщины, подростки рвы копали.
Боялись из укрытий сделать шаг,
С крестами самолёты в них стреляли.

Успели спрыгнуть в этот самый ров,
И все лежат друг друга закрывая,
Девчонки, женщины – им не поднять голов
Так низко кружат, градом поливая.

Здесь нет зениток, пулемётов тоже нет,
Пилотам угрожать с земли никто не может.
Был ясный день, слепящий солнца свет,
Что ж наши не летят... Досада гложет.

И тут, как чайка, истребитель наш,
Ну пусть не сбил, хоть отогнал подальше.
И звёздами махнул, ушёл в крутой вираж.
Ему кричали все, что любят! Все без фальши.

А вечером вдруг встреча невзначай,
Так Вы тот ангел, что сегодня был над нами!
И после скромный ужин, крепкий чай...
Как можно чувства передать словами.

А дальше – годы очень долгие войны
И полевая почта, письма, фото.
На них они так молоды, стройны,
Он в небе на войне, она в тылу – работа.

Был месяц Май, Москва, победа и салют,
А после служба, гарнизоны, трое деток.
Квартир казённых скромненький уют
И множество друзей, подружек и соседок.

Как было тяжело всем людям на войне.
И с этим чувством нас всю жизнь растили
И говорили о Девятом мае, лучшем дне,
Чтоб знали, помнили, любили, долго жили.

ДЕД НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБ НАС ВОЙНА КОСНУЛАСЬ

Чтоб наши дети грома не боялись,
Мой дед четыре года воевал!
За Родину свою они сражались,
В него стреляли, он стрелял.

Дед не хотел, чтоб нас война коснулась!
Уж больно много в жизни пережил.
Рассказывал, что если б промахнулись
В бою друзья и не хватило сил,

Сгорел бы где-нибудь в степях Кубани,
А может под Москвой закончил взлёт,
В боях, в огне и всё на самой грани,
Жизнь или смерть, как повезёт.

И приезжали к нам однополчане,
Кто с дедом дружбу за войну нашли,
Из Грозного, Одессы и Рязани
Они к Победе через годы шли!

И с детства помню их рассказы,
Как снял с хвоста фашиста дед Тарас,
В бою, какие делал выкрутасы
Лихой Ваню и как сбивал не раз.

И почему теперь мы, как чужие,
И сквозь прицел на друга взгляд.
А наши деды вместе все служили
И вместе шли и в бой, и на парад.

МИР ЛУЧШЕ ВОЙНЫ

Склон берега на солнце серебрится,
Слегка морозит и искрится снег.
На горке шумно детвора резвится,
Стоит в сторонке старый человек.

С улыбкой он за внучкой наблюдает,
Она среди отчаянных друзей
На санках с кручи ледяной слетает,
И нет на свете места веселей.

А где-то рядом страшная война
Народ на половины разрывает
И ненависти сеет семена,
И «градом» города с землёй равняет.

Там нет пощады детям, старикам,
Заложникам чужой какой-то воли,
И меры нет коварству и врагам...
Всё сердце разрывается от боли.

Назад давно уже дороги нет,
А впереди лишь кровь своя, чужая.
В войне без крови не было побед,
Война она такая, доля злая.

Ну, для чего там нужно воевать,
Ведь можно просто так договориться,
Не жечь, стрелять и убивать,
А мирно жить и тем гордиться.

ОЛЕГ КУПРИЯНОВ

Олег Куприянов родился в 1990 г. в г. Коломне. Окончил гимназию № 5 «Начало» (серебряная медаль), экономический факультет КИ МГМУ МАМИ (диплом с отличием), аспирантуру ГСГУ. Стихи пишу с 6 лет. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе победитель литературного конкурса детского и юношеского творчества «Цветы Девичьего поля – 2005»; лауреат второй степени в номинации «Подвиг твой бессмертен, солдат!..» на Московском областном открытом конкурсе молодёжного поэтического творчества (2007)..

ВETERАНЫ

Вот на душе тоскливо, глухо,
И, кажется, просвета нет.
Но помним, партизаны духа,
Войны закаты и рассвет.

Мы помним, ветераны боли,
Борьбу за Харьков и за Брест,
И как съедали пуды соли,
И как мы брали Бухарест.

Отчаянно немчуга дрался,
Сдирая кожу, выжав пот.
Убив себя, он не сдавался:
Кому же больше повезёт?

Но вот теперь нам девяносто,
Уже за склоном наших лет,

Любовь, и смерть, и жизнь – всё просто,
Но ждём грядущих мы побед.

И ловим взгляд молодых девчонок,
Бряцая множеством наград.
Весенний лёд так тонок, тонок –
Придём мы в мае на парад.

Мы старики, но чуем слухом,
И видим – жизнь идёт пока.
Мы просто партизаны духа,
Мы ждём последнего звонка.

Быть солдатом – священная, высшая почеть,
Быть святым, чтобы выжить в войне,
Фрицев бить. Сердце, хочет – не хочет,
Но обязано биться вдвойне.

Сердце бьётся, и стук - как обоймы разряд,
Взрывы бомб, гриб дымной Хиросимы,
Всё пройдёт, всё исправит советский солдат,
Защитит мать, жену, дом родимый.

Всё пройдёт, всё исправит советский солдат,
Справедливость хоть миг будет править,
Умирили миллионы невинных ребят,
Чтобы Родину, Сталина славить.

Умирили миллионы невинных ребят,
Не пожили они, не любили,
Рано утром ушёл партизанский отряд,
В лес ушёл, в тыл врага, бить. И били.

Я люблю тебя, милая Родина-мать,
Я люблю твои нивы и доли,
Хоть на миг бы хотелось солдатом мне стать,
Защитить твою честь и просторы.

Как избивали тебя, истерзали тебя!
Каждый день над тобой горько плачу,
И приходится жить и не жить мне, скорбя,
Но я верю, я верю в удачу.

Пропавший без вести солдат,
Его душа и сердце слиты,
За высоту не виноват,
Что для него ценней ракиты,

Ценней осоки и репья,
Ценней крапивы и рябины,
Ценней родимого жилья,
Ценней детей родной кровины.

Солдат, солдат! Не виноват!
Твоей вины, родимый, нет,
Как был бы ты победе рад,
Да только жалок белый свет...

Но в смерть не верю я твою,
Ведь ты пропавший – не убитый.
Бог сохранит твою семью.
Теперь и жизнь, и смерть – все квиты.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Достойно жить и с честью умирать,
Как никогда мы преданны Победе,
Мы – ветераны, не дано нам знать,
Накроют Землю радости иль беды.

Исполнен долг. Прожита жизнь. Слова
Уж не изменят расстановки судеб.
Несмело по щеке бежит слеза –
Пускай она прощеньем немцам будет.

Не ищем мы другого карт расклада:
Фашизм сметает души Украины,
Прибалтика Победе так уж «рада»,
Что для неё Россия – враг единый.

В саду несмело расцветает вишня,
Земля покрылась, как венцом, листвою. –
В Европе снова песни Рейха слышно –
И толерантность – её новые обои.

Немного грустно и чего-то жаль:
Жаль молодость, и отзвучали годы,
И даже той давно ушедшей шаль –
Истёрлась и истлела в непогоду.

Дождёмся, скоро расцветёт сирень,
И будем снова ждать святую дату мая,
И через год наступит снова день,
Когда горит свеча, но не сгорает.

Потомки, помните всегда войну,
Что не за жизни шла – за человечьи души!
А мы уйдём. Уйдём по одному,
Сумев спасти шестую долю суши.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Посвящаю маме

Быть может, завтра мой последний бой,
И сердце бьётся, страх перевозмогая,
Мы больше не увидимся с тобой,
Но белый свет – лишь отраженье рая.

Вот завтра вновь захныкает картечь,
И пушки будут бить, ей в унисон рыдая,
Гранаты разорвут чужую речь,
А я умру, подснежники глотая.

Но чувствую преддверие весны,
С деревьев и с землянки плач капли,
И близится спасение страны,
Друг другу мы ещё не надоели.

Я верую, что смерть моя не зря,
Ведь мой порыв воспримут и продолжат,
Закружится кормилица-Земля,
И немцы не затянут её в омут.

Пройдут мятежные года войны,
На ранах вновь затянутся заплаты,
И умереть сейчас, в канун весны
Не так уж горько твоему солдату.

АЛЕКСЕЙ КУСКОВ

Писать начал довольно поздно, если не считать попыток рифмовать в молодости. Публикуюсь изредка в сборниках, но в основном обитаю в интернете, во ВКонтакте и на Стихи.ру.

Основным достижением на ниве поэзии считаю фестиваль Шиповник – Литературные Старки, ибо что ещё способно сильнее сблизить поэтов, чем живое общение...

НЕ ДАЙ НАМ БОГ

Не дай нам Бог, что б было время,
Стихам о горе и войне.
Поэта тягостное бремя -
Писать о жизни на земле!
Поэт не сможет безучастным
Остаться где-то, в стороне.
Он быть не сможет беспристрастны
Когда страна горит в огне,
Когда от грохота снарядов
Дрожит и плавится земля,

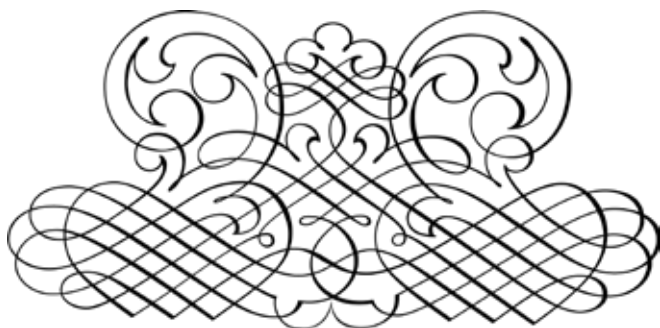
Когда рыдает кто-то рядом...
Поэт живёт не для себя.
Не дай нам Бог писать о смерти!
Об ужасах военных лет...
Прошу! Поэтам, люди, верьте!
Себе не может лгать поэт.

ВАХТА ПАМЯТИ

Мы снова на вахте.
Мы в поле, в лесу... Мы в болоте...
В нетопленной хате, в заброшенном русском селе.
Мы в деле опять!
Ну а вы... Вы, конечно, живете...
Но вы позабыли о той, о Священной Войне.
Зачем вам она?
Вам другие важнее проблемы.
Вам бизнес-идеи важней всяких прочих идей.
Вы строите планы.
Вы чертите хитрые схемы.
А мы... просто ищем когда-то погибших людей.
Людей, что не сдались,
Оставшись навеки в окопах.
Что жизни отдали за то, что б Россия жила.
Места тех боёв
Утопают зимою в сугробах.
В местах тех боёв по весне прорастает трава.
Там ветры летят.
Там деревья стоят вековые,
В стволах сохраняя осколки тех яростных дней.
И эти деревья, свидетели горя живые,
По прежнему
бережно память хранят меж ветвей.
Мы снова на вахте.
Мы в поле, в лесу. Мы в болоте.
Затем, что б найти... что б вернуть...
И своих, и чужих...
А вы... вы живёте. Конечно же все вы живёте.
И будете жить. Но, пожалуйста, помните их...

СЕРЁГЕ КУЛЕШОВУ

Музыкант, поэт, художник слова,
Человек, талантливый во всём.
Что же для него первооснова?
Может – дорожить грядущим днём?
Или, может быть, не дать развеять
Память о сынах родной земли,
Научить других любить и верить,
И хранить традиции свои?
Впрочем, так ли важно, в чём причина
Беспокойства для его души?
Просто этот человек – Мужчина!
Совесть не меняет на гроши.
И не ждёт подачек власть имущих
За поддержку призрачных идей
Или планов, далеко идущих...
Он творит и дышит для людей.
Для людей Донбасса и России,
Что услышать и понять смогли.
Не герой. И точно – не мессия...
Просто Гражданин родной земли.

ДМИТРИЙ ЛИК

Лик Дмитрий Сергеевич родился 25 февраля 1979г. в семье рабочих. Творческая деятельность с 1996 г. На сегодняшний день в репертуаре Дмитрия более 1000 стихотворений и более 800 песен.

Поэт, автор-исполнитель, композитор, общественный деятель, основатель и руководитель студии военно-патриотической песни «Офицеры России».

Детство и юность прошли в старинном древнем городе Коломна в Московской области. Окончив школу, Дмитрий поступил в Коломенское высшее артиллерийское училище. В 2001 году закончил службу в рядах вооружённых сил в звании старший лейтенант. Далее, поиски себя продолжились в Москве. Начинал с работы охранника в казино, но продолжал писать и исполнять свои произведения. У его песен всегда находились слушатели и поклонники, потому что его творчество не ограничивается одной тематикой — Дмитрий пишет в разных направлениях: шансон, лирика, баллады, военно-патриотическая песня.

В 2006 году Дмитрий познакомился с известным московским композитором Александром Ружицким и выступил в качестве автора стихов альбома «Тысячу брысь», а песня «Зу-Зу» с этого альбома впоследствии была куплена Филиппом Киркоровым и исполнена на Рождественских встречах – 2013 Аллы Пугачёвой.

Сейчас Дмитрий живёт и работает в Коломне в Московской области, он, наконец-то, нашёл себя, обрёл семью, но продолжает экспериментировать и участвовать в разных проектах. Постоянно выступает в Музее боевой славы и на дне призывника, активно участвует в городских концертах и других культурных мероприятиях.

В 2012 году вместе с Максимом Куклиным и Екатериной Антоновой основал Творческую Группу «Лестница». В 2014 году совместно с поэтом и композитором Константином Карачевцевым основал студию военно-патриотической песни «ОФИЦЕРЫ РОССИИ».

В марте 2017 года совместно с Героем Советского Союза Антошкиным Н.Т. и заслуженным артистом РФ Дмитрием Дунаевым по заказу МО РФ создаётся альбом «Сирийский марш», посвящённый теме Сирийской войны. «Сирийский марш» – официальный гимн группировки ВС РФ в Сирийской Арабской Республике. «Александровская Баллада» – посвящение погибшим артистам ансамбля Александра.

Приказом МО РФ от 25 апреля 2019 года за неоднократные командировки с благотворительными концертами для военнослужащих базы Хмеймим, а так же за поднятие боевого духа и написание песен о борьбе с международным терроризмом, а так же за создание гимна группировки ВКС в САР «Сирийский марш», за самоотверженный труд и большой личный вклад в выполнение задач военной операции в Сирийской Арабской Республике награждён медалью «Участнику военной операции в Сирии».

22 ИЮНЯ

Этой даты слезами не смыть.
Ноет в сердце засевшая пуля,
Не позволив тот день позабыть
Утро двадцать второго июня.

Кто-то спал, видя мирные сны,
В летнем облаке звёзды уснули,
Мы не ждали к нам в гости войны
Утром двадцать второго июня.

Эта ночка была коротка,
По щекам слёзы струйкой скользнули.
В этот день ворвалась к нам война
Утром двадцать второго июня.

Этот день был страшнее, чем ночь,
Это утро не скрасишь рассветом.
Мы не в силах ту боль превозмочь,
Не забыть это страшное лето...

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Мирную жизнь зачеркнули
Огненным словом... Война.

Этой даты слезою не смыть.
Ноет в сердце засевшая пуля,
Не позволив тот день позабыть
Утро двадцать второго июня.
Мир устал после долгой войны,
Только люди той ночью не спали
В ожидании рассвета великой весны
В день Победы... 9 мая!

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ГЕРОЕВ

Велика Россия... Есть за что сражаться!
Окропив сугробы алой кровью,
Не пустили танки немцев на столицу
Двадцать восемь истинных героев.

Подвиг ваш бессмертен! Велика цена!
Память наполняет душу силой.
Двадцать восемь строчек... В камне имена
Вписаны в историю России.

В снегу кипела кровь с холодным потом,
Со свистом пуль смешались голоса.
Никто не выжил с той четвёртой роты,
Держа рубеж четыре огненных часа.

Немало Русь рождала храбрецов!
Нам не стереть из памяти их лица
Те двадцать восемь молодых бойцов,
Отдавших жизнь за русскую столицу.

Восемнадцать танков больше не гремят
И не рвут поля родной землицы.
Двадцать восемь смелых молодых ребят
Жизнь отдали за свою столицу.

Велика Россия, отступать нельзя,
Не забыть в войне такого боя.
Не один не сдался, не шагнул назад
Двадцать восемь истинных героев.

БЕССМЕРТНАЯ РЕКА

Бессмертный полк шагает по планете,
По деревням, по сёлам, городам.
В его строю и взрослые, и дети
Идут по славным памяти следам.

Бессмертный полк сияет именами
И благодарной моется слезой.
В глазах потомков блещет орденами,
Течёт бессмертной памяти рекой.

Бессмертный полк, бессмертная река
Течёт на Невский вниз да по Тверской.
Течёт вперёд, сквозь годы и века,
По вечным руслам памяти людской.

Течёт в дома и внукам наполняет
Великим духом юные сердца,
Священной правдой время обгоняет,
И нет реке той края и конца.

Бессмертный полк останется в сердцах,
Его в веках нельзя остановить.
Он не боится пламя и свинца,
Никто его не в силах победить.

Бессмертный полк, с тобою и со мной
Он в День Победы снова к нам вернётся.
Мы поплывём бессмертной рекой,
И всей душою в память окунёмся!

БИТВА ЗА МОСКВУ

За копотью не видно снегопада,
Враги уже вплотную подошли,
Давно готовы сабли для парада,
Москва уже виднеется вдали.

Фашисты всё сильнее поджимают,
В Москве желая встретить Новый год.
Метель неспешно трупы замечает,
В землянке кто-то песенку поёт!

За Москву готов погибнуть,
Мы дадим врагу отпор.
Ну давай, стреляй-ка, Гитлер,
Ты нас танками в упор.

Не порвёшься до обеда,
Раскатай-ка рукава.
Впереди у нас Победа!
Позади у нас Москва.

Мы стоим четвёртой ротой,
Прикрывая грудью брешь.
Враг и танком, и пехотой,
Взять пытался наш рубеж.

Не порвались до обеда,
Раскатали рукава.
Впереди нас ждёт Победа!
Позади стоит Москва.

За трупами сугробов не заметишь,
Смешалась кровь со снегом и песком.
За Брест и за Смоленск ты нам ответишь
Пробитой пулей грудью и виском.

Фашисты всё быстрее отступают,
Бросая сабли с флагами в тылу.
Метель неспешно трупы замечает
Мечтавших захватить мою Москву!

БИТВА ЗА СЕВАСТОПОЛЬ

Я по пояс стою в черноморской волне,
О Великой России шумит она мне.
Я до капли её понимаю
И в неё с головою ныряю.

Открываю глаза, а не дне – тишина,
А когда-то давно здесь гремела война.
Ты сражался с врагами достойно,
Славный Город-герой Севастополь.

Средь камней под Сапун-горою
Здесь остались лежать в окопах
Несломленной страны герои –
Все, кто бился за Севастополь.

В этой битве кипело море,
В этой битве дрожали скалы.
Эта битва за Севастополь
Легендарным сраженьем стала.

Не сдавался в боях никогда,
Кто бы к нам не пришёл из Европы.
Смелым взглядом встречал ты врага,
Легендарный герой Севастополь.

Бухты в слезах умылись твоих
Поседев в гари пепла и дыма,
Ты стоишь на костях и крови
Павших в битвах защитников Крыма.

Севастополь из глубин веков
Был оплотом доблести и правды.
Славный город русских моряков,
Ты на Чёрном море самый славный.

БЛОКАДА

Нам говорить про истину не надо,
Никто не вправе русских упрекнуть.
Мы не забудем страшную блокаду
И будем вечно помнить этот путь!

Когда краюшке хлеба были рады,
Как хоронили дети матерей.
Мы выживали в страшную блокаду,
Но становились с каждым днём сильней!

Дорогой кромешного Ада
Пришлось нашим предкам пройти...
Блокада! Блокада! Блокада
Страшней этих дней не найти!
Хранить это в памяти надо,
Пока будет солнце светить!
Блокаду! Блокаду! Блокаду
Не вправе народ позабыть!
Как можно жить в блокадном Ленинграде,
Где каждый к смерти, в сущности, привык.
Сестрѐнка, мама, бабушка и дядя
Писала Таня даты в свой дневник.
Когда по льду колонны пробивались,

Который, как младенец, не окреп,
Тонули в полыньях, но не сдавались,
«Дорогой жизни» доставляя хлеб.

Три года согреваясь от лампадок,
Нам закалили души, словно сталь.
Мы пережили ужасы блокады
И будем вечно помнить тот январь,

Когда вдохнули сладкую свободу,
В свою войной наполненную грудь!
Мы не забудем страшную блокаду
И будем вечно помнить этот путь!

СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ

Когда он воевал, я не родился,
И вряд ли породили бы меня.
Он до последней капли крови бился,
Но до победы не дожил три дня.

Скажу спасибо деду за победу,
За то, что, не жалея живота,
От Сталинграда шёл и до Берлина
И гнал врага, и бил врага.

Спасибо деду за победу,
Его уж нет я сыну говорю
И каждый май ему на День Победы,
Твой орден с ленточкой колю.

И на парад в Москву мы с сыном едем,
А их все меньше, славных стариков.
Спасибо скажем дедам за победу,
Погибшим слава, а живым земной поклон.

Огонь горит. Он должен время плавить
И, несмотря на горести и беды,
Хранить в веках обязан память
И помнить, какова цена Победы.

Скажу спасибо деду за Победу,
За мирные на небе облака.
Твой подвиг я при жизни не забуду,
Мой сын расскажет в старости внучкам.

КУРСКАЯ ДУГА

Отбросив врага от руин Сталинграда,
Мы знали, что бой не последний у нас.
И вот среди курских полей и ухабов
Настал наш последний решающий час.

Броня, словно хворост, хрустела в боях,
И солнце стонало в дыму облаков.
Здесь сотни пилотов в смертельных петлях
Спасали страну от фашистских оков.

За те решающих и страшных семь недель
Сошлись бронёй в боях шесть тысяч танков.
Мы разгромили в пух и прах их Цитадель,
Сказав врагу: «Сидеть не будем мы в землянках!»

Тогда решалось русским быть или не быть,
В боях под Курском разгромили мы врага.
Сам бог не в силах был тот бой остановить.
Те дни мы помним... Это Курская дуга!

Здесь пало много наших дедов и отцов,
Заливших кровью с потом гимнастёрки.
Тут каждый метр напичкан был свинцом,
Здесь рвали тигров на куски тридцатьчетвёрки.

Судьба и совесть здесь потомков собрала,
У чёрных стен на Прохоровском поле,
И в наше время в тех полях у нас дела
Ронять слезу и вспоминать своих героев.

ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА!

Город Москва... Белорусский вокзал...
Слёзы в глазах матерей, жён и дочек.
Здравствуй, страна! он с вагона кричал,
Сжав в кулаке полевые цветочки,
Здравствуй, жена, я вернулся живой!
Мама, прошу, да не плачь ты, родная.
Дочка, привет, ты уж стала большой.
Больше я вас никогда не оставлю!
Здравствуй, страна, я вернулся домой!
Китель в пыли, орденах и медалях.

Шёл за Победой единой
Я от Москвы до Берлина!
Здравствуй, страна!
Я вернулся с Победой домой!
Слава отцу, сыну, деду!
Всем, кто принёс нам Победу!
Здравствуй, страна!
Я вернулся с Победой домой!
Город Москва... Красная площадь...
Счастье в глазах вопреки прошлым бедам,
Яркий салют над страной звучал,
Русский народ поздравляя с Победой!
Время прошло... Годы птицей летят,
Семьдесят лет миновало с той даты.
Тот же салют, те же слёзы блестят,
Только всё меньше осталось солдат...

ИХ ПОДВИГ ЗАПОМНЯТ ПОТОМКИ

Был родом мой дед из Коломны,
Под Ржевом их был батальон.
Декабрь тот многие помнят,
Тогда наступил перелом.

Их подвиг запомнят потомки,
Что ныне свободно живут,
Как гнали врага вдоль позёмки
Их деды в боях за Москву.

Взглянув в их уставшие лица,
Мой дед что есть сил закричал,
Ура! За Москву! За столицу!
Наш час, ополченцы, настал!

Жалеть себя!.. К чёрту, ребята!
Он встал и пошёл в полный рост.
И острый осколок гранаты
В бессмертие деда унёс...

Минули года как мгновенье,
А слёзы текут по венку.
Мой сын с фотографией деда
Шагает в Бессмертном полку!

Они умирали за счастье,
Под плач материнских молитв.
Их подвиг в веках не угаснет,
Он в пламени вечном горит.

Их подвиг запомнят потомки,
Что ныне свободно живут,
Как гнали врага вдоль позёмки
Их деды в боях за Москву!

Смотрю я в счастливые лица,
А сердце сжимает печаль...
Ура! За Москву! За столицу!
Мой дед бы сейчас закричал...

МЫ ДОЛЖНЫ БЕРЕЧЬ СВОИХ ГЕРОЕВ

Не унять в груди сердечной боли...
Сколько шрамов в отблесках звезды.
Мы должны беречь своих Героев,
Их поступки Родине нужны!

Кто, не руша правил и устоев,
Не сломлённый духом, в трудный час
В бой идёт сплочённым, дружным строем
За Москву, Пальмиру и Донбасс.

Свечи греют ласково иконы,
На застывших ликах тлеет боль.
Помнить все обязаны героев,
Их поступки нашей жизни соль!

Все от бога получают роли,
Чтоб сыграть свой главный эпизод.
Мы должны беречь своих героев
И нести их подвиги в народ!

Их с веками будет только больше,
Их ряды крепчают с каждым днём.
Мы должны беречь своих героев
И гордиться, что среди них живём.

Блеск их звёзд сильнее острой боли,
Их поступки ярче праздных свеч.
Мы должны беречь своих героев,
А герои будут нас беречь!

ОФИЦЕРСКИЙ РАЗГОВОР

Возьми стакан и молча пей,
Мы здесь не в штабе, а в горах.
Ведь ты – майор, а я – старлей,
И на двоих одна война.

Я с Подмосковья, ты с Сибири,
Но чем-то общим мы живём.
Не говори, старлей, мне вы,
Давай-ка песню мы споём.

И снова над шапками горных высот,
Сыграет старлей, а майор пропоёт.
Про смерть, про войну и про маму,
О том, как не стало вчера капитана.
И где-то в ущелье проснулась от сна,
С весной запоздавшая тётка весна.
И утром на холмике свежем,
Расцвёл Капитанский подснежник.

Ступай и поддержи парней,
Теперь ты стал их командир.
Ведь я – майор, а ты – старлей,
Нам завтра в бой идти, не в тир.

Ребята – класс, душой сильны,
Их капитан лепил с нуля.
Не все вернёмся мы с войны,
Стоя на линии огня.

АФГАНСКАЯ СВЕЧА

Горит в горах афганская свеча,
Горит в седых ущельях Кандагара.
Нам всем минуту надо помолчать
За тех, кто не вернулся из Афгана!

Горит в домах афганская свеча,
Святой иконы образ освеща,
И матерей скорбящую печаль
Своим теплом утешить обещает.

Гори, гори афганская свеча,
Своим теплом им души согревая.
На небесах с тех пор они молчат
И тридцать лет над нами проплывают.

Мы их зажжём в середине февраля
У обелисков молча постоим.
И третий тост поднимем за ребят.
Афганская свеча, гори, гори!

Пройдут года и сложатся в века,
Но в отражениях чёрного гранита
Афганскую свечу несут в руках
Потомки тех, чьи имена на плитах.

Горит в горах афганская свеча,
Горит в седых ущельях Кандагара.
Нам всем минуту надо помолчать,
За тех, кто не вернулся из Афгана!

АФГАНСКИЙ ДОЗОР

Полковник Силин дал указ,
На карте точка... есть приказ.
Мы из Афгана скоро хлопнем дверью...
Дорога есть с Гардеза в Хост,
На ней поставишь свой артпост.
Давай, старлей, в тебя я, Саня, верю.

Мы снова моемся слезой.
Хрустит песчаник под кирзой,
Отход своих мы прикрываем батареей!
Война гуляет среди гор,
На настроении минор,
Всё хорошо... в себя мы точно верим.

Да, будем жить... держитесь, пацаны.
Жрём макароны без лавровых писем.
Стоять нам долго, точно до весны,
От нас походу многое зависит.
Мы закопались по уши в три дня,
Успели баню вырыть и гальюн.
Сгущёнки нет ребята у меня,
Но есть Камаз солдатских макарон.

Стволы подняв на два часа,
Потуже стянем пояса.
И по приказу беглым их накроём.
Пейзаж меняют ночи, дни,
Мы среди гор стоим одни,
Заряд у нас конкретно дальнобойный.

До февраля мы посидим
И макароны поедим.
А даст господь вернёмся без потерь.
Полковник Силин дал указ,
На карте точка... есть приказ.
Давай, старлей, в тебя, Саня, верю...

АФГАНСКИЙ СНЕГ

Афганский снег с тобою мы знакомы,
Ты не такой, как русский снег из дома.
Родной он, добрый и в ладонях нежный,
Афганский снег кровавый и небрежный.

Афганский снег, я помню: ты опасный,
От слёз не таешь и местами красный.
Афганский снег, ты не такой холодный,
И до крови и смерти ты голодный.

Который год мне в феврале не спится,
Афганский снег пятнадцатого снится,
Как он лежит на сопках и не тает
И в облаках друзей моих встречает.

Я тридцать лет смотрю на эти фотки,
Где мы стоим у нашей самоходки.
А позади афганских бурных рек
Лежит в горах родной Афганский снег.

Афганский снег, ты подлый и продажный,
Ты часто прятал под собой растяжки.
Родной он, добрый и в ладонях нежный,
Афганский снег, ты далеко не снежный.

Когда ты снишься летними ночами,
Афганский снег, я по тебе скучаю,
Я не забуду тот последний бой,
Где ты меня прикрыл своей спиной.

БАЧА

Кандагарская пыль, как огонь горяча,
Что опять загрустил, мой дружище «Бача»?
Блеск всё тот же в глазах, седина на виске.
Тридцать лет миновало, как нас нет на войне!

На накрытом столе, тихо тлеет свеча,
Плачь и слёз не жалея, мой дружище «Бача».
Помнишь с духами бой, пули звон в котелке,
Как ты кровь отмывал с рук в кипящей реке?

Давай-ка вспомним, друг ты мой Бача,
Как с духами рубились по ночам,
Покажем солнцу злато орденов
И третий тост махнём за пацанов!

Давай, «Бача», с тобою погрустим
И все грехи врагам своим простим.
Слезой омоем мы на сердце раны,
Теперь, «Бача», с тобой мы ветераны!

Ты давай не болей, не ходи по врачам,
Через год загляну, мой дружище «Бача».
Снова сядем за стол мы с твоим котелком
И опять помолчим у замёрзших окон.

Кандагарская пыль снова снится во сне,
Я рисую Афган на замершем окне.
За окошком февраль, сын кричит во дворе,
Слава богу – живой... Нет меня на войне!

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Звезда, венок и автомат на фоне мира.
Кто был за речкой, этот герб узнал.
Война нас кровью вдоволь напоила,
Господь в боях, как мог, оберегал.

Мы все прошли войну одной тропею
И духов чуяли затылком за версту.
Мы друг для друга были все герои,
Кто уходили по февральскому мосту.

Не забудем Афгана,
Господа ветераны!
Ты нас враг не гневи,
Нас зовут Шурави!
Наше славное братство!
Это наше богатство!
Нам стареть ещё рано!
Будем жить ветераны!

Нам целовать щетину на морозе
Как тридцать лет уже не привыкать.
Мы на войне от жажды пили слёзы,
За нас их дома проливала мать.

Война нас всех печалью наградила
И на гранёный положила хлеб.
Звезда, венки и автомат на фоне мира.
Кто был за речкой, знает этот герб...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ!

Ты Вечный огонь! Ты гаснуть не в праве,
Живёшь ты в звезде на граните.
Чтоб мы о Великой войне вспоминали
И память в сердцах сохранили.

Зимой и летом ты душу нам греешь,
Ночами и днями не спишь!
Погаснуть на миг... ты прав не имеешь,
Ты должен гореть!.. Ты горишь!

Нам вечный огонь... согревает сердца,
Горит он для тех, кто погиб от свинца!
Постой, помолчи, поплачь у гранита!
Никто не забыт... Ничто не забыто!
Нам вечный огонь... словно в храме свеча!
Он просит живых минуту молчать,
О всех, кто войной был убитый!
Никто не забыт... Ничто не забыто!

Мы смотрим минуту на рыжее пламя
И видим в нём правду войны.
И в нашей душе возрождается память,
С которой мы будем сильны!

Зимою и летом он души нам греет,
Ночами и днями не спит!
Погаснуть на миг он прав не имеет,
Он должен гореть!.. Он горит!

ГОСПОДА — ВЕТЕРАНЫ!

Встали снова мы в строй братаны,
Как тогда... в те года боевые.
Тридцать лет без афганской войны,
В пятьдесят, как и в двадцать седые.

За погибших друзей третий тост
Все мы встанем и молча поднимем,
Нам не стыдно за блеск красных звёзд.
Слава богу, что все мы живые.

Господа-ветераны! Не забудем Афгана!
Сашка, Димка и Я... Боевая семья!
Ноют старые раны, мужики — ветераны!
На груди ордена... Это наша война!
Господа — ветераны! Не забудем Афгана!
Витя, Коля и Лёха, нам без вас одиноко.
Не забудем Афгана, Пацанов — Ветеранов!
Это наша судьба... Это наша война!

Дайте я вас друзья обниму,
Нет на свете надёжней опоры,
Тридцать лет без войны я живу,
Но забуду войну я не скоро.

Жаль, что с нами не все пацаны,
Как на фотке в горах Кандагара.
Будьте здоровы, мои Шурави,
Тридцать лет без войны слишком мало!

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА

Пишу письмо с январского Афгана,
В моём полку неделю слухи ходят.
Всё хорошо, моя родная мама,
Нас из Афгана, говорят, выводят.

Скажи отцу, пускай меня встречает,
Вернусь домой... обмоем вместе орден.
Война в душе и сердце затихает.
Мы из Афгана в феврале уходим.

Пишу я в письме на восходе:
«Выводят, выводят, выводят!
С Кабула, с Шинданда, с Баграма,
Выводят войска из Афгана!»
Домой... до деревни... до хаты,
Уходят... живыми... солдаты!
Летят наши весточки к мамам.
Встречайте сынов из Афгана!

Мы нашей кровью горы напоили,
Война по горло жертвами сыта.
Мы верно нашей Родине служили,
И наша совесть перед ней чиста.

Мы честно жили, с честью умирали,
Господь рассудит, был ли в этом толк.
Ведь мы врагов себе не выбирали
И до конца свой выполнили долг.

ОТ АФГАНА ДО СОЮЗА

Шли солдаты по февральскому песку
Ранним утром, разгоняя грусть-тоску.
Десять лет они скитались по войне,
Шли колонной, кто пешком, кто на броне.

Контингент их не одну прошёл версту,
Подшли они к заветному мосту
Кто с Кабула, кто с Герата, кто с Кундуза,
От Афгана триста метров до Союза.

Идут колонной танки... БТРы,
На них сидят солдаты... офицеры,
У них в глазах счастливая усталость,
Идут в Союз войска с Афганистана!

Идут домой живыми!.. Слава Богу!
Единым строем по мосту, не в ногу.
Их дома ждут детишки, жёны, мамы,
Идут домой Ребята — Ветераны.

Тягачи устало тянут свои пушки,
В облаках порхают МИГи и вертушки.
Десять лет они скитались по войне,
Шли колонной по афганской целине.

Шли солдаты по февральскому песку
Ранним утром, разгоняя грусть-тоску,
Кто с Кабула, кто с Герата, кто с Кундуза,
Шли домой они с Афгана до Союза!

ОФИЦЕРСКАЯ ДИНАСТИЯ

Есть друзья у меня не простые,
Дай Господь им здоровья и благ.
С той войны их сердца поостыли,
По вискам разлилась седина.

Орден и чинов не просили,
Службу нюхали в разных войсках
Сын с отцом – офицеры России,
Вместе были в афганских песках.

Вы служили не ради карьеры.
Тридцать лет уж минуло с тех пор.
Вас в семье было два офицера,
Подполковник – отец!.. Сын – майор!

Две багровых звезды из Афгана.
Тридцать лет с их войны утекло.
Их в семье было два ветерана,
Подполковник с майором Редько,

Как и все звёзд с небес не хватали,
Успевали везде... Тут и там!
И своих никогда не бросали,
По господним законам живя.

Есть друзья у меня не простые,
Дай Господь им здоровья и благ.
С той войны их сердца подостыли,
По вискам разлилась седина.

СОЛДАТ, ВЕРНУВШИЙСЯ С АФГАНА

Привет, мой сын, вернувшийся с Афгана,
Не дождалась тебя родная мама.
Она ушла от нас шестого января,
А ты вернулся в середине февраля.

Привет мой друг, вернувшийся с Афгана,
Не дождалась тебя твоя Татьяна.
Пока в руках держал ты свой Калашник,
На ней женился Коля однокашник.

Ну что, война, вернулся я с Афгана,
Ты забрала любовь мою и маму.
Без них мне рай не будет в шалаше,
Мне мир такой, отец, не по душе.

Ну что, страна, сынов ты не встречаешь
И наших ран в душе не замечаешь.
Таких историй тьма, как под клише,
Нам мир такой совсем не по душе!

Привет, мой брат, вернувшийся с Афгана,
Мы вместе были в пекле Кандагара.
Ведь наша дружба – главное богатство.
Ты очень нужен боевому братству.

Привет, солдат, вернувшийся с Афгана,
Не надо пить, в вине не ищут правды,
Держись за жизнь, она у нас одна.
Не плачь, солдат, закончилась война.

ОЦИНКОВАННЫЙ СОЛДАТ

Оцинкованный солдат не кричит,
Он не дышит, а лежит и молчит.
Материнская слеза по отцовскому плечу,
На Российском флаге ветер колыхает свечу.

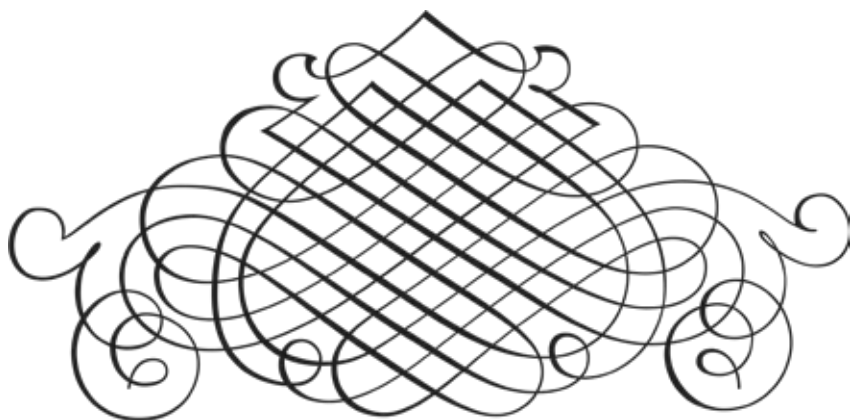
Оцинкованный солдат ни при чём,
В оцинкованную жечь облачен.
А войну-то толку в горе винить,
Поздно, люди коль пришли хоронить.

Он и мамке не сказал, делать нечего,
Как мопед в сарае спрятал ворованный.
Мать стоит, рыдая вместе со свечкою.
Не живой теперь солдат, оцинкованный.

Он и девками не был зацелованный,
Не родил сынка, да дом не построил.
Не стоит, лежит солдат оцинкованный,
За Россию-мать он кровушку пролил.

Оцинкованный солдат без наград,
Взял он в руки только раз автомат.
На войне он толком прожил денёк,
Только снайпер промахнуться не смог.

Был он цинковый, совсем не из олова,
То не сказка в детстве мамкой прочтённая.
Он за Родину сложил свою голову,
Оцинкованный солдат – «Быль Военная».

ВАЛЕНТИНА МАЙОРОВА

Валентина Майорова-Удалова родилась на Сахалине. С раннего детства и по сей день живёт в Коломне.

Занималась в ЛИТО «У Грановитой с 2000 г.

ПОБЕДА

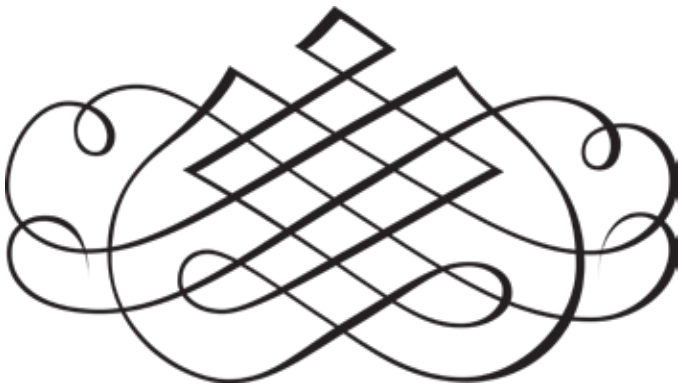
У победы русское начало!
Правде смелости не занимать!
«За свободу! Родину!» – кричали
Воины. «За мать!» – шли умирать.
У победы гордое начало!
Слово «честь» на подвиги бросала.
Вся дорога от Москвы к Берлину
Пропиталась кровушкой «орлиной».
У победы женское начало!
Родина, семья, Россия, мама!
И ещё найдётся слов не мало.
Вера День Победы приближала.
У Победы русское начало!
У Победы гордое начало!

ПОЭТ

Курсанову А.Ф. – поэту, художнику, ветерану В.О.Войны

«В фотографию пришёл поэт,
Фото просит сделать на портрет», -
Мне с улыбочкой шептал фотограф Лёва, -
«Причеси поэта – классно, клёво».
Взяв расчёску, к зеркалу пришла.
Он стоял высокий, стройный бледный.
Возраст зрелый, вид интеллигентный.
Белая рубашка к лику шла.
Он меня рассматривал, молчал,
Изучая. Молча я стояла.
Улыбнулся, взглядом засиял.
Видно, я его очаровала.

Мне сказали, что Вы мастер-класс,
Ветерок испортил мне причёску,
В спешке позабыл я взять расчёску.
Фото нужно на портрет в анфас».
Уходя, обнял меня он взглядом,
Снял пиджак и вмиг помолодел.
«Завтра я зайду, живу здесь рядом,
А сейчас спешу, так много дел».

ДЕНИС МИНАЕВ

Денис Викторович Минаев, родился 19 июля 1977 года. Проживает в подмосковном городе Коломна.

Его стихи и рассказы публиковались на страницах журналов и газет в Рязанской, Кемеровской и Московской областях, а также вошли в более чем сто коллективных сборников. Автор книг: «Моя родная» (стихи, рассказы. 2009), «Поэт и осень» (стихи. 2010), «Мне бы в юность» (стихи, рассказы. 2013), книжка-раскраска для детей «Одуванчик» (стихи, 2013), «Автограф» (рассказы, 2017), «Стихи разных лет» (стихи, 2018),

Секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России.

ВАСИЛЬ-АКА¹

– Дениска, стой. Стой, тебе говорю! – кричала молодая женщина вслед восьмилетнему сыну.

Мальчишка со всех ног мчался по двору к гаражу, где только что завёлся коричневый «москвич». Звук работающего мотора этого автомобиля всегда был сигналом к старту для Дениса, иначе дедушка уедет без него.

– Осторожно, – ахнула Надежда, когда «спринтер» споткнулся и растянулся на асфальтированной дорожке. Но он быстро вскочил

на ноги и, даже не думая заплакать, полетел дальше. Оказавшись за калиткой, малец встал возле открытых гаражных дверей.

Василий Иванович, выезжая, доброжелательно улыбнулся Дениске. Он не сомневался, что именно сейчас увидит внука, который неизменно появлялся рядом в такие моменты. Остановился и протянул в открытое окно машины ключи от гаражного замка. Внук быстренько принялся закрывать ворота. Тут появилась и Надежда:

– Сынок, может, дед один съездит?

– Ну ма-а-ам... – затянул умоляюще Денис, уже влезая на заднее сиденье.

– Дочка, пусть прокатится. Не переживай, – вступился Василий Иванович.

– Пап, ради Бога, осторожнее... – сдалась женщина и, махнув рукой (дескать, вас, что старого, что малого, всё равно не переубедишь), пошла во

двор...

Надежда – младшая дочь Василия Ивановича и Марии Константиновны – родилась, когда матери было уже 36, а отцу целых 48. А когда появился Денис, дед имел за плечами 69 прожитых лет.

Вторые летние каникулы внук проводил в гостях у дедушки и бабушки. Научился помогать в огороде, кормить нутрий ровно нарезанными кубиками овощей или хлеба, менять им в небольшом бассейне воду и даже подавать деду необходимые инструменты на пилораме. Пилораму Василий Иванович смастерил во дворе сам и стал брать заказы на изготовление оконных рам или дверей. Деду стукнуло уже 77, но он был ещё достаточно здоров и силен, чтобы заниматься нелёгким плотницким делом. Правда, внимательности было меньше, нежели в молодые годы: однажды он умудрился отпилить себе указательный палец правой руки. На обрабатываемой доске оказался сучок. Пила выбила этот сучок, и доску затащило. Дед не успел вовремя убрать руку – и палец улетел к соседям через забор. Его тут же нашли, но пришить в больнице не смогли. Увы.

Именно из-за невнимательности Василий Иванович не раз въезжал на машине то в канаву, то в забор, то ещё куда-нибудь. Но бросить рулить даже и не думал. Мария Константиновна уже смирилась с этим, а вот дочь Надежда переживала, особенно когда в автомобиле оказывался Дениска...

В этот раз дед с внуком вернулись довольно скоро.

– А я видел милицейскую машину! – нетерпеливо рассказывал мальчик маме, которая поправляла на нём шортики и как бы невзначай интуитивно ощупывала ребёнка, проверяя, цел ли он после «опасной» поездки.

– С мигалками! – продолжил тот. – Близко-близко видел. Она такая жёлтая с синей полосой. Я её хорошо разглядел...

В то время, в 1985 году, в небольшом провинциальном городке Сыр-Дарья автомобилей было немного, а патрульных экипажей на весь город числилась лишь пара-тройка всего, поэтому такая встреча для мальчика не могла остаться обыденной.

– Мам, я даже внутри посидел, как настоящий милиционер!

– Эт как ты туда попал-то? В эту самую милиционерскую машину? – спросила откуда ни возьмись появившаяся бабушка.

– Деда остановили. Пока он разговаривал с милиционером, я сел в машину с мигалками. Дядя милиционер разрешил...

– Отец?.. – перевели встревоженный взгляд на Василия Ивановича женщины, так как дед иногда садился за руль «под мухой», хоть и небольшой.

– Да Кахрамон это был. Абдуллаев. Он в ГАИ работает, – начал объяснять бабушке дед. – Помнишь Абдуллаевых из Газалкента? Махмуда и Мадину... – дед подождал, пока бабушка вспомнит. – Вот, – продолжил он, когда убедился, что бабушка понимает, о ком речь. – А это внук Махмуда. Работает по нашему району. Патрулирует... Женится через месяц. Приглашает на свадьбу. Говорит, хотел захватить к нам сегодня, да я раньше попался, – дед заулыбался. – Вечером всё равно приедет. Приглашать...

Бабушка улыбнулась с еле заметной грустинкой в глазах. Как читатель уже, наверное, догадался, Дениска – это я. Иначе откуда бы автор знал такие мелкие подробности жизни семьи Поздняковых: и про внука у ворот, когда заводился мотор «москвича», и про отпленный палец, и про... в общем, Дениска – это я. Приятно познакомиться...

Милиционер Кахрамон, как и обещал, приехал тем же вечером. Бабушка встретила его объятиями, поцелуями в щёки и громкими возгласами радости. Дед, бабушка и гость долго сидели на кухне: ели лагман, пили чай, разговаривали, вспоминали. Кахрамон часто прикладывал руку к груди (так узбеки выражают своё глубокое уважение) и говорил о безграничной любви и благодарности моим деду и

бабушке за что-то, чего я не знал и не мог понять. Но я видел, что мужчина был искренен.

Потом все разъехались: мама и папа, тёти и дяди мои уехали в Ташкент, так как выходные закончились и в понедельник всем на работу, милиционер Кахрамон вновь отправился патрулировать улицы города, а я остался с дедом и бабушкой – каникулы продолжались...

Через месяц к воротам подъехал автомобиль. Машину прислали Абдуллаевы специально за дедом и бабушкой, чтобы отвезти, как вельмож, на свадьбу. Бабушка ехать отказалась, сославшись на нездоровье и невозможность оставить без присмотра живность. А дедушка, водитель и я погрузили в «Волгу» какие-то коробки и узелки и пустились в путь...

Наш приезд в горный городок Газалкент был подобен приезду знаменитых артистов: казалось, ни один здешний житель не остался в стороне от этого события, и каждый торопился поприветствовать деда и узнать про мою бабушку. Молодёжь терпеливо ждала, пока старшие обнимутся и расцелуются с гостем, потом и сами пожимали руки деду, выражая своё почтение. Дети, в основном мои ровесники, с широко раскрытыми удивлёнными глазами смотрели на деда, как на героя фильмов или книг, а также уважительно глядели и на меня.

– Всем привет, – сказал я детворе и улыбнулся.

– Шухрат, – представился мальчик лет тринадцати и протянул мне руку.

– Ты внук Василь-ака? – поинтересовались другие дети, помладше, и тут же, схватив меня за руку, а кто-то даже приобняв, повлекли куда-то за собой.

Я кивал в знак согласия, что я внук, а все улыбались и тащили меня, приговаривая: «Пошли, пошли с нами»...

Деда я решил оставить со старшими, а сам примкнул к вольной ватаге под предводительством Шухрата. Ребята развлекали меня до самого вечера, каждый старался чем-то удивить, что-то показать, мы искупались в холоднющей горной речке, нарвали в саду яблок, развели костёр и сидели на берегу, рассказывая разные небылицы и анекдоты.

Вечером, когда началась свадьба, которую они по-узбекски называли «той», несколько ребят были направлены Шухратом на праздник

– раздобыть еды и напитков и принести всё нашей компании к костру у речки. Но мне очень захотелось посмотреть на праздник, и я собрался тоже сходить с добытчиками. Это сразу поменяло планы ребят, и все как один направились сопровождать меня на «той». По дороге каждый пытался рассказать мне о тонкостях узбекских свадебных традиций, которых было довольно много.

Празднование свадьбы проходило на улице на специально для этого отведённой прямоугольной площадке, которую огораживал невысокий заборчик, обтянутый бело-бежевым материалом. Столы стояли буквой «П». Недалеко от среднего стола расположились музыканты, которые не переставая играли на карнаях (длинных медных трубах), сурнах (тоже трубах, только деревянных) и бубнах. Ритм музыки был очень ярким и заводным. За этим же, средним, столом сидели жених и невеста. Голова невесты была опущена, лицо закрыто вуалью.

– Вот так всю свадьбу будет сидеть? – спросил я у Шухрата, на что от него последовал утвердительный ответ.

Ребятня разбежалась, получив от предводителя указания: кому что раздобыть. Я же остался с Шухратом, потому что традиции свадьбы мне были интереснее.

– А почему дедушка мой сидит за отдельным столом и с ним ещё два стареньких дяди? – указал я на богато украшенный стол рядом с молодожёнами.

– Там сидят самые-самые дорогие люди нашей семьи, – ответил парень. – Наши дедушки – аксакалы – и сам многоуважаемый Василь-ака, – Шухрат произнёс имя моего деда, гордо задрал голову и ткнув пальцем вверх в воздух, как бы показывая высокое положение называемого человека. Я всё больше удивлялся тому, как относились к моему деду эти люди.

– А почему все здесь так любят и уважают моего дедушку? – спросил я.

– Потому что он спас нашу семью, Денис! – ответил Шухрат. – Разве ты не знаешь? – искренне удивился он.

– Нет. Дедушка мне ничего не рассказывал.

– Денис, Василь-ака – великий человек. Давай дождёмся ребят, пойдём обратно к речке, и я расскажу тебе, кто твой дедушка. Договорились?

Я кивнул и стал нетерпеливо ждать возвращения новых друзей...

* * *

Великую Отечественную войну Василий Иванович Поздняков встретил 33-летним начальником ветеринарной службы Бостандыкского района Южно-Казахстанской области. На фронт его не призвали. Бронь. Трудился Поздняков много. Война не давала отдыха никому ни на передовой, ни в тылу. Тем более беспокоило начальника ветеринаров целого района. Возвращался он домой не каждый день, и всегда поздно – почти ночью.

К 1944 году хозяйство Василия держалось только на хрупких плечах женщин и рано повзрослевших детей и подростков. Январь в горах – время испытаний, а январь военного 44-го – тем более. Голод. Всё для фронта, всё для победы.

Василий Иванович сидел почти неподвижно на повозке, запряжённой поджарой кобылой. Она не спеша перебирала копытами, приближая седока, засыпанного снегом, к дому. Устали все. Наконец лошадь остановилась. Мужчина слез, открыл ворота, заехал во двор. Распряг кобылу, завёл в сарай, налил ей воды и бросил охапку сена. Накрыл повозку дерюгой и, топнув пару раз у порога, сбивая снег с сапог, зашёл в дом. Дом у Поздняковых был немаленьким, с сенцами и стоял за отдельным забором, обозначавшим дворовую территорию семьи.

– Маруся, я дома.

Из кухни вышла 24-летняя красивая женщина с аккуратным животиком, выдававшим пятимесячный срок приближающегося материнства. Вытирая руки о полотенце, поспешила помочь мужу снять шубу:

– Здравствуй...

Пожились они прямо перед войной. Мария была сирота. Как-то, ещё в девках, хотя и было ей около двадцати, гадала она на святки на зеркалах. Страшно, но интересно увидеть суженого. Поставила два зеркала друг напротив друга – одно на себя направила, другое на грудь облокотила лицом к первому. По краям свечи зажгла – получилась горящая дорожка. И стала смотреть... Вскоре увидела: подъезжает повозка, с неё слезает богатырь, закидывает на одно плечо полный тяжёлый мешок, на другое – второй. Лишь со спины этот человек показан, лица не видать... Испугалась Мария и закрыла зеркало.

Так и произошла их встреча. Она корову доила. Василий подъехал на повозке, мешки закинул на плечи и пошёл в сарай. Только со

спины его и видела. Сказали, что это новый начальник-ветеринар. Из областного центра. Привёз какие-то новые корма. Вот так: привёз корма, увёз жену...

Теперь уже наши войска бьют фашистов, гонят их прочь. Мария забеременела. По весне ждут мальчика. Радоваться бы, да всё тяжелее становится. Голод вокруг, но Василий старается для жены и будущего ребёнка.

– Я там «тушку» списанного жеребёнка привёз. Мёртвый родился, – сказал Василий. – Пока оставил его в повозке. Завтра порублю. На еду не сгодится. Мыло сварить.

Жена, соглашаясь, кивнула:

– Проходи за стол.

Василий сел ужинать. Мария пристроилась напротив, положила полотенце на колени, поставила руки на стол и, опершись щекой на ладонь, стала любоваться мужем, как он ест.

– Сегодня Парпиевым похоронка пришла на Одилжона, – сказала, погрустнев. – Уже четвёртая в их семье...

Василий на несколько минут прекратил есть:

– Налей. Помянем.

Мария встала, полезла за тумбу, достала небольшой пузырёк спирта.

Василий выпил молча.

Жена поделилась ещё некоторыми новостями аула, и вскоре Поздняковы отправились спать...

Супруги проснулись почти одновременно от какого-то шума, не громкого, но чувствительного в полночной тишине.

– Что это? – испуганно прошептала женщина.

– Не знаю, – откидывая одеяло, ответил Василий. – Надо посмотреть.

– Вась, может завтра? – ещё больше испугалась Мария и вцепилась в майку мужа, останавливая его.

– Да чего ж я там завтра увижу? Поздно будет. Украдут всё, если воры, – убеждал Поздняков, снимая в потёмках со стены охотничье ружьё.

– Ой, – всхлипнула жена.

– Не бойся. Сиди тут, – Василий достал из тумбочки несколько патронов с дробью.

Подошёл к окну. Старался выловить взглядом происходящее на улице, во дворе. Постоял минуту и направился к выходу:

– Свет не включай.

Мария мелко-мелко задрожала. Петли входной двери недавно были обильно смазаны, поэтому предательского скрипа не последовало. Василий, осторожно ступая, чтобы ни на что не наткнуться в темноте, вышел во двор. Притаился за сеньями. Было тихо. Хозяин ждал...

Прошло минут десять. Полная тишина...

Вдруг женский шёпот у повозки:

– Махмуд-ака, я боюсь, – говорила по-узбекски молодая девушка.

– Плохо это. Василь-ака такой хороший человек, а мы у него...

– Цыц, – тихо шикнул на неё мужчина. – А детей твоих чем кормить будем? Молчи и делай, что я говорю...

Василий понимал по-узбекски. Он узнал голоса соседей, живших через три дома. Это Махмуд Абдуллаев и его сноха Шахло. Мужчина был старше Василия на двенадцать лет. Младший сын Махмуда сейчас воевал. Жена сына и трое их детей остались на попечении дедушки с бабушкой. Семья сильно голодала. Махмуд с детства имел увечье правой ноги, она перестала развиваться и к достижению им взрослого возраста была короче левой на десять сантиметров. Но это не помешало шустрому парню обзавестись семьёй и счастливо воспитать пятерых детей, трое из которых сейчас воевали с фашистами. Самого Махмуда из-за ноги не призвали. Он работал в поле, на конюшнях, в коровниках, но никогда не брал с работы домой ни колоска, ни грамма молока. Только то, что полагалось.

Василий просто оторопел. Он понял, насколько огромным было отчаяние этого железной воли человека, что он решился на воровство. Что делать? Задержать воров и сдать их в НКВД?

– Что там, Вася? – бросилась к мужу Мария, когда тот вернулся.

– Всё нормально. Шакалы, должно быть. Или лисы. Я того жеребёнка оставил в телеге. Видно, они учуяли и приходили полакомиться. Успокойся. Нет там никого теперь. Давай спать.

Мария долго ещё не спала, лёжа на груди мужа. Он крепко, но ласково обнимал её и вдыхал приятный аромат волос любимой. Было тихо. Маруся успокоилась, и они уснули...

– Вася, пошли, что покажу, – встревоженно произнесла Мария, зашедшая в дом с улицы.

Было раннее утро.

Василий догадывался, что он увидит. И действительно, у вчерашнего жеребёнка небрежно, видно, что впопыхах, были вырезаны

самые мясистые (если их так можно назвать у новорождённого животного) места – шея, мышцы передних ног и круп. Вокруг телеги виднелись слегка припорошённые снегом мужские и женские следы.

Мария была растеряна.

– Марусь... – мгновение помолчал Василий после обращения к любимой. – Забудь и не думай ни о чём. Ладно? Вари мыло из того, что осталось. – Поцеловал её в губы и пошёл в дом:

– Да, и ещё, не рассказывай никому об этом, – настоятельно попросил мужчина. – Слышишь, вообще ни-ко-му!

После этого Василий стал частенько привозить домой тушки выбракованных жеребят или телят. Только они уже были не умершими своей смертью, а вовремя забиты – значит, пригодны для еды. Привезённое обязательно оставалось в телеге до утра. Обязательно! Небольшой шум иногда будил Василия и Марию такими ночами, но мужчина уже не выходил во двор. А жена теперь ничего не боялась. И они через несколько минут засыпали вновь. На мыло к утру оставалось.

* * *

Шухрат закончил свой рассказ. Ребята, и я в том числе, молча сидели и смотрели в костёр. В реке плескалась рыба.

На следующий день праздник «той» продолжился. Гуляли три дня. Моего деда беспрестанно окружали люди. Мужчины, женщины, дети. И все старались обязательно узнать, как у Василь-ака дела, как его семья, Мария-опа, дети, внуки. Все предлагали свою помощь в любых делах и в любое время.

Дед улыбался, уточнял, кто они, чьи потомки, вспоминал, узнавал, радовался и интересовался жизнью в ответ. А я стоял в сторонке и любовался своим близким и родным дедушкой, таким простым и таким... Великим!

1 Василь-ака, Мария-опа. Здесь: -ака, -опа – аффиксы, добавляемые к именам в Узбекистане, подчёркивающие уважение к человеку и его старшему возрасту.

ТАТЬЯНА РОГОВА

Рогова Татьяна Фёдоровна родилась в Сталинобаде (Душанбе). Окончила политехнический институт по специальности архитектура. Работала на военном заводе, в проектных институтах. Преподавала в военном колледже инженерную графику, в школе, а также заведовала кафедрой в институте усовершенствования учителей.

ПОМНИ

Мы уходим на небо,
Оставляя рассветы,
Тем, кто следом пойдёт
И украсит нам путь.

Кто исполнит в сердцах
Эти наши заветы:
«Помни, нас помянуть
У костра не забудь».

Смотрим мы в небеса
И прекрасные дали,
Тихим шелестом трав
Украшают нам путь.
И уносят они
Эту грусть и печали –
«Помни, нас помянуть
У креста не забудь».

Только жизни своей
Не поставим мы точку
И умеем с небес
В душу Вам заглянуть.
Мы тихонько уйдём,
Но останутся строчки:
«Помни нас на Земле,
У святого огня –
Помянуть не забудь».

СТАРЫЙ ХРАМ

Посмотреть на развалины
страшно:
Груды камня
и рыхлые стены.
Только вера зовёт
нас отважно,
А история ждёт перемены.
Ведь могли они вновь
возродиться
И пройти сквозь года
и столетья.
Разрушали их люди
и птицы,
Снег и дождь,
и порывистый ветер.
А мороз им рассказывал
сказки,
Ледяной окружая
заботой,
Не жалея заснеженной
ласки,
Он искусно здесь
так поработал...
Но проснулась и музыка
в камне,
Зазвучали
истории звуки,
И тихонько напомнит
она мне,
Как тянулись к нему наши руки.
Снова в золоте,
в ярком убранстве
Храм родился для
памяти вечной
И стоит, утверждая
в пространстве,
Вечность жизни и мир
бесконечный.

КОЛЬКА

Вот и всё...
Ты ушёл, не спросив,
Не поняв, не ответив.
Ты ушёл в тот далёкий
Неведомый мир.
Провожал тебя дождь,
По-весеннему ласковый ветер
И друзья, для которых
Ты был и пример, и кумир.

Потерялся солдат...
Но ведь что там песчинка и только
В этом мире, где столько
Забот и тревог.
Потерялся? Но нет...
Ведь тебя уже не было,
Колька,
Потому что предать и сбежать
Ты не мог.

И теперь только память
И только она сохранила
Каждый шаг, каждый штрих,
Проведённый тобой.
В ней по-прежнему жив ты,
Она ведь и вправду любила.
Для неё ты навеки,
Навечно остался живой.

И она не поверит, что уже
Только холмик с цветами
Да короткая надпись
Расскажет теперь о тебе.
Колька-Колька, навеки
Останешься с нами
В жизни, в сердце, и даже
Дальнейшей судьбе.

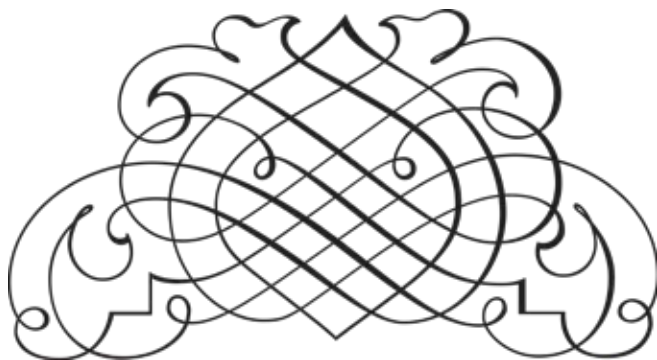
ПОБЕДА

Победа, в этом слове
столько силы
И радости, и боли,
и тревоги.

Победа – это словно
новый символ,
Прошедший все военные пороги.

Победа! Это синь
над головами,
В свободном небе
радостный рассвет.

Победа остаётся
вместе с нами
На много вёсен,
много сотен лет.

ПАВЕЛ РОДЬКИН

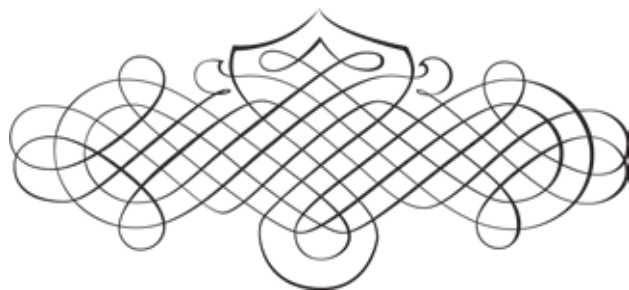
Родькин Павел Александрович, родился в Коломне. Студент 5 курса МАИ. Мечтает не только строить самолёты, но и летать на них. Прошёл службу в армии. Увлекается мото- и велоспортом, греблей, любит читать, пишет стихотворения. Считает, что покорить можно любую вершину, если поставить цель. На протяжении 6 лет был воспитанником «Пегасика» и до сих пор не теряет связи с объединением. Имеет публикации в сборнике «Серебро слов»; интересуется историей семьи.

МОЕЙ БАБУШКЕ,

Тихоновой (Ефимовой) Алле Николаевне

Ведьма война! Сколько судеб сломала!
Взрослых и детских - просто не счесть...
Ни много ни мало наколдовала,
Горе людское надевши на перст...
И вспоминает бабушка часто
(Было от силы лет шесть ей тогда)

Утро... июньское солнце глазасто...
Вдруг за окошком – два страшных крыла.
В детскую мама вбежала стремительно:
- Доченька, Аллочка! Это война!
Кукла в руках. А вокруг оглушительно
Воют моторы. И движется тьма.
Чёрная тень «Мессершмитта» накрыла
Детство и солнце, разрушив уют.
Слёзы в глазах, точно льдинки, застыли.
- Мама, а куклу мою не убьют?..
Маленький город на севере Польши -
Ломжа – в руинах истерзан лежит.
И тяжела неизвестности ноша:
- Где же мой папа? Когда прилетит?
Запеленала мама братишку,
За руку дочку взяла поскорей.
Кукла казалась нарядною слишком -
Бросила мама её у дверей...
- Только игрушки сейчас не хватало.
Знаешь, мы скоро вернёмся сюда...
Мама не знала, и Алла не знала:
Долгими быть расставанья годам.
Вот оно, с детством внезапно прощанье,
Жёстко война приказала: взрослей!
Давнее-давнее воспоминанье:
Кукла, забытая у дверей...

МАРГАРИТА САВИНСКАЯ

Савинская Маргарита Александровна, 15 лет; родилась в Коломне, учится в 9 классе; пишет стихи и прозу, занимается в творческом объединении «Пегасик», постоянная участница муниципальных и региональных творческих конкурсов. Увлекается чтением, музыкой, стреляет из лука, углублённо изучает английский язык, изучает историю семьи и родного города.

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Земной поклон

Презревшим смерть и страх...

В. Карасёв

Говорят, наше время забывчиво, и молодёжь не хранит память о событиях Великой Отечественной войны, а правнуки победителей продают медали ветеранов, не желая знать о подвигах и страданиях, о потерях и мужестве... Неужели такое возможно? Впрочем, совсем недавно соседка равнодушно сообщила о том, что фотографии

прадеда-фронтовика отнесла в гараж. Мол, сегодня всё удобнее хранить в компьютере. Но мне и представить невозможно, что семейные реликвии будут пылиться на дальних полках, словно стыдясь чего-то. Это жизнь и судьба моих близких...

Хорошо помню, как в День Победы дед надевал парадный костюм и медали звенели в такт шагам, а в комнате становилось светлее от чистого блеска наград. Осторожно прикоснувшись к одной из них в форме пятиконечной звезды, спросила: «Какой подвиг ты совершил ради этой медали?» Ответ заставил меня покраснеть и помог понять, что тогда шёл «смертный бой не ради славы – ради жизни на Земле». А эта звёздочка, действительно, называется орден «Славы».

Затаив дыхание, слушала я историю о том, как под проливным дождём осенью 1941 года на Смоленских рубежах началась военная жизнь моего деда-разведчика. Взятый тогда «язык» дал ценные сведения. В перестрелке никто не погиб.

Суровые будни войны требовали выдержки, нередко спасало надёжное плечо друга. Дед любил повторять, что каждый день оставаться живым и здоровым на войне – удача.

Немцы... лес... стрельба... окопы... потери...

После тяжёлого ранения его отправляли в тыл, но санитарный поезд был переполнен. Ещё несколько дней в госпитале... А тот состав разбомбило... Боль, радость (ЖИВОЙ!), отчаяние – все чувства вперемешку.

За годы военного лихолетья пришлось прожить не одну жизнь – за себя и своих друзей. За старшего брата Митрофана, пропавшего без вести в первые дни войны под Брестом... За брата Фёдора, который ковал Победу в тылу. За сгинувшего в годы репрессий отца - Егора Ивановича... За нас, будущих. Жизнь, непохожую на нашу.

Дед встретил войну в Монголии, где проходил срочную службу, сам просился на передовую. История о том, как попал на фронт, сегодня кажется удивительной. Командир обещал, что, если учения получат оценку «отлично», – сражаться придётся с настоящим противником... И вот огневые точки и враг уже реальные. Так встретил боец свою 21-ю весну...

Сообщение о Победе чуть не проспал: сидел на дежурстве в на-ушниках и задремал. Но когда зазвучал голос Левитана – сон пропал мгновенно. Да и стрельба на улице, крики радости вторили долгожданной вести. В тот праздничный, первый мирный день никто не

обращал внимания на возраст, звания, награды: была единая семья, поколение победителей.

Со временем в нашей семье началась традиция чаепитий в День Победы. Собираются вместе дети, внуки и правнуки. И хотя всё дальше от нас события тех бесконечно долгих военных лет, память по-прежнему с нами. В Бессмертном полку есть место для воина-ветерана...

Бережно собраны документы и газетные вырезки. Комсомольский билет, трудовая книжка – в ней вся послевоенная биография. Лишь две записи: «принят» и «уволен в связи с выходом на пенсию». Под стеклом в шкафу – ордена и медали. Настоящий маленький музей. И одна-единственная сохранившаяся фотография военной поры. Молодой статный воин смотрит на меня, словно спрашивает: «Ты помнишь?»

Да, я помню и негромкий голос, и бережное отношение к друзьям-ветеранам, к семье, и взволнованные истории о выпуске нового тепловоза – более 50 лет работы на Коломенском тепловозостроительном заводе, и часы, подаренные мне в день рождения...

Война опалила юность, посеребрила виски, но не выжгла душу.

Подросток с берегов Дона, волей судьбы оказавшийся в Коломне, он не знал слова «не могу» и всё успевал: занимался в аэроклубе, работал лёгким водолазом, был студентом первого набора учительского института...

Разве можно предать память? С ней нельзя проститься, у неё нет срока давности. Именно она даёт нам силы жить по законам чести и долга. Именно дед заповедал мне важную тайну: помнить о тех, кто погиб за Родину, беречь её и гордиться ею.

О войне написано так много, но главную книгу предстоит написать нам – потомкам поколения победителей.

P.S. Мой прадед – Долгополов Филипп Георгиевич (1921 – 2014) – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, персональный пенсионер.

ГАЛИНА САМУСЕНКО

Самусенко Галина Валентиновна родилась 10 апреля 1958г. в городе Коломна. В 1980г. закончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

В настоящее время работает культурорганизатором МБУ «ЦДиК «Черкизово» СП «Школа им. В.Д.Шервинского» городского округа Коломна.

Является автором десяти сборников стихов и прозы, редактором-составителем десяти коллективных литературных сборников. Стихи и рассказы переведены на болгарский язык.

Член Московского областного отделения Союза Писателей России.

Активный участник городских, районных, областных и международных творческих мероприятий, различных литературных конкурсов, встреч с читателями.

Победитель, лауреат, дипломант, организатор и член жюри многочисленных российских и международных литературных конкурсов.

Награждена литературными медалями: «200 лет М.Ю.Лермонтову»; «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову»; «Ивана Бунина» за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы; «Твардовского А.Т.» за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы; «В ПАМЯТЬ 100-летия ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» за верность патриотическим традициям в творчестве; «имени Елены СЛОБОДЯНЮК» за личный вклад в развитие российской словесности.

ОЖИДАНИЕ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Ромашковое поле заневестилось.
И небо васильками пролилось.
Безвестие... угрюмое безвестие
Туманом опустилось на село.

Не слышно больше песен у реки.
Закаменели бабьи лики скорбные.
И лишь надежда хрупкая упорно им
твердила, что вернутся мужики.

Вернулись. Двое. Осенью простуженной.
Один на костылях, другой – без рук.
А бабы, воя о пропавших суженых,
завидовали, глядя на подруг.

И верили. И думали едва ль они,
что смерти верою своей дают отпор.
И та, которую сегодня отпевали мы,
ждала и верила до этих самых пор.

ДЕДУ

Знаешь, дед, я ведь уже старая.
Я гораздо старше тебя.
Слева смотрю и справа я,
фотографию теребя –
память из далёкого прошлого
прямиком в двадцать первый век.
Дед, лицо у тебя хорошее –
добрым к людям был человек.

Строги чёрных бровей излучины,
тёмно-русых волос волна...
Были б, знаю, мы неразлучными,
не вмешайся она – война.

Вместе б осенью за грибами мы,
на рыбалку – опять вдвоём...
а глаза у нас с тобой мамины...
Целый век без тебя живём...

Что ж, на этом свете не даром всё,
и страна разочлась с бедой.
Только видишь – я уже старая.
Ну а ты всегда молодой.

В НЕБОЛЬШОМ НЕМЕЦКОМ ГОРОДКЕ

На исходе война. И рукою подать до Берлина.
Волчья стая в осаде. Последний рывок и... Победа!
Городок придорожный в дымящихся свежих руинах...
Отдохнуть бы немного... Куда там. Хотя б пообедать.
Скрежетали машины, утюжа кирпич и брусчатку.
Развернулись. Застыли. И кухня как раз подоспела.
Для любого солдата, особенно, если с устатку,
каша – гречка горячая с мясом – первейшее дело.
С доброй кашей рассыпчатой солнышко ласковой светит,
голоса веселей и ядрёней солёные шутки...
Из подвалов руин потянулись немецкие дети –
и постарше, и младше, а этот и вовсе – малютка.
Их качало от голода, лица устало-землисты...
Замолчали танкисты. В глазах то ли стынь, то ли проседь...
А полковник-еврей, чью семью расстреляли фашисты,
– Накормить ребятню – тихо повару бросил.

Дан приказ – по машинам. Моторы победно урчали.
Батальон шёл вперёд, подчиняясь зелёной ракете.
В городке придорожном, на время забыв о печалях,
снова веря в волшебников, спали немецкие дети.

НАТАЛЬЯ САМЫХИНА

Живу в прекрасном городе Коломна, под Москвой. Стихи – моё увлечение, хобби, способ сбросить стрессы и зарядиться энергией. После каждого написанного стихотворения ощущаю прилив жизненных сил и глоток свежего воздуха. Работаю психологом в социальной сфере, с удовольствием использую поэтическую терапию. Поэзией можно и нужно лечить душу!

БЛИНДАЖ

Детский лагерь. Лето в разгаре.
У ребят долгожданный поход.
Лес, река и вожатый в ударе
Всю дорогу им песни поёт.

Наконец остановка. Палатки
Тут же выросли. Запах костра.
Волейбол на зелёной площадке,
Каша вкусная из котелка.

Крик из леса: «Ребята, скорее!
Всё бросайте, бегите сюда!»
В лес вошли, где деревья плотнее
Встали в ряд, будто тайну храня.

У поломанных, высохших елей,
Не подняться с земли им уже,
Разглядеть они как-то сумели
Перекрытия в блиндаже.

Тихо стало. Все замерли разом.
Словно ветер далёких времён,
Вдруг донёс до нашедших фразу:
«Здесь бои были». Скрежет и звон

В головах у детей раздался.
Взрывы, танки, потоки огня...
У деревьев снаряд разорвался...
Покорёженная броня...

Будто кадры из кинофильма,
О жестокой, кровавой войне...
И у сердца кольнуло сильно...
Ничего нет войны страшней...

У поломанных высохших елей
Двадцать белых букетов лежат.
Лица детские стали мрачнее,
Лагерь молча идёт назад...

СЕРГЕЙ СТЕПАНЦЕВ

Родился 06.10.1955 в Рязанской области, Рязского района, село Захупта. В 1965 году переехал в город Коломну. После окончания школы поступил в Волоколамский зооветеринарный техникум, по окончании один год работал ветеринарным врачом.

С 1977 по 1979 год служба в армии. После демобилизации работал проходчиком и без отрыва от производства в 1994 году окончил Московский Государственный Открытый Университет.

С 2002 по 2013 год работал начальником конструкторского отдела в управлении главного технолога на ОАО «Коломенский завод», в данный момент тружусь ведущим инженером-конструктором в ООО ИЦД ТМХ.

Литературную деятельность начал в 2018 году. Публиковался в международных сборниках издательства «Серебро слов».

ИСКУШЕНИЕ

После долгой и изнурительной копки противотанкового рва усталая Мария еле брела в палаточный лагерь, где жила. Шёл сентябрь 1942 года. Вот уже год, как она со своей землячкой Валею работает на трудовом фронте под блокадным Ленинградом. Возвращаться в лагерь ей не хотелось: её тревожила очередная встреча с особистом, который грозился отдать её под трибунал за членовредительство. Мария клялась и божилась, что всё произошло случайно: ни она, ни Валя даже и не думали заниматься членовредительством. Но он и слушать не хотел. Невольно на память пришёл тот злополучный день...

Мария вспомнила, как бригадир Николай привёл бригаду девушек на делянку, где уже были спилены деревья, и сказал:

– Вот здесь будем копать противотанковый ров, а прежде нам надо выкорчевать оставшиеся пни. Разбираем инструмент и приступаем к работе. Да, вот ещё что. В полутора километрах отсюда линия фронта, так что повнимательней, мало ли что.

– Это как повнимательней? – спросила Валя, – нам что, то и дело озираться на передовую... или работать?

– Я вас предупредил, а вы сами смотрите, ведь слышите, что от туда доносятся и выстрелы, и взрывы, – ответил Николай.

Мария подошла к куче инструментов, взяла две лопаты, а Валя – лом и топор. Девушки направились к первому попавшемуся на глаза пню. Сначала окопали его вокруг, и те корни, которые были ближе к поверхности, обрубали. Хуже дело обстояло с корнями, уходившими вглубь. Подрубить их топором было невозможно, не хватало пространства для размаха, да и землю из-под них было тяжело выбирать. Тогда Мария предложила:

– Валь, а давай попробуем пень раскачать, может он чуточку вылезет наверх.

– Давай, – согласилась Валя.

Они встали у пня друг против друга, обхватили его руками и начали раскачивать. Пень поначалу не поддавался, но потихоньку, кое-как, девушки его все-таки раскатали. Внезапно они почувствовали, будто кто-то с силой ударил в пень между их ладонями. Тот даже слегка покачнулся. От неожиданности девчата даже вскрикнули. На их крик подбежал встревоженный Николай и спросил:

– Что случилось?

– Сами не знаем, – растерялась Мария, – такое впечатление, что кто-то по пню долбанул.

– А в какое место, можете показать?

– Вот сюда, – ткнула пальцем Валя.

Николай внимательно осмотрел то место, куда указала Валя.

– Да, – протяжно произнёс Николай, – вы в рубашках родились.

– Это почему? – удивилась Мария.

– Да вот, посмотрите, – указал Николай на маленькое отверстие в пне, – это входное отверстие от пули. Не зря я вас предупреждал.

– Да уж, – протянула Валя.

Николай удалился, а девушки принялись и дальше раскачивать пень. Через некоторое время часть корней высвободилась из-под земли.

– Маш, а давай попробуем ломом перерубить корни, – предложила Валя.

– Давай, только не остриём, а лезвием, а то от острого конца корень будет только щепериться.

Валя принялась за работу. Широким концом лома она пыталась разрубить корень, но лезвие попадало не в середину, а в бок корня, и лом соскальзывал. Когда Валя в очередной раз замахнулась для удара, Мария протянула руку к корню, показывая куда надо бить, но убрать её не успела. Удар лома пришёлся на тыльную сторону ладони. От дикой боли Мария закричала истошным голосом. Обхватила раненую руку и прижала к груди. Валя кинулась к ней.

– Маша, ну-ка покажи.

Мария протянула руку: в середине ладони зияла окровавленная рана. Вокруг девушек собралась толпа. Подбежал Николай.

– Что опять у вас случилось?

– Вот, – показала раненую руку Мария.

– Ё-моё, – ужаснулся Николай, разглядывая рану, – идти-то сможешь?

Мария кивнула.

– Бегом с ней в медсанчасть, – приказал Николай, обращаясь к Вале.

Валя оторвала подворот от подола юбки, перевязала им раненую руку и, подхватив Марию под руку, повела её в сторону лагеря.

– Маш, прости ради Бога, – запричитала Валя, – сама не пойму, как это вышло...

– Да ладно, я сама виновата.

В медсанчасти пожилой доктор с седой бородой осмотрел рану и спросил Марию:

– Как же это тебя, девонька, угораздило?

Мария рассказала, как случилось с ней это несчастье.

– Ну что же, – выслушав Марию, сказал доктор, – будем тебя лечить, но предупреждаю: лечение будет долгим и болеть будет первое время очень сильно. Так что наберись терпения.

– А куда деваться, буду терпеть.

– Наташа, – подозвал молодую медсестру доктор, – обработай рану девушке и сделай ей повязку с риванолом, – и, обращаясь к Марии, предупредил, – первое время вам придётся два раза в день приходить сюда на перевязку, утром и вечером, поняли?

Мария кивнула.

Из медсанчасти девушка вернулась в свою палатку. Легла на кровать, руку положила на грудь. Закрыв глаза, попыталась уснуть, но сильная ноющая боль не давала расслабиться. Тогда Мария вытянула раненую руку вдоль тела. Постепенно боль стала утихать, и Мария задремала. Но уснуть ей так и не довелось: прибыл посыльный из штаба и велел явиться в особый отдел к капитану Ведяеву. Придя в штаб, девушка спросила дежурного, как найти спецотдел. Дежурный проводил её до двери кабинета. Мария постучала, из-за двери донёсся громкий голос:

– Войдите.

Мария вошла в кабинет, поздоровалась. Перед ней за столом сидел плотного телосложения мужчина, лет тридцати пяти, с неприятной внешностью и угрюмым выражением лица. Он указал ей на стул. Девушка села.

– Фамилия, – буркнул он.

– Конькова Мария Андреевна.

– Так, значит, это ты занимаешься членовредительством?

– Каким членовредительством? – удивилась Мария.

– Рассказывай, как руку повредила?

Мария без утайки поведала, как приключилось с ней это несчастье.

– Так, всё понятно, преступление по предварительномуговору. Договорилась с подругой, чтобы она тебя слегка покалечила, работать не хочешь!?

– Да какой сговор, – чуть не плача, возразила Мария, – я же говорю, что случайно всё вышло. Да я лучше бы две смены подряд

отпахала, чем такое испытать. Ещё не известно, как заживать будет, а что, если рука загноится, да в гангрену перейдёт? То и руку отнять могут. Я что – умалишённая что ли?

– Зато живая, домой поедешь!

– Как Вы такое можете говорить? Мне замуж выходить, детей рожать. Как я ребёнка держать буду?

– Разжалобить хочешь? На меня это не действует. Я ещё с твоей подружкой поговорю, посмотрю, что она мне здесь петь будет. Если выясню, что членовредительством занимались, обеих под трибунал отдам. Ладно, иди к себе. После ещё тебя вызову.

Мария вернулась в палатку сама не своя. Рука ноет, нет силы терпеть, а тут ещё такое. Девушка опустилась на кровать и разрыдалась, уткнувшись в подушку. Немного упокоившись, легла. В голову лезли страшные мысли: «А что, вдруг и вправду посадит»? Так и пролежала она до вечера в горьких раздумьях, пока не возвратились с работы девчата. Но Вали среди них не было. Часа через полтора пришла Валя, принесла две чашки с перловой кашей и пайку хлеба для себя и Марии.

– На, ешь, – протянула она чашку Марии, – ты чего такая смурная? Болит сильно?

– У меня вот тут болит, – приложив руку к сердцу, ответила Мария, смахивая ладонью навернувшуюся слезу, – особист меня вызывал, грозился под трибунал отдать за членовредительство.

– А ты думаешь, чего я так поздно пришла? – спросила Валя, – меня он тоже к себе вызывал, стращал. Ну я ему и ответила: «Чем ты меня пугаешь? Мы и так в самом аду вкалываем. Сегодня вообще могли от шальной пули погибнуть. Не веришь? Спроси у нашего бригадира, он тебе расскажет».

– И чего он тебе ответил? – удивлённо спросила испуганная Мария.

– Да он сначала ошалел от такой наглости, потом очухался и как заорёт: «Ты с кем так разговариваешь? Да я тебя за можай загоню!» А я ему и говорю: «Не пугай, пуганные. Всех не пересажаешь, кто работать будет? Всё враги мерещатся?! Не там ищешь, а такое, как с нами, с каждым может случиться. В том числе и с тобой». Он как заорёт: «Пошла вон!» Ну я и пошла.

– Зря ты так с ним, он, говорят, человек подлый и злопамятный, не простит. Не боишься?

– Мокрый дождя не боится, а когда сними так разговариваешь, они быстрее поверят, что ты правду говоришь.

На следующее утро Мария пришла в медсанчасть. Доктор осмотрел рану, покачал головой, подозвал медсестру.

– Наташа, посмотри, похоже нагноение начинается. Промой рану и повязку с грамицидином сделай, – и, обращаясь к Марии, успокоил, – не отчаивайся, спасём мы твою руку.

– Да я по другому поводу расстраиваюсь. Меня в членовредительстве обвиняют, под трибунал хотят отдать.

– Чушь какая. Это Ведяев что ли пугает? Ладно, я с полковником Гордеевым поговорю, он человек хороший, в обиду не даст

– Благодарю!

Через неделю рана стала постепенно затягиваться. Мария уже смогла потихоньку шевелить пальцами. А через две недели её определили помогать на кухне. Воды и продуктов принести, со столов мусор убрать. Через некоторое время девушку выписали на работу. Как-то вечером Мария возвращалась из столовой и по дороге встретила капитана Ведяева, он попросил её задержаться и сказал:

– Значит так, Конькова, дело твоё не закрыто и, если я дам ему ход, то срок тебе и твоей подруге светит не малый. Сегодня после отбоя приходи ко мне в кабинет, а там, глядишь, и найдём правильное решение твоего вопроса. Поняла?

– Поняла, – опустив голову, прошептала Мария.

– Ну вот и хорошо. Жду сегодня вечером, завтра будет поздно, не придёшь – пеняй на себя.

Еле волоча ноги, словно они ватные, Мария вернулась в палатку. На душе было муторно. Опустилась на кровать и обхватила голову руками. Подошла Валя, села с ней рядом и спросила:

– Маш, ты что пригорюнилась? Что опять случилось?

– Особиста встретила, говорит, чтобы я к нему сегодня ночью пришла, а то посадит и меня, и тебя.

– Ну и что, – встряла в разговор Галя, соседка по койке, – с тебя не убудет, а там, глядишь, и дело закроет.

– Это с тебя не убудет! – резко оборвала её Валя, – а мы не так воспитаны, чтобы с каждым встречным-поперечным в койку ложиться. Тоже мне, советчица нашлась. Забыла: «Береги платье с нова, а честь с молодая». А ты не бойся, – обратилась она к Марии, – блефует

он, нет у него на нас ничего. Если бы было, он не предложил бы. Не вздумай к нему идти.

Мария легла и так и уснула с этими тревожными мыслями...

С этими тяжёлыми раздумьями девушка решила подойти к одиноко стоящему домику на краю леса. Возле дома за невысоким забором раскинулся небольшой огород. Мария машинально глянула за забор и увидела на грядке три огромных кочана капусты. «Ох ты, какие большие, вот хотя бы один сорвать. Наелась бы досыта и девчат угостила. А то, если не дай Бог, и вправду посадят, буду потом жалеть, что упустила такую возможность», про себя посетовала она. «Пойду сорву пока никто не видит». Только хотела закинуть ногу через забор, и вдруг подумала: «А что, если хозяин дома и смотрит в окно, ждёт, когда я в огород залезу. Нет, пойду от греха подальше». Собралась было уходить, да опять передумала: «А если нет никого вообще, капуста всё равно пропадёт или кто-то другой её сорвёт. Была не была, пойду и сорву, а там – будь, что будет». Но что-то в душе мучило и упорно сопротивлялось такому решению... «Нет, не могу... чужое... не моё... надо уходить пока совсем не стемнело». Мария отошла на несколько шагов, оглянулась и решила: «А может дожждаться темноты и по тёмному перелезть через забор, быстро сорвать кочан и бегом отсюда». Она повернулась, подошла к большому стволу берёзы и, спрятавшись за него, стала ждать пока стемнеет. Внезапно пронзила мысль: «А что, если бы это была моя капуста, и её кто-ни будь у меня украл... Мне бы понравилось»? Решительно развернувшись, Мария быстрым шагом пошла в лагерь.

У палатки её встретила Валя.

– Ты где ходишь? Я тебя обыскала! Ужин давно закончился, пойдём я тебе поесть принесла. Они зашли в палатку, Мария опустилась на кровать. Валя под села к ней, протянула чашку с кашей.

– Ешь.

– Что-то ничего не хочется.

– Что так?

– А то сама не знаешь? Меня в штаб не вызывали?

– А некому вызывать.

– Это как так?

– Этого злыдня, Ведяева, сегодня арестовали.

– За что?

– А нам что доложили? Говорят, приехали четверо на бобике¹, среди них майор НКВД, зашли в штаб, а оттуда вывели Ведяева без портупей и со связанными руками. В бобик затолкали и увезли. Так что кончились твои волнения и страхи.

Мария рывком обняла Валю, прижала свою голову к её груди и разрыдалась.

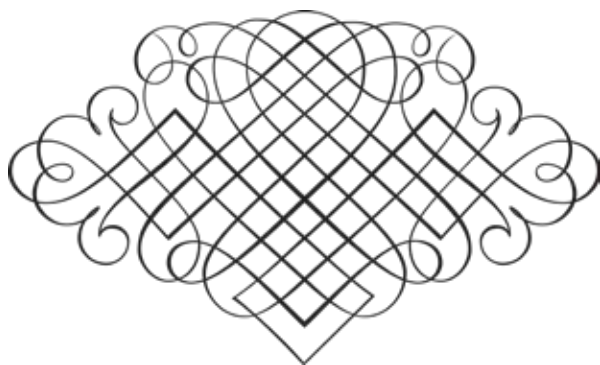
– Чего же ты плачешь, дурёха? Радоваться нужно.

– Так я от радости, – пробормотала Мария.

– Ну ладно, Ешь и спать ложись, а то уже поздно. Завтра рано вставать.

Мария, доев кашу, отнесла посуду в столовую, вернулась и легла в постель. Впервые за последнее время девушка заснула крепким и безмятежным сном.

¹ Бобик – на фронте, так называли внедорожник ГАЗ-67Б

МИХАИЛ СТРАХОВ

Страхов Михаил Владимирович родился в Коломне в 1945 году.

Врач-психиатр, член союза журналистов РФ. Род творческой деятельности – проза. Печатался в московских журналах «Славянка», «Русский дом» и др.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Мне было тогда около 12 лет. Я проводил лето у своей бабушки в Запрудях. Это пригород Коломны. Одноэтажные дома с фруктовыми садами, рядом Коломенка, впадающая в Москва – реку. Много мальчишек сверстников. За мной особенно никто не следил. Требовалось только вовремя приходиться на обед и ужин. Был ещё один строгий запрет – не купаться на «пьяной луке». Напротив Запрудов Москва-река делает крутой изгиб. Течение там очень быстрое, много водоворотов, которые были видны даже на поверхности воды. Каждый сезон там тонули несколько человек, чаще – пьяные. Даже чужие взрослые гнали оттуда мальчишек. Опасное место. Вот оно-то и называлось «пьяной лукой».

Под конец лета приехал из Германии в отпуск мой дядя – офицер. Пригласил он погостить своего друга и сослуживца Степана. Он был высокий, статный, атлетически сложенный, с красивым волевым лицом. Волосы волнистые, русые, глаза голубые. Родом оказался из Сибири. Воспитывался в детском доме, и никого из близких у него не было, наверное, поэтому он к нам и потянулся.

Почувствовали мы мальчишки что-то в нём родное, близкое и Степан ответил нам взаимностью. Всех он помнил по имени, в карманах у него всегда были для нас какие-нибудь гостинцы. Играл с нами в мальчишеские игры, ловил корзиной вьюнов в Коломенке. Родители разрешали нам даже в Москва-реке купаться со Степаном. В нём самом как бы проснулось детство. А было ему, наверное, лет 25 Дядя рассказывал, что Степана и солдаты очень любят, даже на вокзал всем взводом провожали.

Нам очень нравилось, когда он устраивал «карусель». Степан разводил руки в стороны, мы по несколько человек висли на них и на нём самом, а он начинал быстро кружиться. Кружился до тех пор, пока мы не падали на землю. Однажды сосед вышел зачем-то во двор с ружьём. Степан попросил ружьё, вставил указательный палец в ствол и поднял его на вытянутой руке. Такого мы даже ни в одном из фильмов не видели.

Лежало на берегу здоровенное бревно. Мы часто на нём собирались. Любил на нём помечтать и Степан. Смотрел он на воду и, наверное, вспоминал какую-нибудь родную сибирскую Обь или Ангару. Тогда мы ему не мешали и молча сидели рядом. Иногда Степан пел да так, как и по радио не пели. Голос у него раскатистый, звучный и в тоже время бархатистый. Казалось, что пел он не горлом, а сердцем или душой своей. Песни были разные. О просторах Сибири, о могучих реках, о смелых и отважных людях – своих земляках. А когда он пел о замерзающем ямщике, то мы и слёз своих не скрывали. Песню «Широка страна моя родная» Степан пел почему-то стоя. Поднимались и мы, стараясь подпевать. Далеко разносились над рекой слова этой песни. Радость и гордость наполняли наши сердца: мы – граждане такой могучей и необъятной страны.

На другом берегу мужчины и женщины косили траву. Бросали они свои косы, садились на высокий берег и слушали этот необыкновенный концерт. Через реку они кричали, аплодировали, просили что-нибудь спеть, и он пел. Степан никогда, никому и ни в чём не отказывал, и мальчишки брали с него пример. В это лето мы отучивались от слова «нет».

А вот как к нему пришла любовь мы проглядели. Вечерами Степан с дядей уходили в город. Мы предполагали – наверное на танцы. Очень мальчишки опасались, что у Степана кто-нибудь появится. Однажды дядя пришёл домой с незнакомой девушкой. Она

поджидала его, сидя на лавочке. Как же мы гордились Степаном, что у него никого нет, что он не предал нашей дружбы. Решили, что не нужны они ему, эти девчонки.

Оказалось, что всё совсем не так. Как-то Степан взял соседский мотоцикл и предложил мне с ним покататься. На зависть мальчишкам я гордо сел на заднее седло, и мы покатались. Приехали на Непецинские луга. Красота неописуемая. Цветов – море. Оказывается, они-то ему и понадобились. Вот тут тревога и подозрение ворохнули моё сердце. Его ответ на мой вопрос, зачем они ему, ещё более усилил мои переживания. Не успокоили меня его слова: «Потом вам всё расскажу».

Большой букет у нас получился, красивый. Васильки, ромашки, ещё какие-то, названия которых я не знал. Когда дошли до леса, хотел я колокольчиков нарвать. Степан запретил: «Полежи среди колокольчиков в тишине и услышишь, как они между собой пере званиваются, будто переговариваются. В Сибири егерь один рассказывал. Устал он, прилёг отдохнуть и заснул. Снится ему, что колокол звонит, как при пожаре. Вскочил, а к нему рысь крадёт. Едва успел выстрелить. Потом, когда пришёл в себя, видит, что в изголовье, где спал, колокольчики растут. Вот так-то! Никогда их не рви!» В этот вечер ушёл Степан в город в наглаженной форме, с букетом цветов.

Поняли мы, что в нашу дружбу вмешалось что-то очень серьёзное, очень важное и для нас непоправимое. Вскоре солнечным утром мы одни собрались пойти на реку, но всё-таки посматривали, вдруг появится знакомая фигура Степана. И он появился. Лихо подкатил на мотоцикле – весёлый, улыбающийся. Сказал, что на тридцать минут отъедет, а когда вернётся, то вместе пойдём купаться. Мы обрадовались, заскакали, запрыгали и сели ждать.

Через тридцать минут Степан вернулся. Издалека увидели, что он едет не один. Уже заранее у каждого из нас возникло чувство неприязни к ней. Но как только взглянули на неё, неприязни как не бывало. Перед нами явилась сказочная фея. Тогда у мальчишек эталоном женской красоты была Джейн из фильма «Тарзан», но эта девушка – несравненно лучше. Загорелая блондинка, с роскошными вьющимися волосами, большими васильковыми глазами, с распавшимися пушистыми ресницами, статная и в тоже время воздушная, она сразила наши сердца. В своём голубом с цветочками платье она была как полевая бабочка.

– Это моя Лена! – Степан за руку подвёл её к нам. Улыбка у неё была тёплая и удивительно добрая.

– Стёпа мне про вас рассказывал и многих я уже узнала.

С каждым поздоровалась за руку, держалась запросто. А потом весело воскликнула: «Мы же купаться собрались! Давайте наперегонки!». Подняв невероятную пыль на просёлочной дороге, наша ватага припустилась к реке. Степан и Лена держались за руки. Они казались такими же как мы, только чуть-чуть старше.

На берегу разделись и бросились в воду. Плескались, брызгались, играли в догонялки. Лена причёски не берегла, тоже ныряла и даже задорно визжала, когда её ловили за ногу. Степан веселился с нами, но строго присматривал, чтобы от берега никто не отплыл. Потом сидели на берегу разговаривали. Выяснилось, что Лена будущая учительница и сдаёт выпускные экзамены в институте. Мы стали зазывать её в свои школы, но Степан неожиданно сказал: «Не получится, ребята. Лена со мной поедет». Мы притихли. Вот и расставание приблизилось. Помолчали.

Вдруг Лена как засмеётся: «Стёпа! Ты же с часами искупался!»

– Как же я так! – Немного огорчился Степан. – Ничего сейчас на солнце высохнут. Это подарок друзей, – пояснил он, снимая часы. Мы их внимательно рассмотрели. Часы были марки «Победа» на чёрном ремешке, а на задней крышке было выгравировано красивыми буквами: «Степану от друзей! 1950 год».

Перочинным ножиком он раскрыл часы, достал механизм и положил сушиться. Потом посмотрел на нас: «Что-то вы грустные сидите! А я вот сейчас вам мастерский заплыв покажу!»

– Это как? – закричали мы и вскочили. Поднялся и Степан, подошёл к кромке воды, прикинул расстояние до другого берега. Обернулся к нам: «За лето до восьмиста не разучились считать? Как нырну, так начинайте, а я туда и обратно!» Встревожилась Лена, подбежала, стала удерживать. Обнял он её ласково за плечи: «Не волнуйся! Это неопасно!» и нырнул. Когда вынырнул, то действительно показал класс. Он плыл стремительно, как торпеда. Вокруг крутилась в водоворотах вода, но она ему не мешала. Никто не слышал и не видел, чтобы кто-то в этом месте переплывал Москва-реку. Мы стояли вместе, держались за руки и громко хором считали. Лена тоже считала. Было заметно, как напряглось и посерьёзнело её лицо.

Успел вовремя Степан. Когда он выходил из воды, мы бросились к нему, обнимали, чуть не плакали от радости, что живой, да ещё в срок вернулся. А Степан, чуть задыхаясь, уже расставил руки для «карусели». Мы повисли на нём, и он кружил нас до тех пор, пока не свалился вместе с нами на песок. Устал всё-таки.

Но быстро встал, подошёл к Лене, взял за руки, посмотрел в глаза: «Не сердись? Прости ты меня! Очень хотелось ребят расшевелить». Она чуть прижалась к нему и попросила: «Не поступай так больше, нельзя рисковать». Степан посерьёзней: «Обещаю, если только ты разрешишь».

А потом подхватил её на руки и понёс в воду. Мы бросились за ними. Снова смех, крики, брызги воды. Вылезли все из реки весёлые и довольные.

Когда оделись, Степан что-то шепнул Лене, она согласно кивнула головой. Сели на бревно, взялись за руки, мы придвинулись поближе. Степан и Лена посмотрели друг на друга и запели. Как они дополняли друг друга! Так слаженно и душевно пели, что радовались за них наши мальчишеские сердца. Казалось нам, что нет большего счастья вот так сидеть рядом, держась за руки, с любимым человеком, смотреть друг другу в глаза и петь песню о любви. А пели они песню «На крылечке вдвоём».

Когда уходили с реки, Степан обратил внимание на лодки, привязанные цепями к тяжёлой рельсе и закрытые на замок. Он поинтересовался, можно ли у хозяев спросить ключ и покататься. Кто-то из мальчишек пообещал завтра же познакомить его с одним из владельцев лодок.

Степана с Леной провожали до самого трамвая. Они торопились, завтра у Лены был последний экзамен. По дороге домой мы радовались за Степана, что у него будет такая добрая и весёлая жена, и как им будет хорошо вдвоём в этой противной, далёкой Германии. Между прочим, почти все для себя решили поступать в местное артиллерийское училище.

Когда вернулись, кому-то в голову пришла замечательная идея. Всем девушкам дарят цветы, а у Лены завтра такой важный день, значит нужен букет. Всей компанией мы пошли на ближайший луг. Это конечно не Непецино, но цветов мы набрали много. Потом сортировали, приводили в порядок. На ночь цветы поставили в ведро с водой.

Утром надели лучшее, что смогли и двинулись к институту. Букет несли по очереди. Перед зданием института собралось много молодёжи – студентов. Нарядные, весёлые и радостные они оживлённо переговаривались. Одни входили, другие выходили. Двери постоянно хлопали. Ни Лены, ни Степана не было видно. Вдруг выбежала улыбающаяся Лена. Её окружили сокурники. Пора, решили мы.

Самый старший из нас – семиклассник, весь красный от волнения, надвинув кепку на глаза, взял букет. Нелегко дарить свой первый букет, да ещё в таком окружении. Мы издали наблюдали. Вот он подобрался к Лене, и не поднимая глаз, молча сунул ей букет и быстрее назад. Вернулся ещё более красный, кепкой стёр пот с лица и облегчённо вздохнул: «Отдал!». Мы стояли на лавке у жилого дома напротив и всё видели. Раздвигая широкими плечами, в парадном мундире к Лене пробирался Степан, а она, увидев его, сама рванулась на встречу. Он обнял и поцеловал её. В руках у Лены было уже два букета. Она ему что-то сказала. Степан поднялся на ступеньку, огляделся и увидев нас, помахал рукой. Когда они подошли, Лена бросилась обнимать нас, некоторых даже поцеловала, а Степан стоял и как-то необычно серьёзно на нас смотрел. Потом подошёл и крепко каждому пожал руку: «Спасибо! А, впрочем, что это я!» Он вытянул руки по швам и торжественно произнёс: «Благодарю за службу!» А потом с благодарной улыбкой закончил: «Я никогда этого не забуду!»

Пока расспрашивали Лену, как прошёл экзамен, он куда-то ушёл, а вернулся с картонной коробкой, где было мороженое. Каждому досталось по два брикета. Видно хотелось им побыть вдвоём, и мы это поняли. Дошли они до поворота, повернулись и помахали нам руками. Мог ли я тогда подумать, что вижу Степана последний раз. На следующий день меня отправляли в пионерский лагерь.

Через две недели на родительский день я услышал от отца страшную весть. Степан, как и хотел, получил ключи от лодки. Вечерами они с Леной катались вдоль берега. В то время колёсные пароходы таскали на буксире за собой баржи. Их соединял трос метров пятидесяти длиной. Он висел над водой на высоте метра, может чуть выше. Величественное это было зрелище, даже страшное. Когда надвигалась громада баржи, с тяжким шумом подламывая под себя волны своим тупым носом, казалось, что ничего не может противостоять этой мощи, всё ломает, всё задавит, всё подомнёт под себя.

Эта трагедия случилась вечером. На нашем берегу рыбаки удили рыбу, а на другом гуляла женщина с ребёнком лет четырёх, Берег тот обрывистый, высокий, метра три – четыре, весь в ласточкиных гнёздах и вода сразу под берегом. Показался пароход с баржей. Степан в этот раз держался ближе к середине, видно хотел с Леной на волнах покачаться.

Пароход уже в метрах пятидесяти от них был, когда на том берегу мальчик с обрыва в воду упал. Мать как закричит, Степан услышал. Развернулся и хотел перед пароходом проскочить, но видно понял, что не успеет. Прошёл пароход. Мать в крике заходится, старается к воде спуститься, а мальчика отливом уже в глубину понесло. Степан и принял решение. Не мог он иначе поступить, видя, как ребёнок погибает. Лена наверняка согласна была, потому что – будущая мать и одного бы его не оставила из-за преданности и любви. Пароход отчаянно гудел, видела команда всю картину. Да остановится нельзя – сильное течение, поворот, снесёт на берег. Когда Степан поравнялся с серединой троса, могучими гребками рванул лодку под него, чтобы переплыть на другую сторону. Он так сильно грёб, что сломалась лопасть одного весла. Теперь не мог он вырваться из кильватерной струи парохода. Закрутило лодку и потащила её клокочущая вода под смертельно надвигающийся нос баржи.

Понял Степан, что вдвоём не спастись. Схватил он Лену, поднял на вытянутых руках и изо всех сил бросил из-под баржи. Сам не успел. Лену спасли рыбаки, которые её откачали и на скорой помощи отправили в больницу. Ребёнок тоже утонул, нашли его в этот же день. Степана искали неделю. Спасатели, водолазы, милиция, местные жители бродили по берегам, неутомимые мальчишки лазили по прибрежным кустам. Трудное было тогда время. Недавно умер И.В. Сталин, в стране сложная обстановка, не до поисков. Так Степана и не нашли.

Скорбь была в Запрудах. Женщины плакали, мужчины курили, вздыхали: «Какой мужик погиб!» А ведь фронтовики были, сколько смертей насмотрелись. В сердцах поругивали несчастную мать ребёнка за недосмотр. Да и что её ругать, если саму замертво в больницу отвезли. Запомнился людям Степан. Полюбили они его за широкую, удалую натуру, за бесконечную доброту к людям и детям, за героическое мужество в последний момент его жизни. Для мальчишек он остался настоящим героем, вплоть до

тех лет, когда пришло время выбирать своё место в жизни и многие выбрали службу Родине. Они стали офицерами. В сентябре того трагического года на учительский стол легло много сочинений на тему: «Как я провёл лето», где главным героем был Советский офицер Степан. Он из тех, у кого было право на слова: «Честь имею!»

Прошло 10 лет. Я недавно получил диплом об окончании института. Гуляя по улицам родного города, прощался с ним, мечтая о будущем, как вдруг неожиданно был возвращён в своё детство. Ко мне навстречу шла Лена, ведя за руку уменьшенную копию Степана. От растерянности я даже прошёл мимо них. Только потом, обернувшись, позвал её. Уже рядом она внимательно меня рассматривала, даже шевелила губами, вспоминая. Я назвал себя. Ещё секундная пауза, глаза её увлажнились и Лена обняла меня. А, когда отстранилась, то всё разглядывала, как бы уходя в прошлое.

Видел и я наметившуюся морщинку между бровей, похудевшее, но всё ещё красивое лицо. Собранные в пучок волосы и отсутствие задорного девичьего блеска глаз, всё это вместе придавало её облику строгость и давнюю, потаённую грусть.

– Ты совсем не изменился, только повзрослел, – голос её звучал чуть глуше, чем 10 лет назад. Она вздохнула: – Всё как будто недавно случилось. Саша! – Она обратилась к мальчику. – Этот молодой человек знал твоего папу. Из-под соломенной пряди волос на меня глядели глаза Степана, только без искорки смешинки как у него, а внимательно и испытующе. – Ты может что-нибудь вспомнишь? – попросила Лена.

От волнения я замешкался и здорово волнуясь, начал: «Нас было человек пятнадцать. Мальчишки разного возраста и даже такие как ты. Мы все его любили, да и взрослые тоже. Спроси кого хочешь в Запрудах, любой скажет. Правда, Лена?» – я с надеждой обратился к Лене, ища её помощи. Никогда не думал, что придётся сыну Степана рассказывать про его отца.

– Мы ездили в Запруды, там многих встретили. Саша подрастает и всё спрашивает, а я уже рассказала, что могла. Вот мы и обрадовались, когда тебя встретили. Да, Саша? – Не отрывая от меня взгляда, мальчик только согласно моргнул.

– Лена, давайте сядем, так быстрее с мыслями соберусь, всё так неожиданно!

Скамейка к счастью оказалась неподалёку. Мальчик сел рядом со

мной. Я на мгновение закрыл глаза. Это помогло переместиться в то давнее жаркое лето, а потом стал рассказывать сыну о его отце с азартом двенадцатилетнего мальчишки. Рассказал всё, что помнил и переживал в то время. Саша неожиданно положил свою руку на мою, так и слушал. Лена тоже разволновалась, прикладывала платочек к глазам.

– А вот как твой папа погиб, только по рассказам знаю, – я закончил рассказ и вытер ладонью лоб. Нелегко дались воспоминания.

– А, мы ведь с мамой папку нашли! – Саша как-то выпрямился и гордо посмотрел на меня. Я оторопело взглянул на Лену: Как это нашли?

– Да, нашли мы с Сашей Степана. – Лена грустно улыбнулась. – Саша, – она открыла сумочку и достала деньги. – Пойди, купи нам всем мороженое, да не торопись.

Ларёк с мороженым находился в метрах ста от нас. Было жарко и там виднелась очередь. Саша соскочил с лавки и в начале в припрыжку, затем оглянувшись на нас, пошёл не спеша.

– Нарочно его отослала, очень переживает, когда про гибель отца слышит.

Лена вздохнула и чуть дрожащим голосом начала: «Когда мы услышали женский крик и увидели мальчика в воде, Степан мне приказал: «Прыгай! Плыви к берегу!» Я растерялась, да и не могла его одного оставить. «Нет! – кричу ему, -Только с тобой!» Так из-за меня время потеряли, послушалась, успел бы Степан перед пароходом проскочить. А как мать заголосила, так он решение и принял. С парохода кричат, мать вроде на берегу упала. Только корма парохода мимо нас прошла, Степан изо всей силы мне: «Прыгай, я сам, вдвоём погибнем!» Я в лодку вцепилась: «Нет! С тобой!» Развернул Степан лодку и под канат. Если бы ты видел, как он грёб – всё лицо в венах, рубашка на груди лопнула. И тут ровно под канатом сломалось у него весло. Закрутило нас, а баржа – вот она. Схватил меня Степан, поднял, а я даже лица его не видела, и бросил прямо из-под баржи. Услышала только последний крик: «Береги...!» Больше ничего не помню. Очнулась на берегу.

Лена тяжело вздохнула и с каким-то облегчением откинулась на спинку лавки, как будто сняла с себя тяжёлый душевный груз. Я хотя был готов выслушать этот рассказ, но не мог вымолвить ни слова. Помолчали.

– А, что же дальше Лена? – тихо спросил я. Она вроде пришла в себя, чуть улыбнулась уголками рта, посмотрела в сторону киоска: «Сейчас Саша подойдёт, это можно и при нём рассказать. Так вот! Очнулась я на берегу, рыбаки меня вытащили, откачали, а потом в больницу отправили, там мы в одной палате с матерью утонувшего мальчика оказались. Я как в забытьи была, кололи нам успокаивающее. А как пришли в себя, сидели мы вместе, плакали и ругали себя почём зря. Я за непослушание, она за то, что сына не усмотрела. А вот и мой Саша.»

Довольный выполненным поручением, он протянул нам по брикету мороженого: «Самые большие выбрал!»

– Вот здорово, нас таким же твой папа угощал! Правда, Лена! – Она кивнула головой, а лицо мальчика засветилось улыбкой. Саша принялся за мороженое, мы не стали. Лена продолжила свой рассказ.

– Вот так сидели мы однажды, подходит к нам старушка нянечка: «Смотрю на вас девоньки и думаю – ведь лекарство вам не поможет. Надо к Богу обратиться. Пойдите в церковь, покайтесь, помолитесь за своих, ведь их отпеть надо бы». Запомнила я её слова. Вскоре выписали меня. Мама, подруги утешали, жалели, диплом получила, в школу учительницей распределили. Пришла вроде в себя, а боль душевная осталась. Через некоторое время почувствовала я, что у меня ребёнок будет. У нас ведь заявление в ЗАГС лежало. Тогда-то я и поняла, что означало – это прощальное Степана: «Береги...!» Думал он, что ребёнок у нас будет. Вот я решила и настроила себя – должен быть мальчик. Радостно было, ведь кровинушка Степана. Если бы ты знал, как я его любила!

На глазах у Лены появились слёзы. Саша увидел, пересел к матери, обнял её: «Мама, не плачь, ведь я у тебя есть.» У меня и самого слёзы навернулись, и я не стесняясь вытер их ладонью. Лена успокоилась.

– Я ведь комсомолкой была, а слова старушки санитарки помнила. С детства крещёная, а крест не носила, только галстук пионерский, да значок комсомольский. Пошла я в церковь, одна она тогда работала. Никого нет, ходит старушка в чёрном. Я к ней, рассказала про свою беду. Позвала она священника. Он седой, старенький такой. Подошёл и говорит мне: «Ты ведь в церковь не ходишь, а раз уж пришла, то пусть вместо разговора у тебя исповедь будет.» Повела

я ему всё, что на душе было, всё самое сокровенное. Отпустил мне грехи, а потом сказал: «Воина отпеть надо, а ты небось не знаешь крещёный он или нет.» Конечно я не знала. Священник подумал и решил: «Ведь геройский поступок он совершил. Погиб, спасая ребёнка и тебя, вроде как за други своя. Честь офицерскую имел. Отпою я его, если что, на себя грех приму, но ребёнка крестить обязательно, и сама крест носи, хоть и учительница». Отпел он Степана. Были только я и мама.

– Легче у меня на сердце стало и впервые после гибели Степана я вздохнула полной грудью, а то ведь в пол дыхания жила. Стала работать учительницей, полюбила свою профессию, помнила, как Степан детей любил. Родился, как и ждала, мальчик. Назвала его Сашей, как того погибшего парнишку. Растила его и вырастила. Отчество у него по отцу и фамилия его будет. Он у меня весь в Степана, – с гордостью сказала она. – В церковь хожу, молюсь за Степана, за сына, за себя грешную. Не покидали меня мысль и надежда, что вдруг какая весть о Стёпе придёт. Саша тоже ждал и верил.

Лена поцеловала сына, а он поторопил её: «Мама! Ты расскажи, как мы папу нашли!» Она покрепче прижала его к себе: «Три года назад поехала наша школа в Константиново, в музей Есенина. Я Сашу с собой взяла. После музея пошли мы по берегу Оки погулять, а там ещё полевая клубника росла. Вот мы идём по берегу ягоды собираем, а у меня на душе как-то беспокойно. И вот видим прямо над обрывом крест стоит, большой, в человеческий рост. Подошли, смотрим, а на кресте табличка, потемневшая, с одним только именем «Степан» и дата – 1953 год. Я на мгновение как сознание потеряла – вот и встретились. Села я на землю и сердца своего не чувствую, Саша ко мне. – Сынок, – говорю ему, – Мы вроде папу нашли.» Он как вскочит, крест обнял и плакать: «Папа, папа!» Я ему – мол вдруг не он. А Саша: «Он, он! Я знаю!» В это время снизу поднимается мужчина с вёслами. Поднялся, мы к нему. Я спрашиваю: «Не знаете, кто здесь похоронен?»

– Как не знать, сам крест ставил. Только это не могила, крест памятный.

– Скажите, а кому крест поставлен?

– Чего не рассказать. Я ведь здесь бакенщиком работаю. 10 лет назад это случилось. Вечером бакен зажёг, причалил к берегу, а он здесь и лежит. Я милицию вызвал. Осмотрели – документов нет,

только часы на руках.

Я еле выдохнула: «Какие часы?»

– Как сейчас помню – «Победа», а сзади надпись: «Степану от друзей и год 1950»

Обняла я сына: «Саша, твой папа нашёлся,» а бакенщику говорю: «Это мой муж! – Впервые я Степана мужем назвала. – Где же его похоронили?»

– Вот этого я не знаю. Просил я часы оставить. Думалось мне, что вдруг родственники найдутся. Тело в Рязань увезли. А крест поставил, чтобы издалека было видно.

Я сказала, что мы из Коломны. Он и предположил, что тело зацепилось за руль баржи или ещё за что, поэтому здесь и оказалось. Мужчину звали Пётр Фёдорович. Он пригласил нас в свою сторожку пить чай. Там я ему всё рассказала. Он сокрушённо покачал головой: «Видать хороший был человек, правильный. Настоящий офицер, видел я таких в войну!» Мы с ним не прощались, потому что знали, что с этим местом связана наша последующая жизнь.

Лена надолго замолчала, молчал и я. Мороженое стало потихоньку таять, но мы не обращали на него внимания.

– Лена! А дальше-то как? – я первым прервал молчание.

Она вдруг улыбнулась: «Что же мы мороженное не едим, уже всё растаяло!» Но сама есть не стала, отдала сыну. – «Узнала я в Рязани, что опознали Степана и похоронили на городском кладбище. Сказали, что с воинскими почестями. На могиле памятник со звездой, а мы там и крест поставили. Теперь у нас два памятных места в Рязани и здесь на берегу. Летом мы привозим цветы с Непецинских полей, ведь с них и началось наше со Степаном знакомство.

– Лена! А ведь сбылась твоя надежда о встрече!

– Крепко верила, да и Саша должен был найти отца! Поэтому и сбылось! – Она посмотрела на часы: «Вот и время пришло. Пора прощаться.»

Мы обнялись, она пожелала мне счастья и незаметно для окружающих перекрестила. Я протянул Саше руку. Он неожиданно по-мужски крепко пожал её. Нахмурился. Серьёзно и твёрдо сказал: «Я буду офицером, как мой папа!» У меня и сомнений не было, когда я глядел им вслед. Они шли рядом: преданность и сыновняя любовь. Несомненно, придёт время, когда Саша поднесёт руку под козырёк офицерской фуражки и заслуженно скажет: «Честь имею!»

АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВ

Александр Фёдоров родился в 1986 году в посёлке Сергиевский, где проживает в настоящее время. С детства занимается музыкой и литературой. Автор трёх сборников прозы и поэзии: «Мечта продолжает жить», «Делай добро» и «Дорогу осилит идущий». Многократный победитель и призёр различных литературных и музыкальных конкурсов и фестивалей. Основатель и руководитель музыкальной группы «Свободное мнение»..

ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ

В эпоху шумных новостей,
Кредитных карт и соцсетей
Нам нужно помнить про людей,
Служивших Родине своей.

Мы не забудем о парнях
И о солдатских матерях,
Терпевших пытки в лагерях,
Но не сдававшихся в боях.

Давайте вспомним о тех, кто нашу Родину спас,
Кто рисковал своей жизнью, сражаясь за нас,
И чтобы память хранить о героях своих,
Вспомним их, вспомним их...

Давайте помнить о тех, кто нашу Родину спас,
Кто, не щадя своей жизни, сражался за нас,
И чтобы нам не забыть о героях своих,
Вспомним их, вспомним их!

ВЛАДИМИР ХОЛМАНСКИХ

Родился в 1952 году в г. Иваново, в семье военного, а через год отца перевели служить в военный городок недалеко от Черноголовки. В 1963 году переехали в Коломну. После КВАКУ и 6 лет службы офицером, вернулся в Коломну. Стихи стал писать в 47 лет. К стихам придумываю музыку и иногда исполняю песни под гитару. Был лауреатом и дипломантом фестивалей и конкурсов авторской песни.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ночь... бессонница у деда...
«Беломор» дымит в горсти –
Сын привёз ко Дню Победы:
«Не нашёл махры, прости!»

Дым-то есть да толку нету,
Не табак - трава-травой!..
Не сравнить его, вообще-то,
С той махоркой - фронтовой!

Отодвинул в угол пачку,
Выражая свой протест,
И, кряхтя, полез в заначку –
Скрипнул жалобно протез.

Высек искру из «катуши»,
Затянулся от души...
«Пусть врачи не дуют в уши -
Это яд?.. Ну, не скажи!..»

Праздник наш не за горою,
Всенародный - без прикрас!
В прошлый раз нас было трое,
Сколько ж будет в этот раз?..»

За окошком дождик ливнем
Разошёлся, но тепло...
«Много нас на Украине
И в Прибалтике легло.

В этих странах, у «гарантов»,
Продолжается возня:
Мол, мы были оккупанты
И враги, а не друзья!

В Риге снова стяг фашистский
И «хайль Гитлер» до небес!
На брусчатке - строй латышский
Из дивизии «СС»!!

Что ж такое, в самом деле,
Воевал, выходит, зря? –
Я ж под Харьковом подстрелен,
В Риге - ногу потерял!..

Ночь... бессонница у деда...
Заалел восток уже...
И светлеет тихо небо,
Только пасмурно в душе...

КРАЙНИЙ

«Выходи по одному!» - мне кричали.

«Руки в гору и давай!» - вот и вышел...

*Вспоминайте нас за водкой и чаем, -
Ведь зачем-то в мире были мы с Мишей?..*

**Из песни Шухрата Хусаинова «Выходи
по одному!»**

Я – последний из живых, крайний в отделении,
Да и мне, видать, кирдык – есть такое мнение.
«Чехи» думали, что здесь окопалась рота,
Накидали нам «эрес», аж тошнит до рвоты.

Нету кухни, нет врача... Как-то всё некстати,
А помирать, да натошак, что-то мне «не катит».
Где «вертушки», где десант, танки, кавалерия?..
Ведь бывают чудеса даже тут, в Ичкерии!

Только поздно... всё, хана! Не поможет рация:
«Руки в гору!» - ни хрена! - и затвором клацаю...
Ну, пожалуй, мне пора письма жечь и фотки:
Приближается орда, надрывает глотки!..

А может, сдаться?.. Мне же «влом»,
Что ТАК жизнь кончается!..
Так отрежут на живом, что на плечах качается!
Нет уж, дудки, потерплю, выжду ставить точку,
Я ж компании люблю – скучно в одиночку!..

«Ф-1» прижал к груди –
Для себя, последние,
Я – последний из родни,
Крайний в поколении!

Далеко от этих мест
Мама плачет, верно...
А я – один, один, как перст,
Сталинград мой здесь и Брест!!
И не сдамся – хрен вам!!!

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Из моего окна видать
Лишь неба клочок тетрадный,
Но всё равно могу понять,
Что в мире всё неладно.

Вооружаются везде,
На всех концах планеты...
Висит ружьишко на гвозде,
А мне нужны сонеты.

И хоть прошёл двадцатый век,
Его мне не забыть –
Ведь жил бесправно человек
(И так же будет жить)...

А штык войны кровлицу пьёт,
Бегут в грязи солдаты...
Свинцовый дождик льёт и льёт
На города и хаты.

«Как встретишь – так и год пройдёт» -
Такая есть примета.
И снова с кровью год идёт,
Опять стреляют где-то...

Двадцатый век закончил бег
В войне, в крови и в столах,
А на пороге – новый век,
В неношеных погонах.

АНАСТАСИЯ ШАНДРОВА

Шандрова Анастасия Михайловна, 16 лет. Родилась в Коломне. Учится в 10 классе, 5 лет занимается в объединении «Пегасик». Пишет прозу. Умеет в немногих словах выразить главное. Победитель и дипломант Российских, региональных и муниципальных конкурсов; имеет публикации в сборниках «Серебро слов». Изучает историю родного края, любит гулять по улицам Коломны, каждый раз заново открывая для себя новое.

В ПЛАМЕНИ ЗАКАТА...

*И мир проходит, и его желания,
а исполняющий волю Бога будет жить
вечно.*

Иоанн Богослов

Над Коломной медленно остывал закат. Кто-то невидимый плавно взмахивал широкой кистью – и неторопливо, но уверенно накладывал слой за слоем краски, не дожидаясь, пока высохнут: ослепительно оранжевый... розовый... фиолетовый... красный... багряный... Закат плыл над Мемориальным парком и, казалось,

вбирал в себя языки пламени Вечного огня. И было тихо в парке. Лишь изредка вдали поскрипывал на повороте трамвай. «И мир пригож, и все на свете живы». Спокойно дышал родной город, но здесь, у огня памяти, нужно слушать собственное сердце. Слушать и слышать...

Война. Память об этом страшном событии живёт в каждом человеке. Столько слёз, боли и крови только в одном слове!..

Под окном дома, где живёт моя бабушка, уже много лет растёт рябина. Глядя на неё, прохожие улыбаются, а в глазах мелькают красноватые огоньки – отражения ягод. Пробегают по лицам светлые тени колеблющихся ветвей. Но никто не отбрасывает рукой эти тени, словно хочет сохранить солнечное тепло и добрый свет.

Бабушка рассказывала, что рябина – наследница дерева, которое посадил её дед в тот год, когда вернулся с войны. Посадил в знак благодарности за жизнь и в память о погибшем фронтовом друге. Вот и напоминают красные ягоды о пролитой крови, а тонкие зелёные листья – о вечной жизни.

Война коснулась всех. И сегодня о ней напоминают не только монументы и музейные экспозиции, песни и книги воспоминаний. Это и колонны «Бессмертного полка». А самое дорогое хранится в скромных семейных архивах: награды, пожелтевшие треугольники писем, «похоронки». И порой уже никто не может раскрыть ещё одну скорбную тайну войны.

Иногда можно услышать о том, что «это был долг – защищать Родину». Бесспорно. Но на фронт уходили и те, кому не было 18 лет, кто думал не о славе и подвигах – о родной земле, о родной семье. В тылу работали старики, женщины и дети.

У Вечного огня время возвращает нас назад, помогая понять, как неповторимо каждое мгновение жизни. И надо уметь ценить и беречь то, что тебе дано Богом.

А над Мемориальным парком медленно плывёт закат, замирая на мгновение над пламенем Вечного огня. Драгоценный отблеск ложится на землю, и она вбирает в себя каждую искорку. Сквозь торжественные краски видны белые облака – души тех, кто ушёл в Вечность.

ОЛЬГА ШИРОКОВА

Ольга Борисовна Широкова закончила МЭТС, МАМИ.

Занималась в литературных объединениях: «Зелёные цветы», «У Грановитой». Выпустила книги: «Солнечный день» (1993 г.), «Шалунья» (1997 г.), «Госпиталь» (2008 г.), «Помощница» (2012 г.), «Свет надежды» (2012 г.).

Проведены творческие вечера: «Свет надежды», «Родник души».

Организованы фотовыставки: «Учусь я слушать тишину», «Лики России».

Занималась в творческом объединении композиторов и поэтов-песенников Подмосковья. Является лауреатом международного конкурса «России верные сыны». Печаталась в периодической печати и коллективных сборниках. Член РАО

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

Солнца тёплый комочек
В тихую речку скатился,
Негромко звенел колокольчик,
Негромко, но было слышно.

День встречался с ночью,
Тьма наступала быстро,
Но вы поверьте, люди,
Утро должно повториться.

Утро должно повториться
Завтра и послезавтра.
Ракетам в небе нет места,
Пусть они не летают.

Пусть они не летают
Над нашей красивой планетой,
Пока звучат набатом
Колокола Хатыни,
Пока живут в нашей памяти
Журавли Хиросимы

ТЫ ЕЩЁ НЕ УБИТ

Ты ещё не убит, безымянный солдат,
На просторах от дома далёких.
И родные подолгу ночами не спят,
О путях рассуждая господних.

Ты ещё не убил, ты ещё не убит,
Только пуля уже ожидает.
Заготовлен уж кем-то холодный гранит,
Разум наш так порой поражает.

Где-то в диких краях, для кого-то родных,
Чья-то песня на взлёте сорвётся
И расколется мир на своих и чужих,
Дождь на землю слезами прольётся.

БАЛЛАДА О СОЛДАТСКОМ ТЕРПЕНИИ

Простое слово «перевязка»,
И снова вспомнилась война.
«Терпи, солдат, крепка повязка.
Труднее были времена...»

Зовут меня: «Иди на выход!»
И в процедурной медсестра,
Свой долг стараясь делать тихо,
Льёт слезы молча, как вчера.

Окончено. Бинтов кровавых
В тазу объёмная гора.
«А ты, браток, серьёзный малый:
Терпел сегодня и вчера».

А завтра утром спозаранку
Вновь будут думать в тишине:
«Терпели наши деды раны...
Часть доли их досталась мне».

«Терпи, солдат», - сестра попросит, –
«Терпи, браток!» - Так врач сказал.
Пусть на душе сплошная осень,
Но верю, что придёт весна.

И вспомню дома я когда-то
Через далёкие года:
«Терпи, солдат!». И словно мама
Мне руку ласково дала.

Свой крест несу я молча, всё же
Мои страдания велики.
Ты помоги мне, святой Боже,
Терпеть молитвами Луки.

Святителя, врача-хирурга –
И не такое он видал.
С молитвой, каждого, как друга,
От смерти он солдат спасал.

Молитвами Луки святого
Терпеть мне, Боже, помоги.
Зовут на перевязку снова...
Помилуй, Боже, укрепи!

СОН СОЛДАТА

В сапогах и каске спит солдат бывалый,
После перехода утомлён, усталый.
Как же ноют ноги, стёрты до мозолей,
И плечо от груза всё ещё болит.

Припев:

Снится, снится речка, речка голубая
Да широко поле без конца и края.
Снится и тропинка близ берёзки с ивой,
И на белом свете нет его счастливей.

Будут переходы – он готов к сраженью,
Жили б только в сердце мир и удивленье.
Верю, что солдату счастье улыбнётся,
Всё преодолеет и домой вернётся.

Припев.

Часто молит мама: «Господи, помилуй!
Укрепи солдата, даруй ему силы!»
Просит и девчонка: «Боже милосердный!
Помоги солдату отслужить усердно!»

Припев.

ГРУЗ НОЛЬ - ДВАДЦАТЬ ОДИН

(разговор брата с сестрой)

Умер отец-фронтовик, и сестра
Брату однажды вопрос задала:
– Что это – груз «ноль – двадцать один»?
Вопрос прибавил брату морщин.

– Груз этот, можно сказать, – золотой,
Омыт скупой солдатской слезой.
Только, послушай, тебе-то зачем
Знать о войне – других нет проблем?

Ладно, отвечу, сама нарвалась.
Видно, такая мне жизнь задалась...
Нет, не могу говорить, помолчим.
Долго мы с братом на кухне сидим.

– Ты подожди, я сейчас подойду, –
Фото принёс – лейтенант на плацу.
– Этот весёлый парнишка – брат мой.
Связаны мы с ним одною судьбой:

Ранен я был – он меня тогда спас,
Вынес из боя, довёз в медсанчасть.
Кровь оказалась нужна для меня –
Дал он свою. Вот такие дела.

Выжил тогда я – снова служу.
Весть получаю: погиб он в бою.
Фото теперь его берегу –
Стал мне родным лейтенант, – я молчу.

– Ну, теперь-то, сестра, поняла,
Что значит груз тот всегда для меня?
– Нет, не совсем... – Лучше уйди!
Гроб лейтенанта –
 груз «ноль – двадцать один»!

А сына ждала на родине мать.
Ей довелось груз получать.
Доставили груз «ноль – двадцать один».
А матери снится – жив её сын!

Всё расспросила иль хочешь ещё?! –
Войну ты видала только в кино.
А знаешь, сестра, оно хорошо,
Если б война была только в кино...

НА РУБЕЖЕ

*80-летию начала
Великой Отечественной войны
посвящается...*

Рвутся в небо берёзы,
Светом солнца полны.
Их зелёные косы
Дождались до весны.
Светом солнца залиты
Поле, пашни, луга,
И мы все ещё живы,
Не убиты пока.

Припев:
Стойкости духа нас учат берёзы
Под ветром суровым держаться, расти.
Боже, прими покаяния слёзы,
Помилуй Россию, спаси, сохрани.

Рвутся близко снаряды –
Бой мы примем, друзья.
За спиною – Отчизна,
Отступить нам нельзя.
Всё, что дорого сердцу,
Что мы любим, храним,
От врага, как невесту,
Защитим, защитим.

Припев:
Стойкости духа нас учат берёзы
Под ветром суровым держаться, расти.
Боже, прими покаяния слёзы,
Помилуй Россию, спаси, сохрани.

РАССКАЗ ТАНКИСТА

*«Я только раз видала рукопашный.
Раз – наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно –
Тот ничего не знает о войне».*

Юлия Друнина

*Посвящается моему отцу,
Куралину Борису Николаевичу,
ветерану Великой Отечественной войны
(28 августа 1921 г. – 18 февраля 1988 г.)*

(разговор отца с детьми – сыном и дочерью)

– Много ли это, двадцать один? –
Мой брат у отца сегодня спросил.

– Это смотря в какое время:
В мирное – мало, ещё ты незрелый.
В военное время – это, сынок,
Очень большой для жизни срок.

Мне сравнялось столько
Летом сорок второго.
Был я, ты знаешь, танкистом в войну.
В двадцать один побывал я в аду.
Слышал, должно быть, битва под Курском
Деревня Прохоровка,
станция Солнцево.

И под Ивановкой были бои.
Деревню Свинец тогда немцы сожгли...
По несколько раз из рук в руки
Переходили дома-разрухи.
Освободили тогда мы Ивановку,
Сколько погибло наших Иванов там...
И из Гвоздёвки фашистов выбили,
Много немцев нашло там могилу.
И мы

большие

оставили силы:

Смерть подряд всё живое косила,
Кострами
танки наши пылали,

И парни лежали, парни...
Моих ровесников было много:
Кто с двадцатого,
Кто с двадцать второго.
Да... Под Курском мы победили,
Но немцы ещё на земле нашей были,
На этом война не кончилась.
Вот экипаж мой, сын, познакомься:
Командир машины – лейтенант Хоменко,
Куралин – механик-водитель,
Стрелок – Шпак Иван
 и радист - Николай Дзюба.
Новый танк мы тогда получили,
«Тридцать четвёрку» свою полюбили,
Но в одном из боёв
 под деревней Шиловка
Машину нашу снарядом разбило.
Замолчал отец, задумался...
– А как же ребята твои, пап? –
Не выдержал младший брат.
– Не мешай, погоди, – тихо отец говорит.
Николай Дзюба, наш радист,
Прямо в танке наповал был убит.
Командиру челюсть оторвало,
Мне осколок прошил всё лицо,
Перебив нос и щёку разворотив.
Не сразу я понял, что остался жив...
– А как же стрелок Иван Шпак?
– Не знаю, сынок, не вспомню никак...
– Да, но не было б у вас отца,
Если б не смелая медсестра:
Танк от пожара плавился,
А огню – какая разница –
Убит человек или ранен только,
Хотя без сознания – огню привольно.
И, страх победив, медсестра
Из горящего танка достала меня.
Помню только – комбинезон синим был,
А как загасили огонь и дым,
Не помню, не помню: где я? Что я?

Дальше – прифронтовые госпиталя:
В Борисоглебске лежал я лето,
Две операции

хирург мне сделал.

Потом переправили в глубокий тыл,
В городе Фрунзе я долго был.

Ещё

операций

было много.

Не могу вспоминать, сжимает горло,
Как вспомню запах бинтов кровавых.
Знаешь, дочь, отдышусь я малость.

Закурил отец, а я думала:

– До чего же Победа трудная,

До чего же война жестокая,

Пусть то время уже далёкое.

Догорела его папираса,

А отец ко мне вдруг с вопросом:

– Да зачем вам знать это?

Вон небо – синего цвета,

И войны проклятой нету.

Посмотри за окно – цветёт весна...

– Я хочу, чтоб не повторилась война!

– Ну, да ладно, слушайте дальше.

Комиссией признан – нестроевые части.

В Нижний Тагил

Направлен я был,

Поступил в распоряжение

Автобронетанкцентра.

А уж оттуда вот –

На передвижной танкоагрегатный

ремонтный завод.

И всю остальную часть войны

Танки в прифронтовом лесу ремонтировали мы.

Работы хватало – тяжёлые были бои.

И нам доставалось трошки,

Когда начинались бомбёжки.

Немцы, как собаки, были злы,

Что наступали мы,

И бомбы с неба бросали –

Друга тогда убило снарядом.
А были мы все молодые ребята!
Кто – с двадцать первого,
Кто – с двадцать пятого.
Посчитай, сорок четвёртый шёл год:
По двадцать лет нам было ещё.
Жалтиков Николай
 из Средней Азии был,
А Шувалов Валентин – из Москвы,
И Коля Гаврилкин.
– И что ж, погибли они?
– Знаешь, не помню... Бомбили...
Раненых мы в машины грузили,
А мёртвых в лесу хоронили...
С боями дошли мы до Кёнигсберга.
Так досталась народу Победа.

Вот и думай теперь, сын,
Много иль мало – двадцать один!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*«Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою
за други своя».*

(Евангелие от Иоанна 15 глава, 13стих)

Отпыхала, отгремела,
Давно окончилась война.
Но помнит сердце ветерана
Друзей погибших имена.

И вспоминаются ребята,
Что пали в страшных тех боях:
«Простите, слышите, солдаты,
Что столько лет живу без вас.

Ах, Николай, Иван, Василий,
В огне погибли вы, друзья».
И, кажется, что вся Россия
Скорбит у вечного огня.

Ах, Николай, Иван, Василий...

ПАМЯТЬ - РАНА

Застыло небо в безмолвном крике:
Горели парни в подбитом МИГе.
От слёз и горя я задыхаюсь
И словно сердцем к ним прикасаюсь.

Припев:

Прости, друг Колька, прости, Серёга,
Что руки к звёздам – вам не подмога.
Прости меня, Олег Степанов.
А самолёт горел и падал.

Застыло небо в безмолвном крике –
Взрыв! Все погибли в сгоревшем МИГе.
А горы стали парням могилой,
В моём же сердце ребята живы.

Припев:

Прости, друг Колька, прости, Серёга,
И звёзды смотрят так одиноко...
Прости меня, Олег Степанов,
Болит ночами память-рана.

Застыло небо в безмолвном крике,
И помнит сердце о сбитом МИГе.
Звезда в ночи горит, сияет.
Десант своих не забывает.

Припев:

Прости, друг Колька, прости, Серёга,
Как звёзды в небе, вы так высоко.
Прости меня, Олег Степанов,
В сердцах вы живы у ветеранов!

МАРК ЭСТЕРКИН

54 года. В Коломне с 1976г. Начал свою творческую деятельность в армейской стенгазете. Автор стихов, песен и коротких рассказов на сайте stih.ru. Публиковался в сборниках Коломенских авторов. В 2018г. вышла его книга «Возрождение внутренней энергии».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Он родился в палате с погибшим бойцом
Под сирены и бой канонады.
Он не видел того, кто давно стал отцом,
Кто оставил победу в награду.

Пережили блокаду, концлагерь и плен.
Голод холод в теплушке и в поле.
Только в рубашке рождались не все
И от бомб не укрылись в подоле...

Они веру вселяли рождением своим,
И улыбки сквозь страх и боль,
Поднимали со всеми страну из руин
Но хранили... спички и соль...

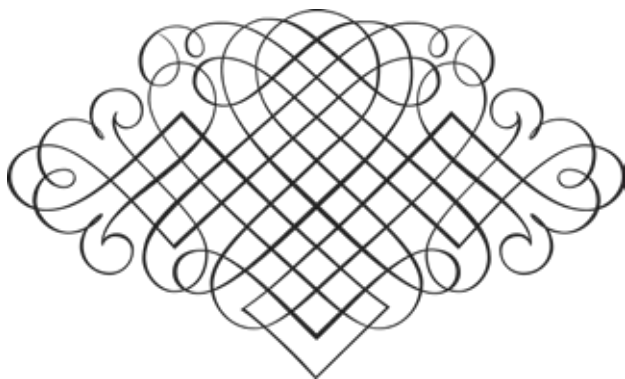
Припев:

Кто сказал, что не помнят они
Боль потерь и жестокость лишений?
Кто сказал, что погасли огни
От салютов победных сражений?...
Это дети , это дети войны,
Той войны живые осколки,
Оставляют нам мир, оставляют нам мир,
Оставляют... и мы их потомки...

Послушать можно здесь:

https://www.youtube.com/watch?v=An_IK_dY3u0

Если читать, как стихи, то припев читается просто в конце. Если,
как песня – то припев после каждого четверостишия

КРИСТИНА ЮМАТОВАС

Юматовас Кристина Эрнестасовна, 14 лет. Учится в 8 классе; воспитанница объединения «Пегасик», пишет стихотворения и прозу с 8 лет; имеет публикации в сборниках «Серебро слов», «Победители». Победитель и дипломант многих Российских, региональных и муниципальных творческих конкурсов, постоянная участница «Королёвских чтений», фестиваля «Ахматовская тропа». Увлекается театром, углублённо изучает французский язык; книгу считает лучшим подарком.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Фронтовые письма...

Сколько боли

Я держу сейчас в своих руках...

Память подрастающим сегодня –

Чья-то жизнь лишь в нескольких строках...

Их нашли недавно в старом доме –

Побледневшие и ветхие листы.

В них о бабушке в военной форме...

О войне, разрушившей мечты.

В них душа сквозь годы тихо плачет,

В них любовь не знает берегов...

А Берлин уже огнём охвачен.

До Победы – несколько шагов...

Был туман безрадостным и серым,
Словно старая намокшая шинель.
Два отряда шли в разведку смело
Сквозь холодный ветреный апрель.

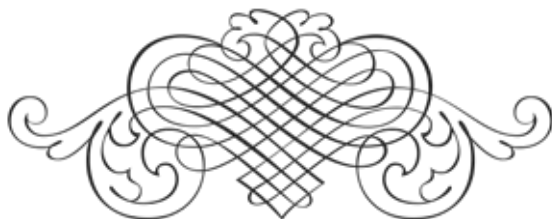
И была в одном связистка Настя,
А её возлюбленный – в другом.
Было рядом счастье, счастье, счастье...
Но беда рванула напролом...

Все с задания вернулись, кроме Насти.
Долго в поисках солдат во мгле кружил.
И своё пронзительное счастье
Он в земле чужой похоронил.

Он писал родным о горечи утраты,
Слёзы часто капали из глаз...
Так однажды под Берлином в 45-ом
Счастья ниточка оборвалась...

P.S.

История разорванной судьбы реальна: солдат – родственник отца автора стихотворения, встретивший на войне свою любовь и потерявший её незадолго до Победы. Настя была связисткой. Письма сохранились, но они очень ветхие, чернила выцвели.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово составителя	3
Фуад Алиев	5
Анатолий Гречихин	9
Виктория Древо	12
Наталья Евстигнеева	15
Елена Золотавина	53
Владислав Игнатов	57
Сергей Калабухин	59
Лидия Козлова	71
Владимир Колабухин	85
Михаил Корабельников	88
Марина Красавина	95
Анатолий Кузовкин	99
Сергей Кулешов	112
Евгений Куманяев	117
Олег Куприянов	122
День Победы	124
Алексей Кусков	126
Дмитрий Лик	129
Валентина Майорова	149
Денис Минаев	151
Татьяна Рогова	160
Павел Родькин	164
Маргарита Савинская	166
Галина Самусенко	169
Наталья Самыхина	172
Сергей Степанцев	174
Михаил Страхов	182
Александр Фёдоров	194
Владимир Холманских	195
Анастасия Шандрова	199
Ольга Широкова	201
Марк Эстеркин	211
Кристина Юматовас	213

Войны немеркнущая память

Сборник поэзии и прозы

Книга издаётся в авторской редакции

Составитель:

Н.Евстигнеева

Компьютерная вёрстка:

С.Калабухин